

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет» (АмГУ)

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре

Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Периодичность 4 раза в год

ТипЛ

Выпуск 2, № 2, 2016

Номер посвящается памяти выдающегося лингвиста, профессора А. С. Герда

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Издательство Амурского государственного университета

675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Архипова Нина Геннадьевна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань

доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Баррет Екатерина Викторовна

канд. филол. наук (США)

Буркин Алексей Алексеевич

д-р филол. наук (РФ, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)

Гусева Светлана Ивановна

д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Ермакова Людмила Витальевна

канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Лаврилье Александра

д-р соц. антропологии, доцент (Франция, Версальский университет)

Манёрова Кристина Валерьевна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович

д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет)

Пирогова Марина Андреевна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Поржучек Анджей

д-р филол. наук, доцент (Польша, Университет Силезии)

Селютина Ираида Яковлевна

д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич

д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна

д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Старыгина Галина Михайловна

канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид

доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюарт)

Чой Мун-Джеонг

доцент (Южная Корея)

Чугаева Татьяна Николаевна

д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна

д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.
С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ www.amursu.ru/lingua

Адрес редакционной коллегии:

675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502

e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИ № ФС77-60424

ThAL

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

Volume 2, Issue 2, 2016

The Issue is dedicated to the memory of an outstanding linguist, professor A. S. Heard

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press
Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region,
Russian Federation, Zip Code 675027

General Editor*Svetlana V. Androsova*

Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors*Svetlana V. Derkach*

PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova

PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board*Nina G. Arkhipova*

PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan

PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Ekaterina V. Barrett

PhD (the US)

Alexis A. Burykin

Doctor of Philology (Linguistic Research Institute at Russian Academy of Science, St. Petersburg, Russian Federation)

Svetlana I. Guseva

Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Ludmila V. Ermakova

PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Alexandra Lavrillier

PhD (University of Versailles, France)

Kristina V. Manerova

PhD, associate professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov

Doctor of Philology, professor (St. Petersburg State Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation)

Marina A. Pirogova

Associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Andrzej Porzuczek

PhD, (University of Silesia, Katowice, Poland).

Iraida Ya. Selyutina

Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin

Doctor of Philology, professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya

Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina

PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien

PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Moon-Jeong Choi

PhD (Institute of Humanities of Seoul National University, Republic of Korea)

Tatiana N. Chugaeva

Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina

PhD, associate professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko

Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya

PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Publisher Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation, Zip Code 675027; website: www.amursu.ru/lingua
e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

УДК 81'32, 81'33
UDC 81'32, 81'33

Бурыкин Алексей Алексеевич
Институт лингвистических исследований
Российская Академия Наук
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Alexis A. Burykin
Institute for Linguistic Studies
Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
e-mail: albury@rambler.ru

ТЕОРЕТИК ВО ВСЁМ. К 80-ЛЕТИЮ А. С. ГЕРДА
THEORIST IN EVERYTHING. TO THE 80TH ANNIVERSARY
OF ALEXANDER S. HEARD

Аннотация

Статья приурочена к 80-му дню рождения профессора доктора филологических наук А. С. Герда (1936–2016). А. С. Гerd известен как специалист по русскому языку, прикладной лингвистике, математической лингвистике, терминологии, названиям рыб в терминологическом и этимологическом аспектах. Он известен как специалист по связям русских диалектов с прибалтийско-финскими языками, по исторической географии Северной России и роли финно-угорских народов в этнической истории Русского Севера, а также по этнолингвистике и социоллингвистике. Статья представляет краткий обзор книг и статей профессора А. С. Герда, связанных с изучением общих проблем языкознания и прикладной лингвистики.

Abstract

The present article is dated for 80th birthday of the professor, Doctor of Philology A. S. Heard (1936–2016). A. S. Heard is known as an expert in the Russian language, applied linguistics, computational linguistics, terminology, names of fishes in terminological and etymological aspects. He is known as an expert in connections of Russian dialects with the Baltic-Finnish languages, in historical geography of the Russian North and the role of the Finno-Ugric people in the ethnic history of Russian North, as well as in ethnolinguistics and sociolinguistics. The current paper presents a the short review of books and articles written by professor A. S. Heard with the focus on studying general problems of linguistic science and applied linguistics.

Ключевые слова: теория языка, прикладная лингвистика, этнолингвистика, социоллингвистика, диалектология, словари, терминология.

Keywords: linguistic theory, applied linguistics, ethnolinguistics, sociolinguistics, dialectology, dictionaries, terminology.

Вряд ли среди отечественных лингвистов найдётся тот, кому не было бы знакомо имя профессора Александра Сергеевича Герда. А. С. Герд – живая эпоха и живая легенда в ленинградской-петербургской русистике, математической и прикладной лингвистике, диалектологии, этнолингвистике и социолингвистике, терминоведении, русской и финно-угорской ихтионимии, топонимике и исторической географии Северо-Западной Руси. Филолог-русист по образованию, А. С. Герд более 40 лет заведовал кафедрой математической лингвистики Филологического факультета Санкт-Петербургского университета, активно вёл и координировал работу по изучению русских народных говоров, возглавлял группу Большого Академического словаря современного русского языка и Группу Лексического Атласа русских народных говоров в Институте лингвистических исследований РАН, занимался проблемами этнолингвистики, корпусной лингвистики, компьютерными технологиями в самых разных областях лингвистики от истории русского языка до топонимики.

А. С. Герд родился 23 июня 1936 года, он родом из семьи педагогов-биологов. Его отец, Сергей Владимирович Герд (1897–1961) был биологом, вёл исследовательскую работу в Карелии, а в 1950-е годы заведовал кафедрой зоологии Ленинградского государственного педагогического института (ныне Российский государственный педагогический университет) им. А. И. Герцена.

В 1959 году А. С. Герд окончил филологический факультет ЛГУ, носивший тогда имя А. А. Жданова. В 1962 году он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Морфологическое словообразование имён существительных в современном русском языке» – словообразование было тогда молодой и перспективной научной дисциплиной, и как раз дериватологи могли мечтать об объёмных инверсионных словарях русского языка, показывающих потенциал словообразовательных элементов, суффиксов и формативов, устойчивых комплексов суффиксов. С 1962 года А. С. Герд стал научным сотрудником межкафедрального словарного кабинета ЛГУ, позднее получившего имя Б. А. Ларина. С 1963 года А. С. Герд – преподаватель кафедры русского языка, тогда же он стал помощником заведующего кафедрой русского языка – эту кафедру в то время возглавлял Н. А. Мещерский (1906–1987), востоковед и филолог-русист. В 1968 году, в возрасте 32 лет А. С. Герд защитил докторскую диссертацию «Проблемы формирования научной терминологии (на материале русских научных названий рыб)».

До 1973 года А. С. Герд был профессором кафедры русского языка, а с 1973 года и до конца апреля 2016 года А. С. Герд заведовал кафедрой математической лингвистики филологического факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета и оставил эту должность сам, за несколько дней до своей безвременной кончины 2 мая 2016 года. Он стоял у её истоков в начале 1960-х годов и пришёл к руководству кафедрой в непростое время – как он рассказывал на одной из конференций много позже, ему, беспартийному, пришлось однажды по вызову

идти в Смольный к самому первому секретарю Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романову и объяснять ему, что представляет собой новое направление науки, только-только пускающее корни на берегах Невы, и сколь значительной может быть роль кафедры математической лингвистики в народном хозяйстве. С 1986 года А. С. Герд сотрудничает со Словарным отделом Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР (с 1991 г. – Институт лингвистических исследований РАН).

В 1960–1970-е годы под руководством А. С. Герда преподаватели кафедры и студенты во время летней практики активно собирают материалы для «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» и начинают работу над словарными статьями Словаря. Словарь этот вышел много позже [Словарь..., 2005], и для многих стал хорошей диалектологической и лексикографической школой.

Когда компьютерная лингвистика делала свои первые шаги, то, что мы называем компьютером, не походило на современный аппарат с тем же названием и называлось иначе – ЭВМ, основное приложение таких устройств сводилось к счётной (статистической обработке данных). Этому и посвящена первая работа А. С. Герда в данной области [Герд, 1964]. За ней последовали другие, также связанные со статистикой [Герд, 1971 а, 1973, 1974 б; Статистика..., 1987], а также и с проблемами развития и регламентации научной терминологии [Герд, 1971 б]. Позже появилась статья о значении низкочастотных фактов в исследованиях [Герд, 1993], имеющая методологическое значение и способная прокомментировать многие объёмные результаты лингвостатистической обработки.

Трудно было ожидать, что лингвистическая статистика из специальной области вычислительной лингвистики (есть и такое понятие) разрастётся в коллективе единомышленников А. С. Герда в новую область исторической морфологии русского языка и других славянских языков. Результаты этой работы впечатляли по её завершении и впечатляют до сих пор – это двухтомная монография по статистике форм именного склонения в славянских языках XI–XIV веков и XV–XVII веков [Именное склонение..., 1974, 1977], и серия статей на эти же сюжеты [Аверина, Герд, 1983; Герд, 1985 а; Аверина et al., 1987, Герд, 2008 б, 2012 а].

Одна из дорогих сердцу А. С. Герда областей лингвистической теории – морфемика и словообразование. Учение о морфеме, которое во второй половине 20 века выделилось из морфологии, оставив этой дисциплине грамматические проблемы, и способствовало становлению словообразования как отдельной дисциплины, начало интенсивно развиваться. При этом Петербургская лингвистическая школа сумела здесь проявить себя – заметно, насколько обновлена данная проблематика в учебнике Ю. С. Маслова по сравнению с другими вузовскими курсами введения в языкознание [Маслов, 1975]. Первым трудом, посвящённым морфемике, стала небольшая книжка [Герд, 1966], за которой последовали работы посвящённые триаде «Словообразование – формообразование – словоизменение» [Герд, 1970 а, 1970 б, 1984, 1985 б, 1992 а, 1994], вопросам

семантики морфемы [Герд, 1983 б], свойствам морфем [Герд, 1983 а, 2002 б], месту морфемики в описательной грамматике [Герд, 1977, 1997 в], отношению морфемики к лексикологии [Герд 1990 в], соотношению морфемики и морфологии [Герд, 1996], метаязыку для описания морфем [Герд, 1997 в], типологии морфем [Герд, 1998 а], прикладным проблемам морфемики, связанным с возможностями автоматической обработки языкового материала – словаря и текста [Герд, 1986 а, 1986 б, 1992 а ; Структурная типология..., 2016].

Прикладная лингвистика занимает в научном творчестве А. С. Герда особое место. Собственно говоря, название его кафедры – кафедра математической лингвистики – по большому счёту дань местной традиции и средство идентификации, отличающее её и соответствующее отделение факультета от отделения Структурной (позже теоретической) и прикладной лингвистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Понятно, что и преподаватели, и выпускники кафедры теснейшим образом связаны с прикладными проблемами. Труды А. С. Герда и его коллег и учеников представляют разные направления прикладной лингвистики: тезаурусы [Герд, 1974 а, 1989], банки и базы данных [Герд, 1982 ; Лингвистическая концепция..., 1989 ; Герд, 1989 б, 1990 а, 2002 а], связь прикладной лингвистики с теорией языка и практическими потребностями [Теоретические проблемы..., 1983; Автоматизированный банк..., 1987 ; Герд, 1987, 1990 б, 1998 б ; Heard, 2003], общие проблемы автоматизации и компьютеризации исследований в гуманитарных науках [Автоматизация..., 1981], автоматизация словарной работы [Герд, 1988] компьютеризация изучения древнерусских текстов [Автоматизированный банк...], диалектные материалы и картотеки в машинном фонде русского языка и перспективы электронных картотек в диалектологии [Герд, 1995 г, 2010 г], проблематика корпусной лингвистики [Герд, Захаров, 2004 ; Электронный корпус..., 2004 ; Герд, 2013 а]. Огромная работа А. С. Герда по организации исследований и научных мероприятий в этой области просто не поддаётся обзору.

Ещё одна область приложения энтузиазма и сил А. С. Герда – русская академическая лексикография в тех её качествах, какие она обрела в последние два десятилетия 20 века и в начале 21 века. Эта область науки и практики стала особенно актуальной, когда он во второй половине 1980-х годов, не покидая университетской кафедры, пришёл в Словарный отдел ЛО ИЯ-ИЛИ РАН. В это время в отделе шла работа над вторым изданием Большого академического словаря русского языка и велось активное обсуждение новых направлений в русской академической лексикографии, которые могли бы быть реализованы на базе отдела. Этим проблемам посвящена одна из первых работ А. С. Герда в данной области [Герд, 1990 г], за которой последовали рецензии на начальные тома второго издания Большого академического словаря [Герд, 1992 б], а далее, когда стало ясно, что вместо второго издания многотомного словаря в свет будет выходить третье, кардинально обновлённое, А. С. Герд включился в обсуждение проблематики нового словаря и перспектив фундаментальной академической лексикографии [Герд, 1995 б, 1995 в, 2010 а, 2013 б, 2015 а, 2015 б].

Одновременно с проблемами теории и практики, особенно в связи с вопросом о дефиците материалов в Большой словарной картотеке, А. С. Герд начинает рассматривать проблемы новых источников для академического словаря русского языка, что находит продолжение в его работах последнего десятилетия [Герд, 2008 в ; Бурыкин, Герд, 2015] (см. [Бурыкин 2015]).

В последней четверти 20 века и в начале 21 века Большая словарная картотека и её материалы положили начало новым словарным проектам, составившим отдельный самостоятельный этап развития русской исторической лексикологии и лексикографии. Опыт первого издания Большого Академического словаря поставил вопрос о создании Словаря русского языка 18 века, позже, отчасти на опыте этого словаря, отчасти в связи с возможностями использования большой Словарной картотеки, началась работа над Словарем русского языка 19 века, которая также не обойдена вниманием А. С. Герда – теоретика, лексиколога и лексикографа [Герд, 2008 а], этот словарь и другие словарные проекты поставили вопрос о типах исторических словарей русского языка [Герд, 2010 б]. Новая инициатива учёного – Словарь русского языка первой половины 20 века, призванный восполнить лакуны в описании лексики русского литературного языка минувшего столетия, образовавшиеся по самым разным причинам [Герд, 2008 а, 2008 г ; Бурыкин, Герд, 2015].

Наряду с работами, связанными с актуальными проблемами академической лексикографии в её практике, А. С. Герд уделяет большое внимание теоретическим проблемам общей и русской лексикографии. Здесь можно оставить за пределами внимания его работу в области специальных терминологических словарей, это достойно отдельной публикации, но надо отметить его собственные разработки в сфере теории лексикографии [Герд, 1997 а, 2010 в, 2013 а, 2013 в].

О том, насколько внимателен А. С. Герд к проблемам лингвистической теории и лингвистической терминологии в её практическом приложении, красноречивее всего говорят названия его статей: «Несколько замечаний касательно понятия „диалект”» [Герд, 2000], «К определению понятия «Словарь» [Герд, 1997 а], «Ещё раз о понятии «этнолингвистика» [Герд, 2003], «К определению понятия «текст на церковнославянском языке» [Герд, 2004], «О лингвистическом понятии «жаргон» [Герд, 2006 б], «Ещё раз о понятии «современный русский язык» [Герд 2011]. «Несколько слов о понятии «Национальный язык»» [Герд, 2006 а] – а сколько обсуждений, пояснений и уточнений содержится в других книгах и статьях А. С. Герда – невозможно подсчитать.

А. С. Герд известен огромному количеству своих коллег как диалектолог, собиратель материала, инициатор и организатор ярких и масштабных проектов, исследователь диалектной лексики, этимолог, лингвогеограф. Наряду со сбором, изучением и лексикографической обработкой материала для таких изданий, как «Словарь русских говоров Карелии», «Словарь Брянских говоров», «Селигер. Материалы русской диалектологии», переизданием «Опыта областного великорусского словаря и Дополнение» [Герд, 2008 д]. А. С. Герд разрабатывает общие вопросы

диалектологии, лингвогерграфии, ареальной лингвистики – проблемы определения диалектных границ, диахронии диалектов, соотнесению данных диалектов с этнографическими материалами и данными археологии.

Диалектолог-полевик, А. С. Герд не мог не обратить внимание на факты взаимодействия русских говоров Северо-Запада с прибалтийско-финскими языками на уровне морфологии, что также нашло отражение в его публикациях. Постепенно интересы учёного в сфере прибалтийско-финского языкознания и этнолингвистики стали сближаться с актуальными проблемами исторической географии Северо-Запада России в исторической перспективе, чему посвящены отдельные работы А. С. Герда в сотрудничестве с археологами. Он – один из авторов Программы Лексического атласа русских народных говоров, организатор и непременный участник ежегодных совещаний по Лексическому атласу русских народных говоров, которые по традиции проводятся в начале каждого календарного года в Географическом обществе РФ и в Институте лингвистических исследований РАН.

А. С. Герд – яркий теоретик не только в области лингвистики, его привлекают и такие проблемы, как теория этногенеза и этногенетические процессы, моделирование истории культуры по комплексным данным [Герд, 1997 б], понятие историко-культурных зон, соотношение отдельных гуманитарных дисциплин при решении комплексных проблем истории, этнографии, исторической лингвистики и диалектологии. Вклад А. С. Герда в смежные с языкознанием области высоко ценится его коллегами.

А. С. Герд написал в общей сложности более 300 научных работ, монографий, статей, словарных статей в диалектных словарях. Среди его работ – учебные пособия по прикладной лингвистике [Прикладная лингвистика, 1996 ; Прикладное языкознание, 1996 ; Герд, 2005 б], этнолингвистике [Герд, 1995 а, 2001, 2005 а], социолингвистике [Герд, 2012 б, 2013 г], которые нашли признание и оказались востребованными во многих университетах России. Огромное количество монографий, сборников статей вышло под его редакцией.

Кафедра математической лингвистики – небольшая, на каждом курсе обучается менее десятка студентов, но число выпускников – непосредственных учеников А. С. Герда составляет сотни. Кроме того, А. С. Герд в разные годы преподавал различные лингвистические дисциплины студентам отделения русского языка и литературы, славистам, филологам-классикам, читал лекции на факультете журналистики. Среди его учеников немало кандидатов и докторов наук по разным филологическим специальностям. Он участвовал и участвует в работе диссертационных советов: меняется состав советов, номенклатура специальностей, но его присутствие в составе советов по защите диссертаций обязательно как сама процедура. Почти 50 лет работы в диссертационных советах – этим также могли бы похвастать немногие, однако единственное, что скромно открывает Александр Сергеевич из истории своей научной деятельности и биографии – это список своих работ.

В кругу коллег – специалистов по прикладной лингвистике и по русистике, диалектологов, финно-угроведов, этнографов, историков, археологов, А. С. Герд был известен не только как замечательный и разносторонний учёный, но и как особо обаятельная личность, прекрасный человек. Эти качества А. С. Герда постигаются своеобразно – студенты обычно встречались с Александром Сергеевичем как с суровым учителем, читающим трудные курсы, и строгим экзаменатором, только немногие, кто выезжает на диалектологическую практику, могли увидеть в нём с первых минут знакомства внимательного и заботливого руководителя, который приедет в самую дальнюю деревню, чтобы ознакомиться с работой, дать наставления и советы. Постигание многогранности персоны А. С. Герда, его человеческих и личностных свойств, приходило позже – и потом уже если и менялось, то только в положительную сторону.

Почти никто из коллег ничего не знал о наградах, полученных Александром Сергеевичем за своё многолетнее служение высшей школе и науке. Вот их список, найденный случайно в одном из документов на университетском сайте:

- почетное звание «Заслуженный работник Высшей Школы Российской Федерации» от 10-09 1999;
- почетный профессор СПбГУ (удостоверение от 25-02 2013);
- юбилейная медаль «В память 300-летия Санкт-Петербурга» № 210093 от 3-11 2003;
- орден Дружбы № 9709 от 21-04 2008;
- почетная грамота СПбГУ «За педагогическое мастерство» от 27–12 1996;
- медаль «Ветеран труда» от 4-09 1994;
- почетный член Международного филологического общества, сертификат от 8-02 2015ж;
- премия Европейского совета 2008 года EU-EAFT-2008 за русско-финский словарь по лесной промышленности Somalais-venalainen Metsasanakirja, Helsinki /Metsa 2008.

В этом перечне нет медали «Санкт-Петербургский государственный университет», которой награждаются лица, чей стаж обучения и работы в СПбГУ составляет 50 лет. Положение об этой медали в новейшей редакции было принято 8 октября 2012 года, но эта награда вручалась и раньше. Или она не указана в перечне наград А. С. Герда, или воистину в своём отечестве есть трудности с проками – кто знает...

Накануне своего 80-летия А. С. Герд был полон сил и энергии, продолжал руководить важными проектами, до последних дней заведовал кафедрой математической лингвистики (более 40 лет заведования кафедрой – цифра претендует на университетский рекорд), участвовал в самых разных конференциях, обсуждал с коллегами – лично и онлайн на компьютере – задачи и перспективы русской академической лексикографии, корпусной лингвистики, прикладных проблем обработки текста и лексических материалов. Его собраты по лингвистическому цеху, единомышленники, друзья, ученики готовились достойно отметить юбилей нашего дорогого

Учителя и старшего коллеги. Печально, что судьба распорядилась иначе.... Наш долг – помнить этого необыкновенного человека и учёного и хранить его труды для новых поколений лингвистов.

Список литературы

1. Аверина, С. А. Статистический комментарий к древнеславянским памятникам XI–XVI вв. [Текст] / С. А. Аверина, А. С. Герд // Структурная и прикладная лингвистика. – Вып. 2. – Л., 1983 в. – С. 108–119.
2. Автоматизация в лексикографии и словари-конкордансы (соавт.:) [Текст] / С. А. Аверина, И. В. Азарова, В. В. Богданов, А. С. Герд // Филологические науки. – 1981. – № 1. – С. 72–77.
3. Автоматизированный банк древнерусских текстов [Текст] / С. А. Аверина, А. С. Герд, Е. Л. Кузнецова [и др.] // Диалоговые системы и персональные ЭВМ. – Л., 1987. – С. 133–138.
4. Бурыкин, А. А. Электронный ресурс для исследований в области русской лексикологии и лексикографии «Библиотека лексикографа»: опыт работы, перспективы пополнения, возможности [Текст] / А. А. Бурыкин // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – № 4. – С. 5–28.
5. Бурыкин, А. А. Электронные ресурсы для лексикологии и лексикографии и задачи составления словаря русского языка первой половины двадцатого века [Текст] / А. А. Бурыкин, А. С. Герд // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2015». – СПб, 2015. – С. 146–153.
6. Герд, А. С. О статистическом распределении структурных типов слов и морфем, их образующих [Текст] / А. С. Герд // Материалы конференции «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова». – Т. 1. – Самарканд, 1964. – С. 77–78.
7. Герд, А. С. Морфемный и словообразовательный анализ: пособие для студентов факультета журналистики ЛГУ [Текст] / А. С. Герд. – Л., 1966. – 60 с.
8. Герд, А. С. Анализ структуры слова и вопрос о соотношении словообразования и формообразования [Текст] / А. С. Герд // По новым программам. – Петрозаводск, 1970 а. – С. 346–353.
9. Герд, А. С. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие [Текст] / А. С. Герд. – Л., 1970 б. – 35 с.
10. Герд, А. С. О статистическом изучении научной терминологии [Текст] / А. С. Герд // Автоматическая переработка текста методами прикладной лингвистики: материалы всесоюзной конф., Кишинёв, 6–8 октября 1971 г. – Кишинёв, 1971 а. – С. 42–44.
11. Герд, А. С. Проблемы становления и упорядочения научной терминологии [Текст] / А. С. Герд // Вопросы языкознания, 1971 б. – Вып. 1. – С. 14–22.
12. Герд, А. С. Формально-статистический анализ полисемии [Текст] / А. С. Герд // Проблемы формализации семантики языка. М., 1973.
13. Герд, А. С. Словник тезаурусов и вопрос о составных компонентах специальных терминов [Текст] / А. С. Герд // Лингвистическое обеспечение автоматизированных систем управления и информационно-поисковых систем. – Махачкала, 1974 а. – С. 133–136.

14. Герд, А. С. Статистика русских словообразовательных типов [Текст] / А. С. Герд // Тези доповідей та повідомлень міжвузовської наукової конф. питання східнослов'янського іменного словотвору. – Київ, 1974 б. – С. 14–15.
15. Герд, А. С. Морфемика в описательной грамматике [Текст] / А. С. Герд // Морфемика. – Л., 1977. – С. 34–43.
16. Герд, А. С. Проектирование и разработка автоматизированных терминологических банков данных [Текст] / А. С. Герд // Совершенствование перевода научно-технической литературы и документов. – М., 1982. – С. 7–8.
17. Герд, А. С. Морфологическая сегментация текста и параметрическая характеристика морфем. [Текст] / А. С. Герд // Спорные вопросы русского языкознания. – Л., 1983 а. – С. 151–156.
18. Герд, А. С. Семантика морфемы: значение или значимость? [Текст] / А. С. Герд // Структурная и прикладная лингвистика. – Вып. 2. – Л., 1983 б. – С. 47–53.
19. Герд, А. С. Словообразование, формообразование и словоизменение [Текст] / А. С. Герд // Лингвистика и модели речевого поведения. – Л., 1984. С. 13–21.
20. Герд, А. С. Древнеславянский язык и его типы по лингвостатистическим данным [Текст] / А. С. Герд // Учен. зап. Тартуского государственного университета. – 1985 а. – Вып. 711. – С. 9–21.
21. Герд, А. С. О единстве процессов словообразования и формообразования [Текст] / А. С. Герд // Материалы VIII Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1985 б. С. 141–142.
22. Герд, А. С. Русская морфология и машинный фонд русского языка [Текст] / А. С. Герд // Вопросы языкознания. – 1986 а. – № 6. – С. 90–96.
23. Герд, А. С. Типы русских текстов и машинный фонд русского языка. [Текст] / А. С. Герд // Машинный фонд русского языка: идеи и суждения. М.: Наука, 1986 б. – С. 67–75.
24. Герд, А. С. Автоматизация исследований в гуманитарных науках [Текст] / А. С. Герд // Вторая Всесоюзная конференция по созданию Машинного фонда русского языка. М., 1987.
25. Герд, А. С. Ещё раз об автоматизации лексикографических работ [Текст] / А. С. Герд // Советская лексикография. – М., 1988. – С. 225–232.
26. Герд, А. С. Лексические базы данных и вопрос тезауруса русского языка [Текст] / А. С. Герд // Третья Всесоюзная конференция по созданию Машинного фонда русского языка. – Ч.1. – М., 1989 а.
27. Герд, А. С. Некоторые замечания о полиотекстовых базах данных [Текст] / А. С. Герд // Научно-техническая информация. Серия 2. – 1989 б. – № 9. – С. 16–18.
28. Герд, А. С. Лексическая база данных МФРЯ (структура) [Текст] / А. С. Герд // Доклады третьей Всесоюзной конференции по созданию Машинного фонда русского языка. – М., 1990 а. – С. 53–57.
29. Герд, А. С. Лингвистическая теория и реализация прикладных задач [Текст] / А. С. Герд // Теория и практика научно-технической лексикографии и перевода. – Горький, 1990 б. – С. 4–9.
30. Герд, А. С. Морфемика в её отношении к лексикологии [Текст] / А. С. Герд // Вопросы языкознания. – 1990 в. – № 5. – С. 5–11.

31. Герд, А. С. Новый академический словарь русского языка — исходные позиции и ориентиры [Текст] / А. С. Герд // Актуальные проблемы разработки Нового академического словаря русского языка. — Л., 1990 г. — С. 29–30.
32. Герд, А. С. Аспекты описания морфемы [Текст] / А. С. Герд // Инженерная лингвистика и оптимизация преподавания языков. — Самарканд, 1992 а. — С. 8–11.
33. Герд, А. С. Словарь современного русского языка в 20 т. (рецензия) [Текст] / А. С. Герд // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — 1992 б. — №. 3. — С. 85–87.
34. Герд, А. С. К вопросу о роли низкочастотных факторов в лингвистическом исследовании [Текст] / А. С. Герд // Структурная и прикладная лингвистика : межвуз. сб. — Вып. 4 / отв. ред. А. С. Герд. — СПб :Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1993. — С. 85–97.
35. Герд, А. С. Морфемика в её отношении к формообразованию [Текст] / А. С. Герд // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках. Семантика и функционирование. — Томск, 1994. — С. 39–50.
36. Герд, А. С. Введение в этнолингвистику [Текст] / А. С. Герд. — 2-е изд. испр. и доп. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995 а. — 92 с.
37. Герд, А. С. Из размышлений на пути к Новому академическому словарю современного русского языка [Текст] / А. С. Герд // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность : сб. статей / Институт русского языка РАН / [ред. кол.: Ю. С. Степанов, Е. А. Земская, А. М. Молдован]. — М., 1995 б. — С. 72–79.
38. Герд, А. С. К концепции Нового академического словаря [Текст] / А. С. Герд // Очередные задачи русской академической лексикографии :сб. / Г. Н. Складеревская [отв. ред.] — СПб : Изд-во ИЛИ РАН, 1995 в. — С. 24–31.
39. Герд, А. С. Картотеки русской диалектной лексики и машинный фонд русского языка [Текст] / А. С. Герд // Национальные лексико-фразеологические фонды. — СПб, 1995 г. — С. 193–197.
40. Герд, А. С. Морфемика в её отношении к морфологии [Текст] / А. С. Герд // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 1996. Серия 2. История. —№ 2 (9), — С. 34–40.
41. Герд, А. С. К определению понятия «Словарь» [Текст] / А. С. Герд // Проблемы лексикографии. — СПб, 1997 а. — С. 191–203.
42. Герд, А. С. О метаязыке комплексных исследований традиционной культуры [Текст] / А. С. Герд // Традиционная культура финно-угров и соседних народов : тезисы докладов. — Петрозаводск, 1997 б. — С. 3–4.
43. Герд, А. С. Язык для описания морфем [Текст] / А. С. Герд // Морфемика: принципы сегментации, отождествления и классификации морфологических единиц: межвуз. сб. статей. — СПб, 1997 в. — С. 95–101.
44. Герд, А. С. Неморфемная морфемика [Текст] / А. С. Герд // Славистический сборник в честь 70-летия профессора П. А. Дмитриева. — СПб, 1998 а. — С. 45–68.
45. Герд, А. С. О специфике задач в прикладной лингвистике [Текст] / А. С. Герд // Структурная и прикладная лингвистика. — Вып. 5. — СПб, 1998 б. — С. 123–131.

46. Герд, А. С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» [Текст] / А. С. Герд // Русский язык сегодня – Вып. 1 / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Л. П. Крысин. – М. : Азбуковник, 2000. – С. 45–52.
47. Герд, А. С. Введение в этнолингвистику [Текст] / А. С. Герд. – СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2001. – 448 с.
48. Герд, А. С. Базы данных и прикладная лингвистика [Текст] / А. С. Герд // Материалы конференции «Корпусная лингвистика и лингвистические базы данных»: Доклады научной конференции «Корпусная лингвистика и лингвистические базы данных». – СПб, 2002 а. – С. 3–6.
49. Герд, А. С. Морфологическая сегментация текста (морфемика в её отношении к морфонологии) [Текст] / А. С. Герд // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Серия 2. История. – 2002 б. – Вып. 2. – С. 33–37.
50. Герд, А. С. Еще раз о понятии «этнолингвистика» [Текст] / А. С. Герд // Язык и народ. – СПб, 2003. – С. 121–132.
51. Герд, А. С. К определению понятия «текст на церковнославянском языке» [Текст] / А. С. Герд // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2004. – Вып. 3–4. – С. 75–85.
52. Герд, А. С. Введение в этнолингвистику : курс лекций и хрестоматия. [Текст] / А. С. Герд. – 2-е изд., испр. – СПб, 2005 а. – 457 с.
53. Герд, А. С. Прикладная лингвистика [Текст] / А. С. Герд. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005 б. – 268с.
54. Герд, А. С. Несколько слов о понятии «Национальный язык» [Текст] / А. С. Герд // Слово отзовется. – Пермь, 2006 а. – С. 221–222.
55. Герд, А. С. О лингвистическом понятии «жаргон» [Текст] / А. С. Герд // Слово в словаре и дискурсе : сб. науч. статей к 50-летию Харри Вальтера / под ред. А. Бириха, Т. Володиной. – М. : Эллис, 2006 б. – С. 201–208.
56. Герд, А. С. «Словарь русского языка XIX века» в свете проблем общей лексикографии [Текст] / А. С. Герд // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований / отв. ред. Н. Н. Казанский. – Т. IV, ч. 3. Русский язык XIX века: динамика языковых процессов / отв. ред. В. Н. Калиновская. – СПб. : «Наука», 2008 а. – С. 9–16.
57. Герд, А. С. Лингвостатистические материалы к истории именного склонения в словенском языке (Hristjanske uzilo) [Текст] / А. С. Герд // Структурная и прикладная лингвистика : межвуз. сб. – Вып. 7 / отв. ред. А. С. Герд. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008 б. – С. 69–80.
58. Герд, А. С. РНК – Словарная картотека – Академический словарь [Текст] / А. С. Герд // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008 в. – С. 143–149.
59. Герд, А. С. Словарь русского литературного языка первой половины XX века (к постановке проблемы) [Текст] / А. С. Герд // Слово и текст в культурном сознании эпохи : сб. науч. трудов / отв. ред. Г. В. Судаков. – Вологда, 2008 г. – С. 208–211.
60. Герд, А. С. Опыт областного великорусского словаря и дополнение к опыту областного великорусского словаря [Текст] / А. С. Герд. – СПб, 2008 д. – 640 с.
61. Герд, А. С. Большой академический словарь русского языка: на половине пути [Текст] / А. С. Герд // Проблемы лексической семантики : тезисы докладов

- междунар. конф. «Девятые Шмелевские чтения», Москва, 24–26 февраля 2010 г. – М., 2010 а.
62. Герд, А. С. К типологии исторических словарей [Текст] / А. С. Герд // Историческая лексикология и лексикография. – Вып. 8 / под ред. О. А. Черепановой. – СПб., 2010 б. – С. 22–33.
63. Герд, А. С. Существует ли общая теория лексикографии как предмет языкознания [Текст] / А. С. Герд // Межкафедральный словарный кабинет имени проф. Б. А. Ларина. – СПб., 2010 в. – С. 151–155.
64. Герд, А. С. Современная диалектология в кругу других дисциплин [Текст] / А. С. Герд // Севернорусские говоры: межвуз. сб. – Вып. 11 / отв. ред. А. С. Герд. – СПб., 2010 г. – С. 3–9.
65. Герд, А. С. Ещё раз о понятии «современный русский язык» [Текст] / А. С. Герд // Лингвистика от востока до запада. В честь 70-летия В. Б. Касевича: сб. статей. – СПб., 2011. – С. 80–85.
66. Герд, А. С. Лингвостатистические комментарии к системе склонения имен существительных в словенских текстах [Текст] / А. С. Герд // Структурная и прикладная лингвистика: межвуз. сб. – Вып. 9 / отв. ред. А. С. Герд. – СПб., 2012 а. – С. 291–294.
67. Герд, А. С. Социолингвистика: учеб. пособие [Текст] / А. С. Герд. – СПб., 2012 б. – 57 с.
68. Герд, А. С. Академическая лексикография как система корпусов [Текст] / А. С. Герд // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2013», Санкт-Петербург, 25–27 июня 2013 г. – СПб., 2013 а. – С. 247–249.
69. Герд, А. С. Академический словарь в свете современных социолингвистических тенденций [Текст] / А. С. Герд // *Acta linguistica petropolitana*. Труды института лингвистических исследований / отв. ред. Н. Н. Казанский. – Том IX, ч. 2. Русская историческая лексикология и лексикография / отв. ред. И. А. Малышева, В. Н. Калиновская. – СПб.: Наука, 2013 б. – С. 131–138.
70. Герд, А. С. Теория языка и лексикография [Текст] / А. С. Герд // От буквы к словарю: сб. науч. статей к 200-летию со дня рождения академика Я. К. Грота / отв. ред. О. А. Старовойтова. – СПб., 2013 в. – С. 136–142.
71. Герд, А. С. Социолингвистика: учеб. пособие [Текст] / А. С. Герд. – СПб., 2013. – 59 с.
72. Герд, А. С. Большой академический словарь русского языка как словарь-тезаурус [Текст] / А. С. Герд // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: сб. статей к 150-летию со дня рождения учёного / отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. – СПб.: Нестор-История, 2015 а. – С. 948–954.
73. Герд, А. С. Типы языковых состояний и словарь национального языка [Текст] / А. С. Герд // Речевые жанры современного общения. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2015 б. – С. 39–41.
74. Герд, А. С. Национальный корпус русского языка в свете проблемы современной филологии [Текст] / А. С. Герд, В. П. Захаров // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2004». – СПб., 2004. – С. 122–131.
75. Именное склонение в славянских языках XI–XIV вв. Лингвостатистический анализ [Текст] / А. С. Герд, Л. В. Капорулина, В. В. Колесов, М. П. Рускова, О. А. Черепанова [отв. ред. Н. А. Мещерский]. – Л., 1974. – 236 с.

76. Именное склонение в славянских языках XV–XVI вв. Лингвостатистический анализ. [Текст] / А. С. Герд, Л. В. Капорулина, В. В. Колесов, М. П. Рускова, О. А. Черепанова [отв. ред. Н. А. Мещерский]. – Л., 1977. – 222 с.
77. Лингвистическая концепция Терминологического банка данных Машинного фонда русского языка [Текст] / отв. ред. А. С. Герд. – М., 1989. – 103 с.
78. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание. [Текст] / Ю. С. Маслов. – М. : Высшая школа, 1975. – 327 с.
79. Прикладная лингвистика и теория языка [Текст] / В. В. Богданов, Л. В. Бондарко, В. Д. Буторов, А. С. Герд // Структурная и прикладная лингвистика. – Вып. 3. – Л., 1987. – С. 3–16.
80. Прикладное языкознание : учебник [Текст] / отв. ред. А. С. Герд. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – 525 с.
81. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей [Текст] / глав. ред. А. С. Герд. – Вып. 6. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 992 с.
82. Статистика суффиксов имён существительных в памятниках древнеславянской письменности [Текст] / С. А. Аверина, Е. Л. Алексеева, М. Б. Попов, А. С. Герд // Структурная и прикладная лингвистика. – Вып. 3. – Л., 1987. – С. 109–115.
83. Структурная типология словарных статей в словарях русского языка разных типов и способы их формального представления [Текст] / У. В. Буторова, А. С. Герд, В. П. Захаров, Е. В. Пурицкая [и др.] // Научно-техническая информация. – 2016. – Серия 2. – № 2.
84. Теоретические проблемы языкознания и практические потребности народного хозяйства [Текст] / В. В. Богданов, Л. В. Бондарко, В. Д. Буторов, А. С. Герд // Вестник Ленинград. ун-та. Серия 1. История, язык и литература. – 1983. – № 8. – Вып. 2. – С. 52–64.
85. Электронный корпус текстов по памятникам древнерусской агиографической литературы [Текст] / Е. Л. Алексеева, Н. В. Азарова, А. С. Герд [и др.] // Научно-техническая информация. Серия 2. – 2004. – № 9. – С. 16–20.
86. Heard, A. S. Applied Linguistics and its Connection with Philology and Information Sciences [Text] / A. S. Heard // Journal of Quantitative Linguistics. – 2003. – Vol. 10. – N 2. – С. 87–92.

References

1. Alekseeva, E. L., N. V. Azarova, N. V. Gerd, A. S. et al. (2004). Ehlektronnyjj korpus tekstov po pamjatnikam drevnerusskojj agiograficheskoy literatury [The Electronic Corpus of Texts on Written Monuments of Old Russian Hagiographic Literature]. *Nauchno- tekhnicheskaja informacija. Ser. 2* [Scientific and Technical Information. Series 2], 9. 16–20.
2. Averina, S. A., Alekseeva E. L., Gerd, A. S., Popov, M. B. et al. (1987). Statistika suffiksov imjon sushhestvitel'nykh v pamjatnikakh drevneslavjanskojj pis'mennosti [The statistics of the suffixes of nouns in the written monuments of old Slavic literature]. *Strukturnaja i prikladnaja lingvistika* [Structural and Applied Linguistics] (Issue 3, pp. 109–115). Leningrad.
3. Averina, S. A., Gerd, A. S. (1983). Statisticheskijj kommentarijj k drevneslavjanskim pamjatnikam XI–XVI vv. [Statistical commentaries to Old

- Slavic Written Monuments of XI–XVI Centuries]. *Strukturnaja i Prikladnaja Lingvistika* [Structural and Applied Linguistics] (Issue 2, pp. 108–119). Leningrad.
4. Averina, S. A., Azarova, I. V., Bogdanov, V. V., Gerd, A. S. (1981). Avtomatizacija v leksikografii i slovari-konkordansy [Automation in lexicography and lexicographical concordances]. *Filologicheskie Nauki* [Philological Sciences], 1, 72–77.
 5. Averina, S. A., Gerd, A. S., Kuznetsova, E. L. et al. Avtomatizirovannyj bank drevnerusskikh tekstov [Automated bank of old Russian texts]. *Dialogovye Sistemy i Personal'nye EhVM* [Dialog systems and personal computers] (pp. 133–138). Leningrad.
 6. Bogdanov, V. V., Bondarko, L. V., Butorov, V. D., Gerd, A. S. (1983). Teoreticheskie problemy jazykoznanija i prakticheskie potrebnosti narodnogo khozjajstva [Theoretical Problems of Linguistics and the Practical Demands of the National Economy]. *Vestnik LGU. Ser. Istorija, jazyk i literatura* [Vestnik of Leningrad State University, Series of History, Language and Literature], 8 (2), 52–64.
 7. Bogdanov, V. V., Bondarko, L. V., Butorov, V. D., Gerd, A. S. (1987). Prikladnaja lingvistika i teorija jazyka [Applied linguistics and language theory]. *Strukturnaja i prikladnaja lingvistika* [Structural and Applied Linguistics] (Issue 3, pp. 3–16). Leningrad.
 8. Burykin, A. A. (2015). Ehlektronnyj resurs dlja issledovanij v oblasti russkoj leksikologii i leksikografii "biblioteka leksikografa": opyt raboty, perspektivy popolnenija, vozmozhnosti [Electronic resource for studies in the field of Russian lexicology and lexicography "Lexicographer's Library": Experience, outlook for enlarging, possibilities of using]. *Teoreticheskaja i Prikladnaja Lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1 (4), 5–28.
 9. Burykin, A. A., Gerd, A. S. (2015). Ehlektronnye resursy dlja leksikologii i leksikografii i zadachi sostavlenija slovarja russkogo jazyka pervoj poloviny dvadcatogo veka [Electronic resources for lexicology and lexicography and the tasks of compiling the Dictionary of the Russian Language of the First Half of the XX Century]. *Trudy mezhdunarodnoj konferencii "Korpusnaja lingvistika–2015"* [Proceedings of the International Conference "Corpus Linguistics 2015"] (pp. 146–153). St.-Petersburg.
 10. Butorova, U. V., Gerd, A. S., Zakharov V. P., Purickaja, E. V. et al. (2016). Strukturnaja tipologija slovarnykh statej v slovarjakh russkogo jazyka raznykh tipov i sposoby ikh formal'nogo predstavlenija [Structural typology of dictionary articles in dictionaries of the Russian language of different types, and some methods of their formal presentation]. *Nauchno-tekhnicheskaja informacija. Ser. 2* [Scientific and Technical Information. Series 2], 2, 29–35.
 11. Gerd, A. S. (1964). O statisticheskom raspredelenii strukturnykh tipov slov i morfem, ikh obrazujushchikh [On the statistical regulation of the structural types of words and morphemes; of their word formations]. *Materialy konferencii "Aktual'nye voprosy sovremennogo jazykoznanija i lingvisticheskoe nasledie E. D. Polivanova"* [Notes of the Conference "Actual Problems of Contemporary Linguistics and the Linguistic Heritage of E. D. Polivanov"] (Vol. 1, pp. 77–78). Samarkand.

12. Gerd, A. S. (1966). *Morfemnyj i slovoobrazovatel'nyj analiz: posobie dlja studentov fakul'teta zhurnalistiki LGU* [Morphemic and word-formational Analysis: A Handbook for Journalism students of Leningrad State University]. Leningrad.
13. Gerd, A. S. (1970 a). Analiz struktury slova i vopros o sootnoshenii slovoobrazovanija i formoobrazovanija [The analysis of the structure of word and the problem of the relationship between word-formation and morphogenesis]. *Po novym programmam* [Under the New Programmes] (pp. 346–353). Petrozavodsk.
14. Gerd, A. S. (1970 b). *Sovremennyj russkij jazyk. Slovoobrazovanie: ucheb. posobie* [Contemporary Russian language. Word-formation. Textbook]. Leningrad.
15. Gerd, A. S. (1971 a). O statisticheskom izuchenii nauchnoj terminologii [About the statistical study of scientific terminology]. *Avtomaticheskaja pererabotka teksta metodami prikladnoj lingvistiki. Materialy vsesojuznoj konferencii 6-8 oktjabrja, 1971* [Automatic Text Processing by Methods of Applied Linguistics. Data of All-Union Conference on October 6–8, 1971] (pp. 42–44). Kishin'jov.
16. Gerd, A. S. (1971 b). Problemy stanovlenija i uporyadochenija nauchnoj terminologii [Problems of implementing the formation and regulation of scientific terminology]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 1, 14–22.
17. Gerd, A. S. (1973). Formal'no-statisticheskij analiz polisemii [Formal statistical analysis of polysemy]. *Problemy formalizacii semantiki jazyka* [Problems of Formalization of the Semantics in the Language]. Moscow.
18. Gerd, A. S. (1974 a). Slovník tezáursov i vopros o sostavnykh komponentakh special'nykh terminov [The vocabulary of thesauri and the question of the main components of the technical terms]. *Lingvisticheskoe obespechenie avtomatizirovannykh sistem upravlenija i informacionno-poiskovykh sistem* [Linguistic Support of Automated Control Systems and Information Retrieval Systems] (pp. 133–136). Makhachkala.
19. Gerd, A. S. (1974 b). Statistika russkikh slovoobrazovatel'nykh tipov [The statistics of Russian word-formational types]. *Tezi dopovidej ta povidomlen' mizhvuzovs'koi naukovoi konf. pitannja skhidnoslovjans'kogo imennogo slovotvoru* [Abstracts and Reports of Information of Intra-Institutional Scientific Conference on Question of East Slavic Nominal Word-Formation] (pp. 14–15). Kiev.
20. Gerd, A. S. (1977). Morfemika v opisatel'noj grammatike [Morphemics in descriptive grammar]. *Morfemika* [Morphemics] (pp. 34–43). Leningrad.
21. Gerd, A. S. (1982). Proektirovanie i razrabotka avtomatizirovannykh terminologicheskikh bankov dannykh [The design and development of automated terminology data banks]. *Sovershenstvovanie perevoda nauchno-tekhnicheskij literatury i dokumentov* [Improvement of Translation of Scientific and Technical Literature and Other Documents] (pp. 7–8). Moscow.
22. Gerd, A. S. (1983 a). Morfologicheskaja segmentacija teksta i parametricheskaja kharakteristika morfem [Morphological segmentation of texts and parametric characteristics of morphemes]. *Spornye voprosy russkogo jazykoznanija* [Controversial Issues of Russian Linguistics] (pp. 151–156). Leningrad.
23. Gerd, A. S. (1983 b). Semantika morfemy: znachenie ili znachimost'? [Semantics of the morpheme: Definition or signification]. *Strukturnaja i prikladnaja lingvistika* [Structural and Applied Linguistics] (Issue 2, pp. 47–53). Leningrad.

24. Gerd, A. S. (1984). Slovoobrazovanie, formoobrazovanie i slovoizmenenie [Word-formation, morphogenesis and inflexion]. *Lingvistika i modeli rechevogo povedenija* [Linguistics and Models of Speech Behaviour] (pp. 3–21). Leningrad.
25. Gerd, A. S. (1985 a). Drevneslavjanskij jazyk i ego tipy po lingvostatisticheskim dannym [Old Slavic language and its types according to linguostatistical data]. *Uchen. zap. Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes. Tartu State University], 711, 9–21.
26. Gerd, A. S. (1985 b). O edinstve processov slovoobrazovanija i formoobrazovanija [On the unity of the processes of word-formation and morphogenesis]. *Materialy VIII Vsesojuznogo simpoziuma po psikholingvistike i teorii kommunikacii* [Proceedings of VIII All-Union Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory] (pp. 141–142). Moscow.
27. Gerd, A. S. (1986 a). Russkaja morfologija i mashinnyj fond russkogo jazyka [Russian morphology and machine corpus of the Russian language]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 6, 90–96.
28. Gerd, A. S. (1986 b). *Tipy russkikh tekstov i mashinnyj fond russkogo jazyka. Mashinnyj fond russkogo jazyka* [The types of Russian texts and machine corpus of the Russian language. Machine corpus of the Russian language]. Moscow.
29. Gerd, A. S. (1987). Avtomatizacija issledovanij v gumanitarnykh naukakh [Automation of Studies in Humanitarian Sciences]. *Vtoraja vsesojuznaja konferencija po sozdaniju mashinnogo fonda russkogo jazyka* [Second All-Union Conference on the Creation of the Machine Corpus of the Russian Language]. Moscow.
30. Gerd, A. S. (1988). Eshhjo raz ob avtomatizacii leksikograficheskikh rabot [Once again on the automation of lexicographical works]. *Sovetskaja leksikografija* [Soviet Lexicography] (pp. 225–232). Moscow.
31. Gerd, A. S. (1989 a). Leksicheskie bazy dannykh i vopros tezaurusa russkogo jazyka [Lexical database and the problem of thesaurus of the Russian language]. *Tret'ja Vsesojuznaja konferencija po sozdaniju Mashinnogo fonda russkogo jazyka* [Third All-Union Conference on the Creation of the Machine Corpus of the Russian language]. Moscow.
32. Gerd, A. S. (1989 b). *Lingvisticheskaja koncepcija Terminologicheskogo banka dannykh Mashinnogo fonda russkogo jazyka* [The Linguistic Concept of Terminology Banks of the Database of the Machine Corpus of the Russian Language]. Moscow.
33. Gerd, A. S. (1989 c). Nekotorye zamechanija o poliotekstovykh bazakh dannykh [Some notes on poly-text data bases]. *Nauchno-tehnicheskaja informacija. Seria 2. Informacionnye protsessy i sistemy* [Scientific and Technical Information. Series 2. Informational Processes and Systems], 9, 16–18.
34. Gerd, A. S. (1990 a). Leksicheskaja baza dannykh MFRJa (struktura) [The lexical corpus of database of the Machine Corpus of the Russian Language (Structure)]. *Doklady tret'ej Vsesojuznoj konferencii po sozdaniju Mashinnogo fonda russkogo jazyka* [Reports of the Third All-Union Conference on the Creation of the Machine Corpus of the Russian Language] (pp. 53–57). Moscow.
35. Gerd, A. S. (1990 b). Lingvisticheskaja teorija i realizacija prikladnykh zadach [Linguistic theory and the task of implementing applications]. *Teorija i praktika*

- nauchno-tehnicheskoyj leksikografii i perevoda* [The Theory and Practice of Scientific and Technical Lexicography and Translation] (pp. 4–9). Gor'kijj.
36. Gerd, A. S. (1990 c). Morfemika v ejo otnoshenii k leksikologii [Morphemics in its relation to lexicology]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 5, 5–11.
37. Gerd, A. S. (1990 d). Novyj akademicheskij slovar' russkogo jazyka – iskhodnye pozicii i orientiry [The New Academic Dictionary of the Russian Language – The initial status positions and orientirs]. *Aktual'nye problemy razrabotki Novogo akademicheskogo slovarja russkogo jazyka* [Actual Problems of Development of a New Academic Dictionary of the Russian Language] (pp. 29–30). Leningrad.
38. Gerd, A. S. (1992 a). Aspekty opisaniya morfemy [Aspects of the description of the morpheme]. *Inzhenernaja lingvistika i optimizacija prepodavanija jazykov* [Engineering Linguistics and Language Optimization of Teaching] (pp. 8–11). Samarkand.
39. Gerd, A. S. (1992 b). Slovar' sovremennogo russkogo jazyka v 20 t. (recenzija) [The Dictionary of Contemporary Russian Literary Language in 20 Volumes (Review)]. *Izvestija Akademija Nauk SSSR. Serija literatury i jazyka* [The News of the USSR Academy of Sciences. Series of Literature and Language], 3, 85–87.
40. Gerd, A. S. (1993). K voprosu o roli nizkochastotnykh faktorov v lingvisticheskom issledovanii [On the role of low-frequency factors in linguistic research]. *Strukturnaja i prikladnaja lingvistika* [Structural and applied Linguistics] (Issue 4, pp. 85–97). St.-Petersburg : St.-Petersburg University Press.
41. Gerd, A. S. (1994). Morfemika v ejo otnoshenii k formoobrazovaniju [Morphemics in its relation to morphogenesis]. *Voprosy slovo- i formoobrazovanija v indoevropejskikh jazykakh. Semantika i funkcionirovanie* [Problems of Word-formation and Morphogenesis of Indo-European Languages. Semantics and Operative Functioning] (pp. 39–50). Tomsk.
42. Gerd, A. S. (1995 a). *Vvedenie v ehtnolingvistiku* [An introduction to ethnolinguistics]. 2nd enlarged and corrected edition. St.-Petersburg : St.-Petersburg University Press.
43. Gerd, A. S. (1995 b). Iz razmyshlenijj na puti k Novomu akademicheskomu slovarju sovremennogo russkogo jazyka [On reflections on the way to the New Academic Dictionary of Contemporary Russian Language]. In: Yu. S. Stepanov, E. A. Zemskaja, A. M. Moldovan (eds.), *Jazyk – sistema. Jazyk – tekst. Jazyk – sposobnost' : sb. statei* [Language – System, Language – Text, Language – Capacity : Selected articles] (pp. 72–79). Moscow : Institute of Russian Language of Russian Academy of Sciences.
44. Gerd, A. S. (1995 c). K koncepcii Novogo akademicheskogo slovarja [On the concept of the New Academic Dictionary]. In: G. N. Skl'arevskaja (chief ed.), *Ocherednye zadachi russkoj akademicheskoyj leksikografii : sb.* [Recurrent Tasks of Russian Academic Lexicography : Selected articles]. (pp. 24–31). St.-Petersburg : Institute for Linguistic Studies of Russian Academy of Sciences Press.
45. Gerd, A. S. (1995 d). Kartoteki russkoj dialektojj leksiki i mashinnyjj fond russkogo jazyka [The card index systems of Russian dialectal vocabulary and machine corpus of the Russian Language]. *Nacional'nye leksiko-frazeologicheskie fondy* [The National Lexico-Phraseological Corpus] (pp. 193–197). St.-Petersburg.

46. Gerd, A. S. (1996 a). Morfemika v ejo otnoshenii k morfologii [Morphemics in its relation to Morphology]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istorija* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2. History], 2 (9), 34–40.
47. Gerd, A. S. (1996 b). *Prikladnoe jazykoznanie : uchebnik* [Applied Linguistics: A handbook]. St.-Petersburg.
48. Gerd, A. S. (1997 a). K opredeleniju ponjatija "Slovar'" [On the Definition of "Dictionary"]. *Problemy leksikografii* [Problems of Lexicography] (pp. 191–203). St.-Petersburg.
49. Gerd, A. S. (1997 b). O metajazyke kompleksnykh issledovanij tradicionnoj kul'tury [About metalanguage of comprehensive research programmes on traditional culture]. *Tradicionnaja kul'tura finno-ugrov i sosednikh narodov : tezis dokladov* [Traditional Culture of the Finno-Ugric Nations and the Neighbouring Peoples. Theses of Reports] (pp. 3–4). Petrozavodsk.
50. Gerd, A. S. (1997 c). Jazyk dlja opisanija morfem [The language for describing morphemes]. *Morfemika* [Morphemics] (pp. 95–101). St.-Petersburg.
51. Gerd, A. S. (1998 a). Nemorfemnaja morfemika [Amorphous morphemics]. *Slavisticheskij sbornik v chest' 70-letija professora P. A. Dmitrieva* [Slavic Collection in Honour of the 70th Anniversary of Professor P. A. Dmitriev] (pp. 45–68). St.-Petersburg.
52. Gerd, A. S. (1998 b). O specifikke zadach v prikladnoj lingvistike [On the specifics of the tasks in applied linguistics]. *Strukturnaja i prikladnaja lingvistika* [Structural and Applied Linguistics] (Issue 5, pp. 123–131). St.-Petersburg: St.-Petersburg University Press.
53. Gerd, A. S. (2000). Neskol'ko zamechanij kasatel'no ponjatija "dialekt" [Some remarks on the concept of "Dialect"]. *Russkij jazyk segodnja* [Russian Language Today] (Issue 1, pp. 45–52). Moscow: Azbukovnik.
54. Gerd, A. S. (2001). *Vvedenie v ehtnolingvistiku* [An introduction to ethnolinguistics]. St.-Petersburg: St.-Petersburg University Press.
55. Gerd, A. S. (2002 a). Bazy dannykh i prikladnaja lingvistika [Databases and applied linguistics]. *Materialy konferencii "Korpusnaja lingvistika i lingvisticheskie bazy dannykh": Doklady nauchnoj konferencii "Korpusnaja lingvistika i lingvisticheskie bazy dannykh"* [Proceedings of the Conference of "Corpus Linguistics and Linguistic Databases:" The Reports of the Scientific Conference of "Corpus Linguistics and Linguistic Databases."] (pp. 3–6). St.-Petersburg.
56. Gerd, A. S. (2002 b). Morfologicheskaja segmentacija teksta (morfemika v ejo otnoshenii k morfonologii) [Morphological segmentation of text (Morphemics in its relation to morphonology)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istorija* [Vestnik of Saint Petersburg University], 2, 33–37.
57. Gerd, A. S. (2003). Eshhe raz o ponjatii "ehtnolingvistika" [Once again On the Notion of "Ethnolinguistics"]. *Jazyk i narod* [Language and Nation] (pp. 121–132). St.-Petersburg.
58. Gerd, A. S. (2004). K opredeleniju ponjatija "tekst na cerkovnoslavjanskom jazyke" [On the definition of understanding "Text in Church Slavonic"]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9. Filologija. Vostokovedenje*.

- Zhurnalistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism], 3–4, 75–85.
59. Gerd, A. S. (2005). *Vvedenie v ehtnolingvistiku. Uchebnik* [An introduction to ethnolinguistics. A handbook]. Corrected 3d edition. St.-Petersburg : St.-Petersburg University Press.
60. Gerd, A. S. (2006 a). Neskol'ko slov o ponjatii "Nacional'nyjj jazyk" [A few words about the concept of "National language"]. *Slovo otzovetsja* [The Word Resounds] (pp. 221–222). Perm.
61. Gerd, A. S. (2006 b). O lingvisticheskom ponjatii "zhargon" [On the linguistic concept of "jargon"]. In: A. Birikh, T. Volodina (eds), *Slovo v slovare i diskurse* [Word in the Dictionary and in Discourse] (pp. 201–208). Moscow : Elpis.
62. Gerd, A. S. (2008 a). "Slovar' russkogo jazyka XIX veka" v svete problem obshhejj leksikografii [Dictionary of the XIX Century Russian Language in light of problems of general lexicography]. *Acta Linguistica Petropolitana. The Works of the Institute for Linguistic Studies* (Vol. IV, ch. 3, pp. 9–16). St.-Petersburg : Nauka.
63. Gerd, A. S. (2008 b). Lingvostatisticheskie materialy k istorii imennogo sklonenija v slovenskom jazyke (Hristjanske uzilo) [Linguistic statistical materials for the history of nominal declension in the Slovenian language]. *Strukturnaja i prikladnaja lingvistika* [Structural and Applied Linguistics] (Issue 7, pp. 69–80). St.-Petersburg : St.-Petersburg University Press.
64. Gerd, A. S. (2008 c). RNK – Slovarnaja kartoteka – Akademicheskijj slovar' [The Russian National Committee – Dictionary Card Index System – Academic Dictionary]. *Trudy Mezhdunarodnoj konferencii "Korpusnaja lingvistika"* [The Works of International Conference "Corpus Linguistics"] (pp. 143–149). St.-Petersburg : St.-Petersburg University Press.
65. Gerd, A. S. (2008 d). Slovar' russkogo literaturnogo jazyka pervojj poloviny XX veka (k postanovke problemy) [The Dictionary of Russian Literature the first half of the XX century (Advisor [Preparing the work and solving problems])]. In: G. V. Sudakov (Chief ed.), *Slovo i tekst v kul'turnom soznanii ehpokhi : sb. Nauch. trudov* [Word and Text in the Cultural Consciousness of the Era : Selected articles] (pp. 208–211). Vologda.
66. Gerd, A. S. (2008 e). *Opyt oblastnogo velikorussskogo slovarja i dopolnenie* [A practical handbook of Great Russian Regional Vocabulary and its supplement]. St.-Petersburg.
67. Gerd, A. S. (2010 a). Bol'shojj akademicheskijj slovar' russkogo jazyka: na polovine puti [The Great Academic Dictionary of the Russian Language: On the halfway point]. *Problemy leksicheskijj semantiki. Tezisy dokladov mezhdunarodnoj konferencii Devjatye Shmelevskie chtenija (24–26 fevralja 2010 g.)* [Problems of Lexical Semantics. Abstracts of Reports of the International Conference "The Ninth Chmelevsky Lectures", Moscow, February 24–26 , 2010] (pp. 38–39). Moscow.
68. Gerd, A. S. (2010 b). K tipologii istoricheskikh slovarejj [On typology of historical dictionaries]. In: O. A. Cherepanova (ed.), *Istoricheskaja leksikologija i leksikografija* [Historical Lexicology and Lexicography] (Issue 8, pp. 22–33). St.-Petersburg.

69. Gerd, A. S. (2010 c). Sushhestvuet li obshhaja teorija leksikografii kak predmet jazykoznanija [Is there a general theory of lexicography as a subject in linguistics?]. *Mezhkafedral'nyj slovarnyj kabinet imeni prof. B. A. Larina* [Intradepartmental Lexicographical Studio After Prof. B. A. Larin] (pp. 151–155). St.-Petersburg.
70. Gerd, A. S. (2010 d). Sovremennaja dialektologija v krugu drugih disciplin [Modern dialectology amongst other disciplines]. *Severnorusskie govory* [The Northern Russian Dialects] (Issue 11, pp. 3–9). St.-Petersburg.
71. Gerd, A. S. (2011). Eshhe raz o ponjatii "sovremennyj russkij jazyk" [Once again on the concept of “contemporary Russian language”]. In: L. A. Verbitskaya (Chief ed.), *Lingvistika ot vostoka do zapada. V chest' 70-letija V. B. Kasevicha* [Linguistics from East to West. In Honour of the 70th Anniversary of V. B. Kasevich] (pp. 80–85). St.-Petersburg: Faculty of Philology, St.-Petersburg University Press.
72. Gerd, A. S. (2012 a). Lingvostatisticheskie kommentarii k sisteme sklonenija imen sushhestvitel'nykh v slovenskikh tekstakh [Linguistic statistical comments to the system of declension of nouns in Slovenian texts]. *Strukturnaja i prikladnaja lingvistika* [Structural and Applied Linguistics] (Issue 9, pp. 291–294). St.-Petersburg: St.-Petersburg University Press.
73. Gerd, A. S. (2012 b). *Sociolingvistika* [Sociolinguistics]. St.-Petersburg: St.-Petersburg University Press.
74. Gerd, A. S. (2013 a). Akademicheskaja leksikografija kak sistema korpusov [Academic Lexicography as a System Corpi]. *Trudy mezhdunarodnoj konferencii "Korpusnaja lingvistika-2013"* [Proceedings of the International Conference “Corpus Linguistics 2013”] (pp. 247–249). St.-Petersburg.
75. Gerd, A. S. (2013 b). Akademicheskijj slovar' v svete sovremennykh sociolingvisticheskikh tendencijj [The Academic Dictionary in light of current sociolinguistic trends]. *Acta Linguistica Petropolitana. The Works of the Institute for Linguistic Studies* (Vol. IX, ch. 2, pp. 131–138). St.-Petersburg: Nauka.
76. Gerd, A. S. (2013 c). Teorija jazyka i leksikografija [The Theory of Language and Lexicography]. *Ot bukvy k slovarju. Sbornik nauchnykh statej k 200-letiju so dnja rozhdenija akademika Ja. K. Grota* [From the Letters to the Dictionary. Collection of Scientific Articles on the 200th Anniversary of the Birth of Jacob Karlovich Grot] (pp. 136–142). St.-Petersburg.
77. Gerd, A. S. (2013 d). *Sociolingvistika* [Sociolinguistics]. 2nd edition. St.-Petersburg: St.-Petersburg University Press.
78. Gerd, A. S. (2015 a). Bol'shoj akademicheskijj slovar' russkogo jazyka kak slovar'-tezaurus [The Great Academic Dictionary of the Russian Language as a Dictionary-Thesaurus]. In: O. N. Krylova, M. N. Priemysheva (eds.), *Akademik A. A. Shakhmatov: zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie. Sbornik statej k 150-letiju so dnja rozhdenija uchenogo* [A. A. Shakhmatov: Life, works, scientific heritage. Collection of articles on the 150th Anniversary of the Birth of the scientist] (pp. 948–954). St.-Petersburg: Nestor-Istorija.
79. Gerd, A. S. (2015 b). Tipy jazykovykh sostojanij i slovar' nacional'nogo jazyka [Types of linguistic states and the Dictionary of the National Language]. *Rechevyje zhanry sovremennogo obshhenija* [Speech Genres of Contemporary

- Communication] (pp. 39–41). Moscow : The Institute of the Russian Language after Victor Vinogradov.
80. Gerd, A. S., Zakharov, V. P. (2004). Nacional'nyjj korpus russkogo jazyka v svete problemy sovremennoj filologii [The Russian National Corpus in light of the problems of contemporary philology]. *Trudy mezhdunarodnoj konferencii "Korpusnaja lingvistika – 2004"* [The Works of the International Conference “Corpus Linguistics–2004”] (pp. 122–131). St.-Petersburg.
81. Gerd, A. S., Kaporulina, L. V., Kolesov, V. V., Cherepanova, O. A., Ruskova, M. P. (1974). *Imennoe sklonenie v slavjanskikh jazykakh XI-XIV vv. Lingvostatisticheskij analiz* [Nominal declension in Slavic languages in XI-XIV centuries. Linguo-statistical analysis]. Leningrad.
82. Gerd, A. S., Kaporulina, L. V., Kolesov, V. V., Cherepanova, O. A., Ruskova, M. P. (1977). *Imennoe sklonenie v slavjanskikh jazykakh XI-XIV vv. Lingvostatisticheskij analiz* [Nominal declension in Slavic languages in XV-XVI centuries. Linguo-statistical analysis]. Leningrad.
83. Heard, A. S. (2003). Applied Linguistics and its Connection with Philology and Information Sciences. *Journal of Quantitative Linguistics*, 10 (2), 87–92.
84. Maslov, Ju. S. (1975). *Vvedenie v jazykoznanie* [Introduction to the Study of Language]. Moscow : Vysshaja Shkola.
85. Prikladnaja (2005 b). *Prikladnaja lingvistika* [Applied linguistics]. Ed. by A. S. Gerd. St.-Petersburg : St.-Petersburg University Press.
86. Slovar (2004). *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastej (t. 1–6. 1994–2004). Itogi I uroki* [Dictionary of Dialects of Karelia and Adjacent Areas (Vol. 1–6. 1994–2004). Results and Lessons]. St.-Petersburg.

УДК 81'373

UDC 81'373

Аламшоев Шервоншо Мукбилшоевич
Институт лингвистических исследований
Санкт-Петербург, Российская Федерация
Shervonsho M. Alamshoev
Institute for Linguistic Studies
Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
e-mail: sh.alamshoev@mail.ru

**АДВЕРБИАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ
В ШУГНАНСКОМ ЯЗЫКЕ
ADVERBIAL PHRASEOLOGICAL UNITS
IN THE SHUGHNI LANGUAGE**

Аннотация

Шугнанский язык довольно редко выступал объектом лингвистического анализа. На данном языке говорят 140–150 тыс. человек, проживающих на территории Таджикистана и Афганистана. До 1931 года язык не имел письменной формы, затем, в процессе её становления на территории Таджикистана в разные периоды использовались латинский алфавит и кириллица.

Хотя имеются научные работы, посвящённые лексике народной медицины шугнанского языка, предметно-бытовой лексике шугнано-рушанской группы памирских языков, шугнанскому глаголу, а также некоторым отдельным лексическим единицам шугнанского языка, изучение лексического уровня данного языка далеко от завершения. В настоящей статье впервые анализируются адвербиальные фразеологические единицы шугнанского языка (далее – АФЕ). АФЕ в шугнанском языке могут обозначать образ действия и меру действия. Они, в основном, имеют описательную семантику. Большинство из них образуются с помощью лексических слов rang, dawl, bast, muqum, tulu, jinow, rangtir и arang. Все они, кроме rang, присоединяются только к существительным, тогда как rang может присоединяться и к прилагательным. В основе формирования АФЕ шугнанского языка лежит сходство с предметами, объектами, животным, насекомыми, юмористическими и мифологическими персонажами. В результате проведённого исследования удалось выделить 7 типов АФЕ: сравнения, меры, степени, причины, цели и относительные АФЕ.

Abstract

The Shughni language has relatively rarely been the focus of linguistic studies. It is spoken by some 140–150 thousand residents of Tajikistan and Afghanistan. Until 1931 it had no written form of its own. Then while it was developing on the territory of Tajikistan, Latin and Cyrillic alphabets were used in different time periods.

Although there are studies of Native healers medical terms, lexical units of everyday life of the Shughni-Rushani Pamir languages, Shughni verbs, and some other particular lexical units, the research of the Shughni language lexical level is far from being complete. The current

paper pioneers in discussing adverbial phraseological units of the Shughni language (hereinafter APhU). APhU might denote a mode of action and measure of actions in the Shughni language. They are characterized by descriptive semantic nature. The majority of APhU are formed by lexical words like, rang, dawl, bast, muqum, tulu, jinow, rangtir and arang. All of them except for rang are joint only with nouns while rang might be joint with adjectives. The basis for APhU forming in the Shughni language is similarity to certain objects, animals, insects, humorous and mythological characters. According to the results of this study, 7 types of APhU are singled out: APhU of comparison, measure, degree, place, reason, purpose, and relative APhU.

Ключевые слова: адвербиальные фразеологические единицы (АФЕ), шугнанский язык, идиомы, семантическая структура фразеологизмов, компаративные слова.

Keywords: adverbial phraseological units (AFU), the Shugni language, idioms, semantic structure of phraseological units, comparative words.

1. Введение

Прежде всего следует отметить, что шугнанский язык довольно редко выступал объектом лингвистического анализа – информации о нём немного. Поэтому представляется необходимым дать краткую справку об этом языке. Шугнанский язык относится к восточно-иранской подгруппе группы иранских языков, принадлежащей к индоиранской ветви индоевропейской семьи языков. Шугнанский язык распространён в трёх районах Горно-Бадахшанской Автономной области Таджикистана – Шугнанском, Рушанском и Рошткалинском, представлен там тремя диалектами (орошорский, рушанский, баджувский) и тремя говорами (бартангский, хуфский, шохдаринский) и является языком общения [Е-Транс]. Согласно переписи населения 2000 года, на шугнанском языке разговаривают приблизительно 150000 человек (30000 в афганском Бадахшане; 87000 в таджикском Бадахшане; 27700 в Хороге, где живут все представители памирских народностей, которые общаются между собой на шугнанском языке как на родном или говорят на двух или нескольких бесписьменных языках; 24300 в Рошкалинском районе; 35900 в Шугнанском районе)¹. По другим данным только в Таджикистане говорят на шугнанском языке около 86900 человек².

¹ По данным всеобщей переписи населения 2000 года.

² По данным переписи населения Республики Таджикистан 2010 г., 2012 г. Эта статистика довольно приблизительная по двум причинам: во-первых, прошло несколько лет после переписи, в течение которых ситуация могла измениться; во-вторых, на шугнанском языке говорят в других районах республики и в городе Душанбе, что не вошло в список, и наоборот, шугнанцы которые живут в Душанбе и в других странах (Россия, Казахстан, Киргизстан и др.) уже не говорят на шугнанском языке. Кроме того, в Афганском Бадахшане переписи населения не приводилось, соответственно, эти цифры не включены в статистику.

Появление письменности на основе латиницы датируется 1931 годом, затем следует бесписьменный период (1938–1980 года), а после 1980-х годов в ограниченном объёме используется кириллица. На данном языке также говорят в Афганистане, где письменная форма на (арабской основе) была разработана в 2000-х годах [Додихудоева, 2005, с. 30–37].

Первое описание шугнанского языка принадлежит англичанину Р. Б. Шо и датируется 1877 годом [Shaw, 1877] (этим, собственно, и ограничиваются исследования данного языка, предпринятые учёными дальнего зарубежья). В нём даётся краткая справка о языковой ситуации на территории распространения языка, затрагиваются некоторые фонетические моменты, описываются парадигмы частей речи (существительных, местоимений, глаголов), приводятся оригинальный текст одной шугнанской притчи и её английский перевод, а также краткий перечень используемых в данном языке (Р. Б. Шо в своей статье называет его диалектом) лексических единиц. Упоминаются также некоторые особенности исчезнувшего барвазского диалекта шугнанского языка, однако серьёзных исследований данного диалекта не проводилось. Позднее памирскими языками занимались исследователи Ленинградской (В. С. Соколов, М. Н. Боголюбов, А. З. Розенфельд, А. Л. Грюнберг) и Московской (В. С. Расторгуева, Т. Н. Пахалина, Д. И. Эдельман и др.) школ.

Анализ имеющейся информации показывает, что лексические единицы в шугнанском языке исследованы недостаточно. В частности, написаны научные работы, посвящённые лексике народной медицины шугнанского языка [Абдулхамидова, 2006], предметно-бытовой лексике шугнано-рушанской группы памирских языков [Некушоева, 2010], шугнанскому глаголу [Додыхудоева, 1982, 1988], а также некоторым отдельным лексическим единицам [Додыхудоева, 2015].

Лексическая и семантическая структура и свойства адвербиальных фразеологических единиц данного языка остаются совершенно не изученными. Фразеологические единицы шугнанского языка отличаются друг от друга по структуре, строению, и семантике и нуждаются в серьёзном лингвистическом анализе. Выполнить такой анализ весьма непросто ввиду, как уже упоминалось, отсутствия научной лингвистической литературы, описывающей данный аспект лексики языка. В связи с этим, единственным базисом для настоящего исследования оказались научные работы по адвербиальным фразеологизмам в персидском, русском и английском, немецком французском и таджикском языках, теоретический анализ которых позволил определиться с методом исследования.

В своей работе лингвист А. В. Кунин [Кунин, 1996, с. 279–299], предложил методы фразеологического анализа, в которых учитывается специфика по отношению к разным частям речи, и разработал семантико-грамматическую методику анализа фразеологизмов в английском языке. Х. Маджидов [Маджидов, 1982] теоретически разработал грамматические характеристики фразеологизмов в таджикско-персидском языке. А. И. Молотков отмечал, что АФЕ «объединены общим значением или качественной характеристикой действия, или степени качественной характеристики

лица или предмета, в сочетании со словами в речи они могут употребляться в синтаксической функции различных обстоятельств» [Молотков, 1977, с. 140]. Другие учёные придерживаются аналогичного мнения относительно адвербиальных фразеологизмов и в других языках [Назарян, 1987; Шанский, 1996; Баранов, Добровольский, 2013]. В ряде сопоставительно-типологических работ [Зиннатуллина, 2013; Федуленкова, 1996] также широко поддерживается идея классификации фразеологических единиц по частям речи. Одной из основных черт адъективных фразеологизмов, на которую обратила внимания Т. Н. Федуленкова [Федуленкова, 1996], является с х о д с т в о. Анализируя фразеологии шведского, английского и немецкого языков в своей научной работе, она выявила, что в адъективных фразеологических единицах, почти всегда присутствует некое описательное сходство с окружающим миром, который выражается определёнными словами в вышеуказанных языках. В своём анализе мы рассматриваем работы этих лингвистов как научный подход к адвербиальным фразеологическим единицам шугнанского языка. Мы также приняли во внимание структурные классификации С. И. Ожегова [Ожегов, 1974], А. И. Смирницкого [Смирницкий, 1956], Ю. А. Рубинчика [Рубинчик, 1981] и С. В. Хушеновой [Хушенова, 1972].

С точки зрения семантических особенностей А. В. Кунин делит АФЕ на 1) качественные, 2) обстоятельственные. Качественные АФЕ обозначают признак процесса, то есть характеризуют его с качественной стороны. Они, в свою очередь, подразделяются на фразеологические единицы образа действия, меры и степени [Кунин, 1996, с. 279]. В обстоятельственных фразеологизмах лексема играет роль фраземы, то есть перефразируется.

Структурная, грамматическая и лексическая специфика фразеологических единиц шугнанского языка не отличается от других упомянутых языков.

2. Анализ адвербиальных фразеологизмов шугнанского языка

2.1. Материал и методика исследования

Корпус исследования включает более 3000 фразеологизмов, собранных автором настоящей статьи в течение 5 лет на территории Памира. К тому же, сам автор является носителем исследуемого языка. Источниками исследования стали также народные песни, сказки, фольклор, четверостишия, басни и лексические словари шугнанского языка М. Аламшоева [Аламшоев, 2007, 2002] и Д. Карамшоева [Карамшоев, 1988, 1991, 1999]. Дополнительным материалом послужили фразеологизмы краткого словаря Ш. Мирзоева и И. Карамова [Мирзоев, Карамова, 2014]. Анализ перечисленных материалов выявил, что адвербиальные фразеологические единицы составляют примерно 17% от общего объёма лексических единиц. Число фразеологизмов может варьировать, поскольку, как выяснилось, многие фразеологизмы шугнанского языка либо ещё не зафиксированы в письменных источниках, либо исчезли из употребления, либо находятся на грани исчезновения (употребляются только представителями старшего поколения в далёких сёлах).

2.2. Результаты исследования

Проанализировав имеющиеся классификации адвербиальных фразеологизмов, построенные на материале разных языков, мы распределили фразеологизмы шугнанского языка, относящиеся к данной группе, по шести типам.

Тип 1. Самыми употребительными АФЕ в шугнанском языке являются адвербиальные сравнения. Они, в основном, отвечают на вопросы образа действия: «Как? Каким образом?». В их образовании в шугнанском языке большую роль играют такие фразеобразовательные компаративные слова как *rang*, *bast*, *muqim* и *dawl*. Слово *rang*, во-первых, обозначает цвет. Кроме этого, *rang* используется как суффикс, который присоединяется к существительным и обозначает сходство, подобие или же сравнение с неким предметом, который обозначен данным существительным. Например: *xixgow* – *xixgow rangti(r)* – ‘як – как як’, *žir* – *žir rangti(r)* – ‘камень – как камень, подобный камню’.

Суффикс *-rang* также может присоединяться к прилагательным и формировать фразеологизм или идиому. Например: *rušt* – *ruštrang* – ‘красный’; *zulik* – *zulikrang* – ‘маленький – как маленький’.

Суффикс *-rang* происходит от слова *arang*, означающего сходство, подобие (аналогично английским словам, таким как *as*, *like*, и *as if*). При формировании слов с суффиксом *-rang* первая буква «а» теряется, а на её место ставится существительное или прилагательное. Этот суффикс присутствует во всех иранских языках с разными грамматическими и семантическими употреблениями.

Другой суффикс *-dawl*, как и суффикс *-rang*, означает «сходство, подобие» или же сравнение. Но, в отличие от *-rang*, не имеет своего самостоятельного значения и прикрепляется исключительно к существительным. Например: *markab* – *markabdawl* – ‘осёл – как осёл’, *rûpc* – *rûpcdawl* – ‘лиса – как лиса’.

Если взять слова *rang*, *dawl*, *bast*, *muqim*, то с лексической точки зрения они описывают, какие-либо черты или свойства, которые «заимствуются» данным предметом / объектом от другого предмета / объекта. Под такими свойствами могут подразумеваться размер, цвет или другие специфические качества описываемого предмета / объекта. Именно здесь начинается область фразеологии, а вернее, формируются адвербиальные фразеологические обороты. Хотя структура их формирования в разных языках разная, суть остаётся аналогичной. Например, в английском языке под «adverbial phrasal words» подразумеваются следующие фразеологизмы: *like a log* – ‘без сознания, неподвижно, как бревно’; *clear as a daylight* – ‘светло, как днём’, *as still as grave* – ‘безмолвно, тихо, как на кладбище / в могиле’.

Таким образом, шугнанские слова *rang*, *dawl* а также *bast* и *muqim* по своей функции сближаются с английскими словами, такими как *as*, *like* и *as ... as*, которые, как видно из приведённых выше примеров, также участвуют в формировании АФЕ в английском языке. Во фразеологизмах они связываются с лексическими словами и образуют структуру адверби-

ального фразеологического характера. Подчеркнём, что слова *rang*, *dawl*, *bast*, *muqum* являются синонимами, однако все они, кроме первого, сочетаются только с существительными, тогда как формирование АФЕ с прилагательным возможно только для слова *rang*. Приведём типичные примеры: *rûpc-dawl*, *rûpc-bast*, *rûpc-muqum*, *rûpc-rāng* – буквально ‘как лиса’, ‘хитрый, заковыристый’; *žow-dawl*, *žow-bast*, *žow-muqum*, *žow-rāng* – буквально ‘как корова’, ‘необразованный’, ‘невежественный человек’. *aywûn-dawl*, *aywûn-bast*, *aywûn-muqum*, *aywûn-rāng* – буквально ‘как животное’, ‘необразованный’, грубый. Возможно выражение и других качеств. Все эти примеры показывают, что фразеологические обороты со словами *rang*, *dawl*, *bast*, *muqum* относятся к фразеологизмам о б р а з а д е й с т в и я.

Также АФЕ данного типа могут строиться с помощью ещё пяти синонимичных слов *tulu*, *arang*, *jinow*, *rangti*, *miyûnd* (обозначают ‘как, наподобие’). Например: *tulu dorg* – ‘неподвижно, как бревно’; *arang dorg ca* – ‘неподвижно, как бревно’; *dorg jinow* – ‘неподвижно, как бревно’, *gul rangti* ‘как цветок’, ‘красивый’; *poθ (xūz) miyûnd* ‘как пуля (ветер)’ ‘быстро’ и другие. Слова *tulu*, *arang* используются перед существительным. Слово *arang* всегда употребляется с частицей *ca*. Слова *jinow* и *rangtir* особенно часто используются при описании животных и предметов в разных культурах.

Тип 2. К данному типу относятся адвербиальные фразеологические единицы которые обозначают м е р у и отвечают на вопрос «Сколько?». Например, *angixisob boft (biftow)* – буквально ‘по пальцам можно считать’ – ‘очень мало’, *yi qatra* – буквально ‘одна капля’ – ‘мало’.

Тип 3 представлен АФЕ с т е п е н и (отвечают на вопрос «В какой степени?»). Например, *tûnecen lixo navisč* – буквально ‘до того, как не завязали челюсть’ – ‘до смерти’.

Тип 4. В этот тип входят АФЕ м е с т а, отвечающие на вопросы «Где? Куда? Откуда?». Например: *pi osmûni aftum* – буквально ‘на седьмом небе’ – ‘очень далеко, на неизвестном месте’, *ar yak qadamand* – буквально ‘на каждом шагу’ – ‘езде, по всюду’, *qimb ar qul* – буквально ‘нырнул в воду’ – ‘бесследно исчез’ и другие.

Тип 5. Данный тип формируют АФЕ п р и ч и н ы. Они отвечают на вопрос «Почему?». Например: *dar ba dar* – буквально с ‘дверью на дверь’ – ‘по кишлаку, свету’ и тому подобные.

Тип 6 включает АФЕ, обозначающие ц е л ь и отвечающие на вопросы «Зачем? Для чего?». Например: *sem yet čidow* – буквально ‘открыт глаз’ – ‘открыть глаза’ (в переносном значении, напр., на правду).

Тип 7. Данный тип можно описать как о т н о с и т е л ь н ы е АФЕ. Например: *kûr mis di wînt* – буквально ‘слепой тоже видит это’, ‘все очень хорошо видно’, *xûvd jinow safed* – буквально ‘белый как молоко’, ‘очень белый’ и другие.

Как и в других упомянутых в данной статье языках, независимо от семантических категорий, в основе формирования АФЕ шугнанского языка лежит сходство или сравнение с предметами, объектами, животными, на-

секомыми, юмористическими и мифологическими персонажами. Нельзя не согласиться с А. И. Федоровым в том, что синоним-идентификатор можно найти и для фразеологизмов именного, наречного и адъективного типа при определении их значения в словаре [Фёдоров, 1995, с. 8].

3. Заключение

Исходя из данного материала можно сделать вывод, что адвербиальные фразеологические единицы в шугнанском языке, как и в других языках, обозначают образ действия и меру действия. Адвербиальные фразеологические единицы носят семантический описательный характер, то есть характерные черты определённого предмета, животного, персонажа присваиваются другому предмету или человеку на основании существующего культурного понимания этого предмета, животного, персонажа. В шугнанском языке существуют лексические слова *rang*, *dawl*, *bast*, *muqim*, *tulu*, *jinow*, *rangtir*, *arang* (последнее всегда употребляется с частицей *sa* ‘-ца’), с помощью которых формируются почти все адвербиальные фразеологические обороты. Эти слова подразумевают не сам предмет, а его описательные черты, которые глубоко уходят в семантику, поэтому для определения каждого фразеологизма или идиомы необходим индивидуальный анализ.

Список литературы

1. Абдулхамидова, П. Ш. Лексика народной медицины шугнанского языка [Текст]: автореф. дис. канд. филол. наук 10.02.22 / Абдулхамидова Парвина Шомастоновна; Институт гуманитарных наук памирского филиала Академии наук Республики Таджикистан. – Душанбе, 2006. – 22 с.
2. Аламшоев, М. М. Отраслевой словарь шугнанского языка: (животноводство) [Текст] / М. М. Аламшоев. – СПб.: Наука, 2002. – 166 с.
3. Аламшоев, М. М. Шугнанская животноводческая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении [Текст] / М. М. Аламшоев. – Душанбе: Ин-т гуманитарных наук Академии наук Республики Таджикистан, 2007. – 237 с.
4. Аламшоев, М. М. *Xuḡnūni ziv* – Грамматика шугнанского языка на шугнанском языке [Текст] / М. М. Аламшоев, Д. Карамшоев. – Хорог: Памир, 2000. – 150 с.
5. Баранов, А. Н. Основы фразеологии (краткий курс) [Текст]: учеб. пособие / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Изд-во ФЛИНТА, Наука, 2013. – 312 с.
6. Вайнер, Л. Р. Опыт исследования семантической спаянности словосочетания (на материале английских словосочетаний типа. «глагол + абстрактное существительное») [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.663 / Вайнер Леонид Романович; Белорусский гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск, 1972. – 17 с.
7. Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Шугнанский язык](https://ru.wikipedia.org/wiki/Шугнанский_язык).
8. Додихудоева, Р. Из истории письменности шугнанского языка. Вводные замечания [Текст] / Р. Додихудоева // Языки и этнография «Крыша мира». – СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. – С. 30–37.

9. Додыхудоева, Л. Р. К вопросу об изучении истории шугнанского языка [Текст] / Л. Р. Додыхудоева // Известия Академии наук Таджикской ССР. – 1982. – № 2 (108). – С. 70–75.
10. Додыхудоева, Л. Р. Концепт «дом» (на материале шугнанского языка) [Текст] / Л. Р. Додыхудоева // Ирано-Славика. – 2015. – № 2. – С. 19–27.
11. Додыхудоева, Л. Р. Шугнанский глагол в историческом освещении [Текст] / Л. Р. Додыхудоева. – Душанбе : Дониш, 1988. – 198 с.
12. Е-Транс – Союз переводчиков [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.e-trans.ru/languages/Shugnan?print=1&n=139&list_type=¤cy=.
13. Зиннатуллина, Л. М. Адвербиальные фразеологические единицы в английском и русском языках [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Зиннатуллина Лилия Махарямовна ; Казанский (Приволжский) федеральный университет – Казань, 2013. – 25 с.
14. Карамшоев, Д. Шугнано-русский словарь: Т. 1 [Текст] / Д. Карамшоев / под ред. А. Л. Гюнберга. – М. : Наука, 1988. – 576 с.
15. Карамшоев, Д. Шугнано-русский словарь. Т. 2 [Текст] / Д. Карамшоев / под ред. А. Л. Гюнберга. – М. : Наука, 1991. – 615 с.
16. Карамшоев, Д. Шугнано-русский словарь. Т. 3 [Текст] / Д. Карамшоев / под ред. А. Л. Гюнберга. – М. : Наука, 1999. – 568 с.
17. Кунин, А. В. Имплицитность – один из системообразующих факторов фразеологической семантики: Об имплицитном компоненте фразеологического значения [Текст] / А. В. Кунин // Сб. науч. трудов / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. – М., 1986. – Вып. 262. – С. 20–28.
18. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. [Текст] / А. В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – М. : Высшая школа ; Дубна : Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.
19. Мирзоев, Ш. Краткий словарь фразеологизмов шугнанского языка и их эквиваленты в русском языке [Текст] / Ш. Мирзоев, И. Карамова. – Душанбе : Дониш, 2014. – 210 с.
20. Молотков, А. И. Основы фразеологии русского языка [Текст] / А. И. Молотков. – Л. : Наука, 1977. – 284 с.
21. Некушоева, Ш. С. Этнолингвистическое и сравнительное освещение предметно-бытовой лексики шугнано-рушанской группы памирских языков [Текст] : дис. канд. филол. наук 10.02.22 / Некушоева Шахло Саиднуриддиновна ; Ин-т гуманитарных наук Памирского филиала Академии наук республики Таджикистан – Душанбе, 2010. – 175 с.
22. Назарян, А. Г. Фразеология современного французского языка [Текст] / А. Г. Назарян. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Высшая школа, 1987. – 288 с.
23. Ожегов, С. И. О структуре фразеологии [Текст] / С. И. Ожегов // Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М. : Выс. шк., 1974. – С. 182–219.
24. Рубинчик, Ю. А. Основы фразеологии персидского языка [Текст] / Ю. А. Рубинчик. – М. : Наука, 1981. – 275 с.
25. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка [Текст] / А. И. Смирницкий / под. ред. В. В. Пассека. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 260 с.
26. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

27. Федуленикова, Т. Н. Изоморфизм и алломорфизм в германской фразеологии (на материале английского, немецкого и шведского языков) [Текст] : дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.20 / Федуленикова Татьяна Николаевна ; Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова – Северодвинск, 2006. – 34 с.
28. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2-х т. – Т. 1: А–М [Текст] / А. И. Фёдоров. – Сибирская издательская фирма, 1995. – 391 с.
29. Хушенова, С. В. К вопросу о разграничении слова и фразеологизма в памирских языках [Текст] / С. В. Хушенова // Труды Самар. ун-та. – Самарканд, 1972. – Вып. 219. – С. 16–22.
30. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие [Текст] / Н. М. Шанский. – СПб. : Специальная Литература, 1996. – 192 с.
31. Ethnologue. Languages of the World [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ethnologue.com/language/sgh>.
32. Show, R. B. On the Shighni (Ghalchah) Dialect [Text] / R. B. Shaw // Journal, Asiatic Society of Bengal. – 1877. – Vol. XLV1\ Part 7. – P. 97–126. Retrieved from <https://archive.org/stream/journalasiatics03benggoog#page/n109/mode/2up>.

References

1. Abdulhamidova, P. Sh. (2006). *Leksika narodnoj mediciny shugnanskogo jazyka* [Native healers medical terms of the Shughni language]. Author's abstract of PhD in Philology dissertation. Institute of Humanities of Pamir Branch of the Academy of Sciences of Tajikistan. Dushanbe.
2. Alamshoev, M. M. (2002). *Otraslevoj slovar' shugnanskogo jazyka: (zhivotnovodstvo)* [The Dictionary of Lexical Fields of the Shughni Language (Cattle breeding)]. St.-Petersburg. : Nauka.
3. Alamshoev, M. M. (2007). *Shugnanskaja zhivotnovodcheskaja leksika v jetnolingvističeskom i sravnitel'no-istoričeskom osvешhenii* [Ethnolinguistic and comparative-historical aspects of cattle breeding lexical units of the Shughni Language]. Institute of Humanities of Pamir Branch of the Academy of Sciences of Tajikistan. Dushanbe.
4. Alamshoev, M. M., Karamshoev, D. (2000). *Huġnũuni ziv* [The Grammar of the Shughni Language written in the Shughni Language]. Horog : Pamir.
5. Baranov, A. N., Dobrovol'skij, D. O. (2013). *Osnovy frazeologii (kratkij kurs)* [The basics of phraseology (A Brief course): A Handbook]. Moscow : FLINTA Press, Nauka.
6. Vajner, L. R. (1972). *Opyt issledovanija semantičeskoj spajannosti slovosochetanija (na materiale anglijskih slovosochetenij tipa «glagol + abstraktnoe sushchestvitel'noe»)* [The experience of studying semantic coherence of word groups (Based on English word-group pattern «Verb + Abstract Noun»)]. Author's abstract of PhD in Philology dissertation. Lenin Belorussian State University. Minsk.
7. Wikipedia [Electronic Resource]. Retrieved from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Shugnanskij_jazyk.
8. Dodihudoeva, R. (2005). Iz istorii pis'mennosti shugnanskogo jazyka. Vvodnye zamečanija [From the history of the writing system of the Shughni language. Introductory notes]. *Jazyki i jetnografija «Krysha myra»* [Languages and

- Ethnography «The Roof of the World»] (pp. 30–37). St.-Petersburg : Peterburg Oriental Studies.
9. Dodyhudoeva, L. R. (1982). K voprosu ob izuchenii istorii shugnanskogo jazyka [Studying the History of the Shughni Language]. *Izvestija Akademii nauk Tadzhikskoj SSR* [Bulletins of the Academy of Sciences of Tajikistan], 2 (108), 70–75.
 10. Dodyhudoeva, L. R. (2015). Koncept «dom» (na materiale shugnanskogo jazyka) [The concept «Home» (Based on the Shughni Language)]. *Irano-Slavika* [Iranian-Slavic Studies], 2, 19–27.
 11. Dodyhudoeva, L. R. (1988). *Shugnanskij glagol v istoricheskom osveshhenii* [The Shughni verb in diachronic aspect]. Dushanbe : Donish.
 12. E-Trans – Sojuz perevodchikov [E-Trans – The Association of Interpreters] [Electronic Resource]. Retrieved from: <http://www.e-trans.ru/languages/Shughnan?print=1&n=139&list type=¤cy=>.
 13. Zinnatullina, L. M. (2013). *Adverbial'nye frazeologicheskie edinicy v anglijskom i russskom jazykah* [Adverbial phraseological units in English and Russian]. Author's abstract of PhD in Philology dissertation. Kazan Federal University. Kazan.
 14. Karamshoev, D. (1988). *Shugnano-russkij slovar'* [The Shughni-Russian Dictionary]. Vol. 1. Ed. by A. L. Gjunberg. Moscow : Nauka.
 15. Karamshoev, D. (1991). *Shugnano-russkij slovar'* [The Shughni-Russian Dictionary]. Vol. 2. Ed. by A. L. Gjunberg. Moscow : Nauka.
 16. Karamshoev, D. (1999). *Shugnano-russkij slovar'* [The Shughni-Russian Dictionary]. Vol. 3. Ed. by A. L. Gjunberg. Moscow : Nauka.
 17. Kunin, A. V. (1986). Implicitnost' – odin iz sistemoobrazujushhih faktorov frazeologicheskoi semantiki: Ob implicitnom komponente frazeologicheskogo znachenija. *Sb. nauch. trudov Mosk. gos. ped. in-t inostr. jaz. im. M. Toreza* [The collection of scientific papers of Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages] (Issue 262, pp. 20–28). Moscow.
 18. Kunin, A. V. (1996). *Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo jazyka : ucheb. dlja in-tov i fak. inostr. Jaz.* [A course of Phraseology of the English language: A Handbook]. 2nd edition. Moscow : Vysshaja shkola ; Dubna : «Feniks» Publishing Center.
 19. Mirzoev, Sh., Karamova, I. (2014). *Kratkij slovar' frazeologizmov shugnanskogo jazyka i ih jekvivalenty v russskom jazyke* [A Brief Dictionary of Phraseological Units of the Shughni Language and their Russian Equivalents]. Dushanbe : Donish.
 20. Molotkov, A. I. (1977). *Osnovy frazeologii russskogo jazyka* [The Basics of Russian Phraseology]. Leningrad : Nauka.
 21. Nekushoeva, Sh. S. (2010). *Jetno-lingvisticheskoe i sravnitel'noe osveshhenie predmetno-bytovoju leksiki shugnano-rushanskoj gruppy pamirskih jazykov* [Ethnolinguistic and comparative aspects of lexical units of everyday life of the Shughni-Rushani Pamir languages]. PhD in Philology dissertation. Institute of Humanities of Pamir Branch of the Academy of Sciences of Tajikistan. Dushanbe.
 22. Nazarjan, A. G. (1987). *Frazeologija sovremennogo francuzskogo jazyka* [Modern French Phraseology]. 2nd edition. Moscow : Vysshaja shkola.
 23. Ozhegov, S. I. (1974). O strukture frazeologii [The structure of phraseology]. *Leksikologija. Leksikografija. Kul'tura rechi* [Lexicology. Lexicography. Culture of speech] (pp. 182–219). Moscow : Vysshaja shkola.

24. Rubinchik, Ju. A. (1981). *Osnovy frazeologii persidskogo jazyka* [The basics of Persian phraseology]. Moscow : Nauka.
25. Smirnickij, A. I. (1956). *Leksikologija anglijskogo jazyka* [English Lexicology] Ed. by V. V. Passek. Moscow : Literature in Foreign Languages Press.
26. Telija, V. N. (1996). *Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and lingual-cultural aspects]. Moscow : School «Languages of Russian Culture».
27. Fedulenkova, T. N. (2006). *Izomorfizm i allomorfizm v germanskoj frazeologii (na materiale anglijskogo, nemeckogo i shvedskogo jazykov)* [Isomorphism and allomorphism in German languages phraseology (Based on English, German and Swedish)]. Doctor of Philology dissertation. Pomor State University after M. V. Lomonosov. Severodvinsk.
28. Fjodorov, A. I. (1995). *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka* [Phraseological Dictionary of Literary Russian]. Vol. 1: A–M. Siberian Publishing Firm.
29. Hushenova, S. V. (1972). K voprosu o razgranichenii slova i frazeologizma v pamijskih jazykah [To the question of differences between the word and the phraseological unit in the Pamir languages]. *Trudy Samar. un-ta* [The Works of Samarkand University] (Issue 219, pp. 16–22). Samarkand.
30. Shanskij, N. M. (1996). *Frazeologija sovremennogo russkogo jazyka* [Modern Russian phraseology. A Handbook]. St.-Petersburg : Special Literature.
31. Ethnologue. Languages of the World [Electronic Resource]. Retrieved from: <http://www.ethnologue.com/language/sgh>.
32. Show, R. B. (1877). On the Shighni (Ghalchah) Dialect. *Journal Asiatic Society of Bengal*, XLV1, 7, 97–126. Retrieved from <https://archive.org/stream/journalasiatics03benggoog#page/n109/mode/2up>.

УДК 81'34
UDC 81'34

Ворон Анастасия Андреевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Anastasia A. Voron
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: chucha98voron@gmail.ru

Облякова Евгения Александровна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Evgenia A. Obliakova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: vip.zhenya.oblyakova@mail.ru

Гусева Светлана Ивановна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Svetlana I. Guseva
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: s_guseva@mail.ru

Андросова Светлана Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Svetlana V. Androsova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: androsova_s@mail.ru

**ПАУЗАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ КВАЗИСПОНТАННОЙ РАЗГОВОРНОЙ
РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ АМУРСКОЙ РАЗНОВИДНОСТИ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОЛЕКТА РУССКОГО ЯЗЫКА
PAUSES IN QUASI-SPONTANEOUS COLLOQUIAL SPEECH
OF THE AMUR VARIETY OF THE FAR-EASTERN
REGIONAL ACCENT OF THE RUSSIAN LANGUAGE**

Аннотация

Каждый региональный вариант современного русского языка имеет свои характерные черты. Особенности, отличающие речь дальневосточников от речи жителей других регионов, изучены недостаточно. Настоящее исследование – это попытка рассмотреть

один из просодических компонентов спонтанной речи жителей Амурской области, а именно паузы, и систематизировать паузальные характеристики, опираясь на существующие классификации пауз. Полученные результаты позволили выделить 10 видов пауз: межфразовые хезитационные незаполненные, межфразовые хезитационные заполненные, межсинтагменные хезитационные незаполненные, межсинтагменные хезитационные заполненные, внутрисинтагменные хезитационные незаполненные, внутрисинтагменные хезитационные заполненные, межфразовые интонационные, межсинтагменные интонационные, повторы-хезитации и самокоррекции. Выявленные виды пауз характеризовались разной частотностью. Самыми частотными оказались внутрисинтагменные хезитационные незаполненные и межфразовые и межсинтагменные интонационные паузы, наименьшей частотностью обладали межфразовые хезитационные незаполненные паузы, а также повторы-хезитации и случаи самокоррекции. В целом, хезитационные паузы встречались чаще интонационных, а незаполненные – чаще заполненных. Были также отмечены не единичные случаи слияния пауз. Отмечалась и вариативность, обусловленная дикторскими предпочтениями.

Abstract

Every regional variety of the modern Russian language has its own characteristic features. The ones that are specific for the speech of Far-Eastern Russian speakers have not been thoroughly studied yet. The present research is an attempt to consider one of the prosodic features of the Amur Region speakers of Russian, namely pauses, and bring pauses into a system based of the existing classification of pauses. The results enabled to single out 10 kinds of pauses: phrase-boundary hesitation filled, phrase-boundary hesitation empty, syntagm-boundary hesitation filled, syntagm-boundary hesitation empty, syntagm-internal hesitation filled, syntagm-internal hesitation empty, phrase-boundary intonation, syntagm-boundary intonation, hesitation repetitions, self-corrections. These pauses were characterized by different frequency rate. Syntagm-internal hesitation empty, phrase-boundary intonation and syntagm-boundary intonation ones turned out the most frequent, while phrase-boundary hesitation empty ones, hesitation repetitions and self-corrections occurred most rarely. In general, hesitation pauses were more frequent than intonation ones, empty pauses occurred more often than filled ones. In addition, a number of cases where pauses followed each other were noticed. There was also certain speaker-dependent variation revealed.

Ключевые слова: региолект, русский язык, квазиспонтанная речь, пауза, повтор-хезитация, самокоррекция.

Keywords: regional variety, the Russian language, quasi-spontaneous speech, pause, hesitation repetition, self-correction.

1. Введение

Разговорная речь в последнее время стала объектом пристального внимания лингвистов и психолингвистов. Изучению одной из форм разговорной речи, называемой региональным вариантом или региолектом, посвятили свои работы В. И. Трубинский, А. С. Герд, Е. В. Ерофеева [Трубинский, 1991 ; Герд, 2005, 2001 ; Ерофеева, 1997] и другие исследователи. Для российских лингвистов изучение региолектов зачастую связывается с изучени-

ем языка города, в котором проявляется региональная вариативность русского литературного языка, а также взаимодействие литературного языка и его «нелитературного» окружения [Хорошева, 2011, с. 34].

Каждый региональный вариант современного русского языка имеет особенности, которые отличают речь носителей одного варианта от другого. Особенности, отличающие речь дальневосточников от речи жителей других регионов, – это ещё весьма малоизученный, но довольно интересный аспект.

Язык, как известно, явление общественное, и в процессе его использования носители языка бессознательно подражают окружающим – тем, кто находится рядом с ними. Зачастую, можно интуитивно отличить жителя одного региона от жителя другого – в речи каждого имеют место некоторые особенности, которые они получили, находясь в своём окружении [Милянчук, 2014]. Так же и жители Дальневосточного региона говорят несколько иначе, чем проживающие в других регионах России, употребляя специфические слова, по-другому произнося некоторые звуки. Эти лексические и фонетические черты особенно ярко проявляются в спонтанной речи. Настоящее исследование – это попытка изучить один из просодических компонентов спонтанной речи жителей Амурской области, а именно паузы, и систематизировать паузальные характеристики, опираясь на существующие классификации пауз.

2. Что такое региолект

Понятие региолекта в литературе возникло в 90-е годы [Трубинский, 1991; Герд, 1995]. В.И. Трубинский [Трубинский, 1991, с. 157] считает региолекты «новыми диалектами», новыми крупными территориально-системными образованиями, которые не повторяют классическое диалектное членение русского языка. А.С. Герд предложил термин «региолект» для именования речи жителей средних и малых городов; в дальнейшем учёный занимался вопросами положения диалекта среди других форм существования языка, в том числе региолектной, выявлением её специфических черт. В итоге А.С. Герд сформулировал наиболее полное определение термина 'региолект': «Региолект – особая форма устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта и развились новые особенности. Это форма, с одной стороны, не достигшая ещё статуса стандартного литературного языка, а с другой – в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью с городским просторечием» [Герд, 2001].

Как известно, Дальний Восток России включает в себя 9 субъектов Федерации: Хабаровский край, Магаданская область, Чукотский автономный округ, Камчатский край, Амурская область, Республика Саха (Якутия), Еврейская автономная область, Приморский край, Сахалинская область (см., напр., схему административного деления Дальневосточного федерального округа [Справочник..., 2016]). Это неминуемо означает вариантность внутри данного региолекта – наличие его разновидностей.

Заинтересовавшиеся дальневосточным региолектом исследователи [Рублёва, 2013; Оглезнева, 2008] рассматривали эту форму существования

русского языка исключительно с лексической стороны. В центр внимания нашего исследования попадают фонетические особенности Амурской разновидности Дальневосточного региолекта, а именно паузы как часть просодического оформления речи, которое в немалой степени определяет его своеобразие. Прежде чем перейти к экспериментальной части настоящего исследования, конкретизируем данное понятие. Под Амурской разновидностью Дальневосточного региолекта мы понимаем вариант современного русского языка, функционирующий на территории Амурской области и имеющий языковые и речевые особенности, которые, с одной стороны, характерны для речи дальневосточников в целом по сравнению с речью жителей других регионов России, а с другой – могут отличать речь амурчан от речи других дальневосточников.

3. Спонтанная речь

По словам Г. А. Тезекбаевой, спонтанная речь есть речь неподготовленная, осуществляемая говорящим в постоянно (иногда ежеминутно) меняющихся коммуникативных условиях; именно поэтому спонтанная речь предстает реальным показателем уровня языковой компетенции говорящего [Тезекбаева, 2011, с. 76].

В нашем случае можно говорить о речи носителей региолекта как о квазиспонтанной. Квазиспонтанная речь – один из видов спонтанной речи, квалифицирующийся как тип речи, в определённой степени подготовленной, или как речь, произнесённая на тему близкую или хорошо знакомую, характеризующаяся, с одной стороны, определённой долей подготовленности, а с другой – некоторой степенью спонтанности [Дергачёва, 2014]. Именно в такой ситуативной обстановке и находились наши дикторы: перед началом аудиозаписи их речи с ними была оговорена тематика монолога, говорящим был предоставлен лишь небольшой промежуток времени на обдумывание путей репродуцирования своего монолога, во время записи речь осуществлялась спонтанно.

В качестве основополагающего тезиса при анализе просодических характеристик квазиспонтанной речи было выбрано положение о том, что спонтанная речь, будучи средством коммуникации и видом речевой деятельности, представляет собой психически по-особому нагруженный процесс, обладающий при этом характерными особенностями. Основной отличительный признак спонтанной речи – неподготовленность – и обуславливает ряд присущих ей специфических черт. При спонтанном порождении речи, её организация на уровне звуковых единиц, синтаксиса и лексики, отличается от литературной нормы, что обуславливает сложность её анализа. Сказанное касается и паузации, которая в спонтанной речи весьма специфична.

4. Паузы

Пауза – это наименее изученный компонент фразовой интонации [Вольская, 2004, с. 129]. Ей посвящено сравнительно небольшое количество работ отечественных и зарубежных лингвистов. Но всё же, исходя из

широкого понимания интонации как совокупности просодических характеристик, пауза является неотъемлемым её компонентом [Зиндер, 2007, с. 315; Шевченко, 2011, с. 139]. Общепринятой классификации пауз и их функций на данный момент не предложено: разные авторы выделяют различные виды пауз, опираясь на разноплановые функции и критерии.

А. М. Пешковский указывал на разграничительную и связующую функции паузы [Пешковский, 1928, с. 472–473]. Позже аналогичное мнение в более чёткой и развёрнутой форме выразил Л. Р. Зиндер: пауза необходима для: 1) отделения синтаксических единиц друг от друга, и для выделения характера связи между ними; 2) передачи эмоциональных оттенков предложения. [Зиндер, 2007, с. 316]. В работе Л. П. Блохиной, помимо разграничительной функции пауз, особое внимание уделено функции хезитации, отвечающей за планирование и селекцию синтаксических единиц [Блохина, 1983, с. 62].

Согласно Л. Р. Зиндеру можно выделить 1) паузу как прекращение звука, 2) «психологическую» паузу, эффект которой создаёт перелом в мелодике, 3) паузу «хезитации», при которой возможно и наличие звучания. [Зиндер, 2007, с. 315].

Н. А. Леонтьева [Леонтьева, 1987] предлагает разделять паузы на тематические, поисковые и корреляционные в зависимости от их назначения. Тематическая пауза сигнализирует о семантической цельности и законченности отделяемого ею смыслового участка текста. Поисковая пауза отражает процесс речевого планирования (поиск наиболее подходящей лексической единицы, словоформы и т. д.), отражая тем самым процесс становления суждения, поэтому она маркирует границу синтагмы внутри фразы. Корреляционная связующая пауза указывает на взаимную связь, соотнесенность двух соседних смысловых участков как внутри фразы, так и на стыке фраз; подобные паузы призывают слушающего не ослаблять внимание, поскольку подача содержательной информации не прекращается на протяжении всего устного высказывания.

Исходя из формального критерия, Т. А. Потёмина выделяет три основные группы пауз в зависимости от их локализации: межфразовые, межсинтагменные и внутрисинтагменные [Потёмина, 1983]. Аналогичную классификацию предлагает А. М. Антипова с небольшой разницей в терминологии: финальные, нефинальные (синтагматические), внутрисинтагменные. Кроме этого, автор выделяет заполненные и незаполненные паузы, а также логические паузы и паузы неуверенности [Антипова, 1984].

Дж. Лавер ограничивается делением пауз на незаполненные и заполненные нелингвистическими элементами [Laver, 1994, p. 158]. К. Пайк предлагает деление пауз на гипотетические и финальные [Пайк, 1992]. Первые могут существовать в двух формах: временного перерыва и безвременного перерыва (что соответствует незаполненным и заполненным паузам в терминологии Дж. Лавера). Примечательно, что при безвременном перерыве автор указывает на значительное удлинение звука (звуков) предыдущей синтагмы, выделяя таким образом ещё один способ выражения психологической паузы помимо мелодического перелома, а именно – значительное

изменение темпа произнесения. Гипотетическая пауза передает незавершенность, неуверенность. Финальная пауза выражает законченность и обычно встречается на конце категорических утверждений [Пайк, 1992].

Длительность паузы также может быть взята в качестве критерия для классификации. Она зависит от множества факторов: от положения в предложении или тексте, сложности и стилевой направленности высказывания, индивидуальной манеры говорящего. По данному параметру Т. А. Потёмина выделяет 6 групп пауз: паузы длительностью до 250 мс – сверхкраткие (сюда входит и нулевая пауза), паузы длительностью 250–450 мс – краткие, паузы длительностью 450–650 мс – средние, длительные (650–850 мс), значительно длительные (850–1050 мс) и сверхдлительные паузы (1050–1205 мс) [Потёмина, 1983]. Похожую классификацию мы находим и у Л. П. Бондаренко с разницей в 50 мс по каждой группе [Бондаренко, 1981]. Дж. Мартин выделяет в качестве минимальной паузу длительностью до 50 мс [Martin, 1970]. Однако нам представляется, что в таких случаях возникает необходимость проявлять особую осторожность, поскольку за такую сверхкраткую паузу можно принять смычку глухого согласного, длительность которой, как известно, может быть и больше 50 мс.

Роль пауз в спонтанной речи сложно переоценить. Достаточно вспомнить, что паузальная группа (любой речевой сегмент от паузы до паузы) часто рассматривается в качестве единицы для анализа спонтанно продуцируемых текстов (см., напр. [Блохина, Потапова, 1986, с. 64–65]).

5. Материал и методика исследования

Объектом нашего исследования стали особенности паузации в речи представителей дальневосточного региолекта русского языка. Нами рассматривались все паузы, кроме психологических.

Задачами нашего исследования были:

- 1) расстановка пауз, указание типа и длительности каждой паузы, характера заполнителей при наличии таковых;
- 2) сравнение особенностей паузации в речи разных дикторов;
- 3) количественная обработка и систематизация данных с целью построения классификации пауз в спонтанной речи жителей Приамурья.

Проведение эксперимента включало несколько этапов. На первом этапе была произведена аудиозапись экспериментального материала. В записи экспериментального материала принимали участие три так называемых «наивных» носителя дальневосточного региолекта русского языка. Диктор 1 (Д1), Диктор 2 (Д2), Диктор 3 (Д3) – юноши, студенты-первокурсники Амурского государственного университета (АмГУ) восемнадцати полных лет, родившиеся и постоянно проживающие на территории Амурской области (см. табл. 1).

Выбор темы высказывания определялся самим диктором из перечня предложенных ему непосредственно перед сеансом звукозаписи разговорных тем, касающихся различных сторон повседневной жизни. Времени на обдумывание ответов испытуемым не давалось. Записи спонтанной речи были получены в лаборатории экспериментально-фонетических исследо-

ваний при кафедре иностранных языков АмГУ. Запись производилась с микрофона, закреплённого возле рта испытуемого с помощью устройства, фиксирующегося на голове испытуемого, на микшерный пульт и звуковую плату компьютера. Использовались стандартные параметры оцифровки: частота дискретизации 44 кГц, моно, 8 бит. Общая длительность полученных квазиспонтанных текстов составила 11 мин 52 сек: Д1 – 3 мин 15 сек, Д2 – 4 мин 12 сек, Д3 – 4 мин 25 сек.

Т а б л и ц а 1. Характеристики дикторов и паузации в их речи

Характеристики	Диктор №1 (Д1)	Диктор №2 (Д2)	Диктор №3 (Д3)
<i>Место рождения</i>	с. Чигири	с. Екатеринославка	п. Прогресс
<i>Место проживания</i>	г. Благовещенск (Амурская обл.)	г. Благовещенск (Амурская обл.)	г. Благовещенск (Амурская обл.)
<i>Время проживания на Дальнем Востоке</i>	Постоянное	Постоянное	Постоянное
<i>Пол</i>	Мужской	Мужской	Мужской
<i>Возраст</i>	18 лет	18 лет	18 лет
<i>Образование</i>	АмГУ (1 курс, бакалавр)	АмГУ (1 курс, бакалавр)	АмГУ (1 курс, бакалавр)
<i>Количество слов</i>	284	430	394
<i>Общее количество пауз</i>	87	95	134
<i>Время звучания</i>	3 мин 15 сек	4 мин 12 сек	4 мин 25 сек
<i>Общая длительность всех пауз</i>	1 мин 14 сек	56 сек	1 мин 58 сек
<i>Коэффициент насыщенности речи паузами</i>	0,381	0,225	0,447

На следующем этапе эксперимента нами были подготовлены письменные версии аудиомонологов. Лексические повторы, самокоррекция, междометия и тому подобное не исключались. В текстах дикторами было употреблено 1108 слов: Д1 – 284, Д2 – 430, Д3 – 394.

Третий этап представлял собой экспертный слуховой анализ спонтанных монологов на предмет характера паузации, в ходе которого были расставлены паузы, проанализирован вид каждой паузы и измерена их длительность. Членение на паузальные группы исследуемых монологических высказываний и инструментальный анализ проводились с помощью компьютерной программы акустического анализа звукового сигнала

«Praat» версия 6.0.14 [Boersma, Weenink, 2016]. На заключительном этапе все полученные и проанализированные данные были систематизированы через призму изученного теоретического материала. Схематичное их представление дано на рисунке 1.

Р и с у н о к 1. Виды пауз в спонтанной речи (по трём дикторам)

6. Результаты экспериментально-фонетического анализа.

В ходе экспериментальной работы возникла необходимость ввести свои обозначения для более детального описания пауз (см. табл. 2).

Т а б л и ц а 2. Условные обозначения пауз

Символ	Вид паузы
//-//	Межфразовая хезитационная незаполненная
//[...]/	Межфразовая хезитационная заполненная
/-/	Межсинтагменная хезитационная незаполненная
/[...]/	Межсинтагменная хезитационная заполненная
#-#	Внутрисинтагменная хезитационная незаполненная
#[...]	Внутрисинтагменная хезитационная заполненная
/ПХ/	Повтор-хезитация
/СК/	Самокоррекция
//	Межфразовая интонационная
/	Межсинтагменная интонационная

Полученная классификация пауз в спонтанной монологической речи дикторов выстроена по четырём признакам (см. рис. 1): 1) локализации, 2) лингвистической значимости, 3) длительности и 4) наличию / отсутствию заполнителей. По первому признаку паузы были разделены, как это и принято традиционно, на межфразовые, межсинтагменные и внутрисинтагменные. По второму признаку были отмечены интонационные (синтаксические) и хезитационные паузы с повтором-хезитацией либо самокоррекцией как подвидами последних. По третьему признаку паузы были классифицированы как сверхкраткие (до 250 мс), краткие (250–450 мс), средние (450–650 мс), длительные (650–950 мс) и сверхдлительные (950 мс и выше). По четвёртому признаку паузы были выделены паузы заполненного и незаполненного характера. Длительность в миллисекундах (мс) проставлялась непосредственно после обозначения паузы верхним индексом курсивом.

Итак, основным результатом нашего анализа речи дикторов стали сравнительные таблицы пауз и их характеристик, выявленных в речи трёх носителей рассматриваемого региолекта (см. табл. 3–13). Последний параметр таблиц – коэффициент насыщенности всей речи данным типом пауз – вычислялся как отношение общей длительности данного вида пауз к общей длительности звучания речи данного диктора. Всего дикторами было употреблено 316 пауз (Д1 – 87, Д2 – 95, Д3 – 134).

Межфразовые хезитационные незаполненные паузы (см. табл. 3) составили 1,15% у Д1, 1,05 % у Д2 и 0,75% у Д3 от общего количества пауз в спонтанной речи дикторов (встретились только по одной у каждого диктора). Данные паузы были заполнены только воздушными потоками (вдохи и выдохи). Приведём пример: *Хобби, которым я увлекаюсь... //-//^{368 мс}*
Я увлекаюсь очень сильно чтением.

**Т а б л и ц а 3. Межфразовая хезитационная пауза
незаполненного характера //-//**

Характеристики	Д1	Д2	Д3
Общее количество	1	1	1
Процент от общего количества пауз во всём монологе	1,15%	1,05%	0,75%
Длительность	960 мс	368 мс	1335 мс
Процент от общей длительности пауз во всём монологе	1,29%	0,65%	1,13%
Коэффициент насыщенности всей речи данным типом пауз	0,005	0,001	0,005

Межфразовые хезитационные заполненные паузы (см. табл. 4) в корпусе исследуемых квазиспонтанных монологов составили 3,45% (Д1), 10,53% (Д2), 3,73% (Д3) от общего количества пауз. Как видно из при-

ведённых данных, этот вид пауз встретился в большем количестве в речи Д2 по сравнению с Д1 и Д3. Такие паузы могли быть заполнены сочетанием согласных и гласных.

**Т а б л и ц а 4. Межфразовая хезитационная пауза
заполненного характера //[...]/**

Характеристики	<i>Д1</i>	<i>Д2</i>	<i>Д3</i>
Общее количество	3	10	5
Процент от общего количества пауз во всём монологе	3,45%	10,53%	3,73%
Общая длительность	1501 мс	5450 мс	2502 мс
Процент от общей длительности пауз во всём монологе	2,02%	9,59%	2,11%
Наименьшая средняя по длительности	400 мс	169 мс	271 мс
Наибольшая средняя по длительности	560 мс	1011 мс	697 мс
Средняя длительность	500 мс	545 мс	500 мс
Коэффициент насыщенности всей речи данным типом пауз	0,008	0,022	0,009

Реализация межфразовых заполненных пауз хезитации может быть объяснена необходимостью логического перехода от одного сегмента повествования к другому, внутренним стремлением говорящего придерживаться общей линии при производстве конкретного участка сообщения. У Д1 одна из таких пауз была зафиксирована в непосредственной близости завершения темы, заданной на обсуждение. Пауза была заполнена гласным звуком. У Д2 межфразовая хезитационная заполненная пауза была дважды реализована в местах самокоррекции говорящего. Довольно низкий коэффициент насыщенности всей квазиспонтанной речи межфразовыми паузами хезитации у всех трёх дикторов объясняется их возникновением лишь на участках перехода на другую микротему или при попытке не потерять связь между предыдущей фразой и последующей из-за возникающего между ними временного разрыва. Приведём один из примеров: *Если сравнивать эти два заведения, /^{96 мс} то #-#^{717 мс} пед. колледж немного #-#^{53 мс} проще учиться, чем в АмГУ. // [п υ] //^{541 мс} Как говорится, /-/^{801 мс} трудно, /^{305 мс} но потом будет легче. //^{1110 мс}*

Межсинтагменные хезитационные незаполненные паузы (см. табл. 5) составили 16,09% (Д1), 5,26% (Д2) и 11,19% (Д3) от общего количества пауз. Данный тип пауз возникал в местах, предусматривающих границы между синтагмами, но длительная задержка перед произнесением последующей синтагмы – хезитационная пауза – имела место из-за неподготовленности речи, мысленного построения грамматически и логически

корректного продолжения монолога. Следует отметить, что коэффициент насыщенности речи данным видом пауз был довольно высоким (за исключением Д2). Приведём типичный пример: *Было жутко интересно, /^{765 мс} / [Λ] /^{504 мс} ходили на пары, /-/^{1984 мс} посещали все занятия. //^{1480 мс}*

Т а б л и ц а 5. Межсинтагменная хезитационная пауза незаполненного характера /-/

Характеристики	Д1	Д2	Д3
Общее количество	14	5	15
Процент от общего количества пауз во всём монологе	16,09%	5,26%	11,19%
Общая длительность	11254 мс	2830 мс	22636 мс
Процент от общей длительности пауз во всём монологе	15,14%	4,98%	19,12%
Наименьшая средняя по длительности	334 мс	381 мс	338 мс
Наибольшая средняя по длительности	1450 мс	707 мс	3095 мс
Средняя длительность	804 мс	566 мс	1509 мс
Коэффициент насыщенности всей речи данным типом пауз	0,058	0,011	0,085

Т а б л и ц а 6. Межсинтагменная хезитационная пауза заполненного характера /[...]/

Характеристики	Д1	Д2	Д3
Общее количество	–	3	3
Процент от общего количества пауз во всём монологе	–	3,16%	2,24%
Общая длительность	–	1372 мс	1013 мс
Процент от общей длительности пауз во всём монологе	–	2,42%	0,86%
Наименьшая по длительности	–	180 мс	140 мс
Наибольшая по длительности	–	708 мс	504 мс
Средняя длительность	–	457 мс	338 мс
Коэффициент насыщенности всей речи данным типом пауз	–	0,005	0,004

Межсинтагменные хезитационные заполненные паузы (см. табл. 6) встретились только в речи Д2 и Д3, составив соответственно 3,16% и 2,24% от общего количества пауз. Довольно часто такие паузы были зафиксированы после реализаций межсинтагменных хезитационных незаполненных пауз. Приведём пример: *По этой специальности я пошел учиться из-за того, что #[э]#^{738 мс} специальность энергетика будет всегда востребована, /-/^{432 мс} /[а т]/^{484 мс} специалисты нужны везде, и... ну, и вообще, вот, мне это довольно интересно. //^{908 мс}*

Внутрисинтагменные хезитационные незаполненные паузы (см. табл. 7) составили от общего количества пауз 33,33% у Д1, 28,42% у Д2 и 27,61% у Д3. По мнению Л. П. Бондаренко и Т. А. Потёминой [Бондаренко, 1984; Потёмина, 1982], такие паузы внутри синтагмы в условиях спонтанной речи возможны и оправданы с психологической точки зрения. Результаты нашего исследования показывают, что они являются не только возможными и оправданными, но и самыми частотными у всех дикторов: коэффициент насыщенности речи данным видом пауз оказался самым высоким. Была отмечена особенность Д1 делать паузы в тех местах, где необходимо найти подходящее по смыслу слово, наиболее полно отражающее содержание дальнейшего повествования. А у Д2 и Д3 особенностью явилось следование после данных пауз так называемых слов-паразитов, лексических повторов или уточнений. Приведём типичный пример: *Даже сам, #-#^{322 мс} ну, #-#^{1403 мс} брал, #-#^{226 мс} как бы, скутер, /^{465 мс} свой (попросил, чтобы родители купили). //^{602 мс}*

Т а б л и ц а 7. Внутрисинтагменная хезитационная пауза незаполненного характера #-#

Характеристики	Д1	Д2	Д3
Общее количество	29	27	37
Процент от общего количества пауз во всём монологе	33,33%	28,42%	27,61%
Общая длительность	22256 мс	10215 мс	21241 мс
Процент от общей длительности пауз во всём монологе	29,95%	17,98%	17,94%
Наименьшая средняя по длительности	68 мс	130 мс	97 мс
Наибольшая средняя по длительности	2101 мс	664 мс	1849 мс
Средняя длительность	767 мс	378 мс	574 мс
Коэффициент насыщенности всей речи данным типом пауз	0,114	0,041	0,08

Внутрисинтагменные хезитационные заполненные паузы (см. табл. 8) встретились только в речи Д2 и Д3, составив соответственно

5,26% и 0,75% от общего количества пауз. У Д2 данные паузы реализовались, в основном, после союзов или при конкретизации. У Д3 была зафиксирована только одна такая пауза – после повтора-хезитации. Приведём один из примеров: *Ещё я увлекаюсь #–#^{201мс} компьютерной техникой, вот.*

**Т а б л и ц а 8. Внутринтагменная хезитационная пауза
заполненного характера #[...]**

Характеристики	Д1	Д2	Д3
Общее количество	–	5	1
Процент от общего количества пауз во всём монологе	–	5,26%	0,75%
Общая длительность	–	2145 мс	200 мс
Процент от общей длительности пауз во всём монологе	–	3,78%	0,17%
Наименьшая средняя по длительности	–	468 мс	–
Наибольшая средняя по длительности	–	622 мс	–
Средняя длительность	–	536 мс	–
Коэффициент насыщенности всей речи данным типом пауз	–	0,009	0,001

Межфразовые интонационные паузы (см. табл. 9) были только незаполненными и составили 11,49% у Д1, 20% у Д2 и 14,93% у Д3 от общего количества пауз в их речи. Наличие чётко выраженной, довольно длительной паузы между фразами было обусловлено плавным переходом от одного микротематического единства к другому, последовательной сменной микротем внутри одного спонтанного монолога. Наблюдался довольно высокий коэффициент насыщенности речи таким видом паузы. Эти паузы были вторыми по частотности употребления в речи. Приведём типичный пример: *Ну, получалось, что-то не получалось. //^{613мс} Спорт #–#^{854мс} тоже разный был. //^{846мс}*

Межсинтагменные интонационные паузы (см. табл. 10), как и межфразовые интонационные, были только незаполненными. Они были использованы говорящими при интонации перечисления. Чаще всего эти паузы оказывались кратковременными. Процент от общего количества пауз во всём монологе составил 14,94% (Д1), 12,63% (Д2) и 14,93% (Д3). Их средняя частотность оказалась приблизительно такой же, как и у межфразовых интонационных пауз. Приведём типичный пример: *А в школе, это более, как бы, за тобой следят, //^{307мс} чтобы ты посещал там занятия, //^{93мс} следили за тобой, чтоб ты #–#^{450мс} не совершил глупостей и ещё каких-то ошибок. //^{1273мс}*

Т а б л и ц а 9. Межфразовая интонационная пауза //

Характеристики	Д1	Д2	Д3
Общее количество	10	19	20
Процент от общего количества пауз во всём монологе	11,49%	20%	14,93%
Общая длительность	7756 мс	16793 мс	18567 мс
Процент от общей длительности пауз во всём монологе	10,44%	29,56%	15,68%
Наименьшая средняя по длительности	480 мс	462 мс	616 мс
Наибольшая средняя по длительности	1079 мс	1460 мс	1483 мс
Средняя длительность	776 мс	884 мс	928 мс
Коэффициент насыщенности всей речи данным типом пауз	0,04	0,067	0,07

Т а б л и ц а 10. Межсинтагменная интонационная пауза /

Характеристики	Д1	Д2	Д3
Общее количество	13	12	20
Процент от общего количества пауз во всём монологе	14,94%	12,63%	14,93%
Общая длительность	3899 мс	5528 мс	12443 мс
Процент от общей длительности пауз во всём монологе	5,25%	9,73%	10,51%
Наименьшая средняя по длительности	72 мс	198 мс	328 мс
Наибольшая средняя по длительности	602 мс	778 мс	932 мс
Средняя длительность	300 мс	461 мс	622 мс
Коэффициент насыщенности всей речи данным типом пауз	0,02	0,022	0,047

Повтор-хезитация (см. табл. 11) представляет собой манифестацию так называемых речевых колебаний в спонтанной речи. Обнаруженные в процессе анализа речи дикторов повторы-хезитации отразили проблему недостатка времени для тщательного обдумывания говорящими каждого высказывания. Такому повтору оказалась свойственна любая позиция во фразе, за исключением абсолютного конца и начала. При повторе-хезитации обнаружилось обязательное наличие кратковременных незаполненных

пауз, которые составили 1,15% в речи Д1 и 2,24% в речи Д3. Коэффициент насыщенности речи повторами-хезитациями довольно мал. В речи Д2 такого подвида хезитационных пауз зафиксировано не было. Приведём пример: *Много #^{134 мс} узнаёшь нового, /-/^{1289 мс} интересного, действительно, что не.../ПХ/^{303 мс} не знаешь. //^{444 мс}*

Т а б л и ц а 11. Повтор-хезитация /ПХ/

Характеристики	Д1	Д2	Д3
Общее количество	1	–	3
Процент от общего количества пауз во всём монологе	1,15%	–	2,24%
Общая длительность	303 мс	–	1827 мс
Процент от общей длительности пауз во всём монологе	0,41%	–	1,54%
Наименьшая по длительности	–	–	379 мс
Наибольшая по длительности	–	–	874 мс
Средняя длительность	–	–	609 мс
Коэффициент насыщенности всей речи данным типом пауз	0,002	–	0,007

Случаи самокоррекции (см. табл. 12), наряду с повторами-хезитациями, явились самыми низкочастотными и встретились у двух из трёх дикторов. Некоторые случаи самокоррекции сопровождались перерывом в звучании, а некоторые – нет. Приведём пример: *А так уже ты дол.../СК/^{50 мс} ты обязан сам за собо... /СК/^{127 мс} себя контролировать, чтобы вовремя вставать, идти на пары. //^{680 мс}*

Слияние пауз (см. табл. 13) возникало в тех местах, где реализовывалась межфразовая интонационная незаполненная пауза, и после неё возникла межфразовая хезитационная (как заполненной, так и незаполненной характера), причём отделить одну паузу от другой не представлялось возможным ни по каким параметрам. У Д2 был отмечен единичный случай слияния межсинтагменной интонационной незаполненной и межсинтагменной хезитационной незаполненной. Коэффициент насыщенности речи дикторов данным феноменом довольно высок. Основываясь на восприятии записанной речи в целом, мы предполагаем, что данное слияние произошло из-за обдумывания дальнейшего адекватного способа воспроизведения мысли после чётко законченного высказывания, что, собственно, характерно для квазиспонтанной речи из-за её неподготовленности. Приведём типичный пример: *Через отца много машин прошло, поэтому, #^{274 мс} ну, как бы, #^{281 мс} во мне это село очень глубоко. // + //^{1738 мс} Мы с ним #^{369 мс} и собирали, и разбирали. // + //^{2819 мс}*

Т а б л и ц а 12. Самокоррекция /СК/

Характеристики	Д1	Д2	Д3
Общее количество	–	4	1
Процент от общего количества пауз во всём монологе	–	4,21%	0,75%
Общая длительность	–	1280 мс	89 мс
Процент от общей длительности пауз во всём монологе	–	2,25%	0,08%
Наименьшая средняя по длительности	–	242 мс	–
Наибольшая средняя по длительности	–	410 мс	–
Средняя длительность	–	320 мс	–
Коэффициент насыщенности всей речи данным типом пауз	–	0,005	0,0003

Т а б л и ц а 13. Слияние пауз

Характеристики	Д1	Д2	Д3
Общее количество	8	5	14
Процент от общего количества пауз во всём монологе	9,41%	5,26%	10,45%
Общая длительность	26383 мс	10822 мс	36526 мс
Процент от общей длительности пауз во всём монологе	35,5%	19,05%	30,86%
Наименьшая средняя по длительности	1687 мс	1821 мс	1628 мс
Наибольшая средняя по длительности	4931 мс	2440 мс	3824 мс
Средняя длительность	3298 мс	2164 мс	2609 мс
Коэффициент насыщенности всей речи данным типом пауз	0,135	0,043	0,138

7. Заключение

Таким образом, проведённое исследование позволило выделить различные виды пауз по четырём признакам: локализации, лингвистической значимости, наличию / отсутствию заполнителя и длительности. Выявленные виды пауз характеризовались разной частотностью. Самыми частотными оказались внутрисинтагменные хезитационные незаполненные и межфразовые и межсинтагменные интонационные паузы, наименьшей ча-

стотностью обладали межфразовые хезитационные незаполненные паузы, а также повторы-хезитации и случаи самокоррекции. В целом, хезитационные паузы встречались чаще интонационных, а незаполненные – чаще заполненных, за исключением межфразовых хезитационных заполненных пауз, встречаемость которых, в отличие от остальных заполненных пауз, носила не единичный характер. Отмечалась и вариативность, обусловленная дикторскими предпочтениями. Так, у ДЗ наблюдался очень высокий коэффициент насыщенности речи паузами, которые составили почти половину от общей длительности звучания его монолога. Помимо этого, Д2 употребил большее количество заполненных пауз по сравнению с двумя другими дикторами. Полученные данные о заполненных и незаполненных паузах в определённой степени сопоставимы полученными ранее Тэн Хай, который указал на наличие разных стратегий паузации – предпочтение заполненных либо незаполненных пауз разными дикторами [Тэн Хай, 2015].

Кроме того, были отмечены не единичные случаи слияния пауз у всех троих дикторов, по большей части межфразовой интонационной и межфразовой хезитационной. Их средняя длительность превышала 2 секунды.

Дальнейшее исследование будет предполагать расширение корпуса исследования для сведения к минимуму единичных реализаций пауз и более пристальное внимание к параметру длительности пауз на предмет его зависимости от вида пауз по локализации, лингвистической значимости и наличию / отсутствию заполнителя.

Список литературы

1. Антипова, А. М. Ритмическая система английской речи [Текст] / А. М. Антипова. – М. Высшая школа, 1984. – 120 с.
2. Блохина, Л. П. Специфика фонетической организации спонтанных текстов [Текст] / Л. П. Блохина // Звучащий текст. – М. : 1983. – С. 61–76.
3. Блохина, Л. П. Средства фонетического членения речевого потока в немецком и русском языках : учеб. пособие [Текст] / Л. П. Блохина, Р. К. Потапова. – М., 1986. – 115 с.
4. Бондаренко, Л. П. Пауза колебания и порождение речевого высказывания [Текст] / Л. П. Бондаренко // Экспериментально-фонетический анализ речи: Проблемы и методы. – Вып. 1. – Л. : 1984. – С. 158–166.
5. Бондаренко, Л. П. Смысловое членение спонтанного высказывания и восприятие пауз [Текст] / Л. П. Бондаренко // Фонетика и психология речи. – Иваново, 1981. – С. 42–51.
6. Вольская, Н. Б. О паузе и не только о ней [Текст] / Н. Б. Вольская // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л. Р. Зиндера : сб. статей [науч. ред. Л. Б. Бондарко]. – СПб. : Филологический университет СпбГУ, 2004. – С. 129–136.
7. Герд, А. С. Введение в этнолингвистику [Текст] / А. С. Герд. – 2-е изд. испр. и доп. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1995. – 92 с.
8. Герд, А. С. Введение в этнолингвистику : курс лекций и хрестоматия. [Текст] / А. С. Герд. – 2-е изд., испр. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 457 с.

9. Герд, А. С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» [Текст] / А. С. Герд // Русский язык сегодня. – Вып. 1. – М., 2001. – С. 45–52.
10. Дергачёва, Л. А. Стилистическое и звуковое своеобразие квазиспонтанной речи [Текст] / Л. А. Дергачёва // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2014. – № 2. – С. 201–208.
11. Ерофеева, Е. В. Экспериментальное исследование фонетики регионального варианта литературного языка: учеб. пособие [Текст] / Е. В. Ерофеева. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1997. – 140 с.
12. Зиндер, Л. Р. Общая фонетика [Текст] / Л. Р. Зиндер // Общая фонетика и избранные статьи. – СПб.: Филол. фак. С-Петербург. гос. ун-та; М.: Академия, 2007. – С. 7–354.
13. Леонтьева, Н. А. Коммуникативный подход к анализу текстовой просодии [Текст] / Н. А. Леонтьева // Фонетика устного текста [отв. ред. М. Вишневская]. – Иваново, 1987. – С. 91–96.
14. Милянчук, Н. Приморский региолект: слова, которые понимаем только мы [Электронный ресурс] / Н. Милянчук // PrimaMedia.ru. Режим доступа: <http://primamedia.ru/news/360069/>.
15. Оглезнева, Е. А. Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования [Текст] / Е. А. Оглезнева // Русский язык в научном освещении. – М., 2008. – № 2 (16). – С. 119–136.
16. Пайк, К. Американская интонация: парадигматика и синтагматика [Текст] / К. Пайк // Вопросы языкознания. – 1992. – № 1. – С. 8–23.
17. Пешковский, А. М. Интонация и грамматика [Текст] / А. М. Пешковский // Известия по русскому языку и словесности АН СССР – 1928. – Т. 1. – Кн. 2. – С. 458–476.
18. Потёмина, Т. А. О лингвистической значимости пауз в спонтанной монологической речи и чтении [Текст] / Т. А. Потёмина // Проблемы комплексного анализа языка и речи. – Л., 1982. – С. 179–187.
19. Потёмина, Т. А. Фонетические характеристики спонтанной монологической речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале немецкого языка): автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Л., 1983.
20. Рублева, О. Л. Топонимия Приморья: учеб. пособие [Текст] / О. Л. Рублёва. – Владивосток: Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2013. – 427 с.
21. Справочник предприятий Дальневосточного федерального округа России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dfo.spr.ru/map> (дата обращения 11.05.2016).
22. Тезекбаева, Г. А. Спонтанная речь как объект лингвистики [Текст] / Г. А. Тезекбаева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2011. – № 1. – С. 76–79.
23. Трубинский, В. И. Современные русские региолекты: приметы становления [Текст] / В. И. Трубинский // Псковские говоры и их окружение: межвуз. сб. науч. тр. – Псков, 1991. – С. 156–162.
24. Тэн Хай. Универсальные и типологические черты паузации в спонтанной речи носителей разных языков [Текст] / Тэн Хай // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – № 2. – С. 105–113.

25. Хорошева, Н. В. Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках [Текст] / Н. В. Хорошева // Вестник Пермского ун-а. Российская и зарубежная филология. – 2011. – Вып. 3 (15). – С. 33–34.
26. Шевченко, Т. И. Фонетика и фонология английского языка [Текст] / Т. И. Шевченко. – Дубна., Феникс+, 2011. – 256 с.
27. Boersma, P. (2016). Praat: Doing phonetics by computer (Version 5.4.15) [Computer Program] / P. Boersma, D. Weenink. – Retrieved April 7, 2016, from <<http://www.fon.hum.uva.nl/praat/>>.
28. Laver, J. Principles of phonetics [Text] / J. Laver. – Cambridge University Press, 1994. – 736 p.
29. Martin, J. G. On judging pauses in spontaneous speech [Text] / J. G. Martin // Journal of verbal learning and verbal behavior. – N.Y.; L., 1970. – V. 9. – № 1. – P. 75–78.

References

1. Antipova, A. M. (1984). *Ritmicheskaja sistema anglijskoj rechi* [Rhythmic pattern of English speech]. Moscow.
2. Blohina, L. P. (1983). Specifika foneticheskoy organizacii spontannyh tekstov [Phonetic peculiarities of spontaneous texts arrangement]. *Zvuchashhij tekst* [Oral text] (pp. 61–76). Moscow.
3. Blohina, L. P., Potapova, R. K. (1986). *Sredstva foneticheskogo chlenenija rechevogo potoka v nemeckom i russkom jazykah: ucheb. posobie* [Phonetic segmentation means of the speech flow in German and Russian: A Handbook]. Moscow.
4. Bondarenko, L. P. (1984). Pauza kolebanija i porozhdenie rechevogo vyskazyvanija [A hesitation pause in speech act production]. *Jeksperimental'no-foneticheskij analiz rechi: Problemy i metody* [Experimental Phonetic Analysis of speech: Problems and Methods] (Issue 1, pp. 158–166). Leningrad.
5. Bondarenko, L. P. (1981). Smyslovoe chlenenie spontannogo vyskazyvanija i vosprijatие paz [Semantic segmentation of spontaneous utterance and pauses perception]. *Fonetika i psihologija rechi* [Phonetics and Psychology of Speech] (pp. 42–51). Ivanovo.
6. Vol'skaja, N. B. (2004). O pauze i ne tol'ko o nej [About a pause and not only about it]. In L. B. Bondarko, *Foneticheskie chtenija v chest' 100-letija so dnja rozenija L. R. Zindera: sb. statej* [Phonetic Lectures devoted to 100 anniversary from the birth of L. R. Zinder: collection of articles] (pp. 129–136). St.-Petersburg: Philological Faculty.
7. Gerd, A. S. (1995). *Vvedenie v ehtnolingvistiku* [An introduction to ethnolinguistics]. 2nd enlarged and corrected edition. St.-Petersburg: St.-Petersburg University Press.
8. Gerd, A. S. (2005). *Vvedenie v ehtnolingvistiku. Uchebnik* [An introduction to ethnolinguistics. A handbook]. Corrected 3d edition. St.-Petersburg: St.-Petersburg University Press.
9. Gerd, A. S. (2001). Neskol'ko zamechanij kasatel'no ponjatija «dialekt» [A few notes concerning the notion of dialect]. *Russkij jazyk segodnja* [Russian Language Today] (Issue 1, pp. 45–52). Moscow.

10. Dergachjova, L. A. (2014). Stilisticheskoe i zvukovoe svoeobrazie kvazispontannoj rechi [Stylistic and phonetic peculiarities of quasi-spontaneous speech]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Filologija»* [Herald of Tver State University. Series «Philology»], 2, 201–208.
11. Erofeeva, E. V. (1997). *Jeksperimental'noe issledovanie fonetiki regional'nogo varianta literaturnogo jazyka : ucheb. posobie* [Experimental study of a literary language regional variety phonetic pattern]. Perm : Perm State University.
12. Zinder, L. R. (2007). Obshhaja fonetika [General phonetics]. In L. R. Zinder, *Obshhaja fonetika i izbrannye stat'i* [General phonetics and selected articles] (pp. 7–354). St.-Petersburg : Philological Faculty of St.-Petersburg State University, Moscow : Akademija.
13. Leont'eva, N. A. (1987). Kommunikativnyj podhod k analizu tekstovoj prosodii [Communicative approach to analyzing text prosody]. In M. Vishnevskaja, *Fonetika ustnogo teksta* [The phonetics of oral text] (pp. 91–96). Ivanovo.
14. Miljanchuk, N. Primorskij regiolekt: slova, kotorye ponimaem tol'ko my [Primorsky regional language variety: words that only we can understand]. *PrimaMedia.ru* [Electronic Resource]. Retrieved from <<http://primamedia.ru/news/360069/>>.
15. Oglezneva, E. A. (2008). Dal'nevostochnyj regiolekt russkogo jazyka: osobennosti formirovaniya [Far-Eastern variety of Russian: peculiarities of forming]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2 (16), 119–136.
16. Pike, K. (1992). Amerikanskaja intonacija: paradigmatika i sintagmatika [The intonation of American English: Paradigmatic and syntagmatic aspects]. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 1, 8–23.
17. Peshkovskij, A. M. (1928). Intonacija i grammatika [Intonation and grammar]. *Izvestija po russkomu jazyku i slovesnosti AN SSSR* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Russian Language and Literature], 1 (2), 458–476.
18. Potjomina, T. A. (1982). O lingvisticheskoj znachimosti pazv v spontannoj monologicheskoj rechi i chtenii [About linguistic importance of pauses in spontaneous monologue and reading]. *Problemy kompleksnogo analiza jazyka i rechi* [The Problems of Complex Analysis of Language and Speech] (pp. 179–187). Leningrad.
19. Potemina, T. A. (1983). *Foneticheskie harakteristiki spontannoj monologicheskoj rechi (jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale nemeckogo jazyka)* [Phonetic features of spontaneous monologue (Experimental phonetic study based on the German language)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. dis. Leningrad.
20. Rubleva, O. L. (2013). *Toponimija Primor'ja: ucheb. posobie* [Toponymy of Primorsky region : A Handbook]. Vladivostok : Far-Eastern Federal University Press.
21. Spravochnik predpriyatij Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga Rossii [A guide of enterprises of the Far-Eastern region of the Russian Federation]. Retrieved May 11, 2016, from <<http://www.dfo.spr.ru/map>>.
22. Tezekbaeva, G. A. (2011). Spontannaja rech' kak ob#ekt lingvistiki [Spontaneous speech as an object of linguistics]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo*

- universiteta. Serija: Filologija. Zhurnalistika* [Proceedings of Voronezh State University. Series Philology. Journalism], 1, 76–79.
23. Trubinskij, V. I. (1991). *Sovremennye russkie regiolety: primety stanovlenija* [Contemporary regional varieties of the Russian language: indications of their development]. *Pskovskie govory i ih okruzenie: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Pskov dialects and their surrounding: University selection of scientific papers] (pp. 156–162). Pskov.
24. Teng Hai. (2015). *Universal'nye i tipologicheskie cherty pauzarii v spontannoj rechi nositelej raznyh jazykov* [Universal and language-specific features of pauses in spontaneous speech of speakers of different languages]. *Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1 (2), 105–113.
25. Horosheva, N. V. (2011). *Regiolet kak promezhutochnyj idiom vo francuzskom i russkom jazykah* [Regional variety as a transitional idiom in French and Russian]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 3 (15), 33–34.
26. Shevchenko, T. I. (2011). *Fonetika i fonologija anglijskogo jazyka* [English phonetics and phonology]. Dubna : Fenix+.
27. Boersma, P., Weenink, D. (2016). *Praat: Doing phonetics by computer* (Version 5.4.15) [Computer Program]. Retrieved April 7, 2016, from <<http://www.fon.hum.uva.nl/praat/>>.
28. Laver, J. (1994). *Principles of phonetics*. Cambridge University Press.
29. Martin, J. G. (1970). On judging pauses in spontaneous speech. *Journal of verbal learning and verbal behavior*, 9 (1), 75–78.

УДК 81'34
UDC 81'34

Иванашко Юлия Петровна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Yulia P. Ivanashko
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: polia-80@mail.ru

К ВОПРОСУ О СИСТЕМНОМ СДВИГЕ ГЛАСНЫХ
БРИТАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
SOME SHIFTS IN THE SYSTEM OF BRITISH VOWELS

Аннотация

Настоящая статья посвящена изучению формантных характеристик британских монофтонгов, целью которого явилось получение современных объективных данных о их месте в системе гласных RP. В статье дана краткая информация об истории RP (стандартного британского варианта английского языка), описаны различные подходы к систематизации британских гласных. Представлены результаты инструментального анализа ударных монофтонгов, реализованных в британских политических речах. Полученные качественные значения гласных сравниваются с аналогичными результатами, представленными А. Круттенденом. Сопоставительный анализ реализаций монофтонгов выявил некоторые отличия, которые выражаются в степени открытости гласных и их продвижении по ряду вперёд/ назад, что, в свою очередь свидетельствует о сдвиге гласных в системе относительно друг друга.

Abstract

The article is focused upon formant structure of British monophthongs; the study is aimed at getting modern and objective data that would specify their place in RP vowels' classification. The article discusses some facts concerning RP history, different ways of British vowels classification. In the paper we present the results of instrumental analysis of stressed vowels of British political speeches. The results of the study are compared to the ones obtained by A. Cruttenden. Comparative analysis of monophthongs' formant structure shows certain differences in the degree of vowels' opening and their advancement / retraction that in their turn indicate the shift of vowels within the system.

Ключевые слова: система гласных британского варианта английского языка, ударные монофтонги, инструментальный анализ, средние значения формант (F1, F2).

Keywords: British vowel system, stressed monophthongs, instrumental study, mean formant values (F1, F2).

1. Введение

Язык – это отражение социально-экономического состояния страны, её политического строя, места на международной арене, научно-технического прогресса и многих других экстралингвистических факторов. С изменением одного или нескольких из них меняется и язык, причём эти перемены затрагивают все его уровни. Фонетический уровень не является исключением. Сравнивая ранние работы по фонетике английского языка с современными данными, можно наблюдать появление новых модификаций звуков, а иногда и изменение их фонологического статуса.

В настоящей статье изучаются формантные характеристики британских монофтонгов для получения современных объективных данных об их месте в системе гласных RP.

2. Из истории стандартного варианта британского произношения

Стандартным произношением британского варианта английского языка является RP (Received Pronunciation). История данного варианта произношения насчитывает чуть более 200 лет. Изначально RP являлся акцентом высших слоев лондонского общества и был признаком хороших манер, тонкого вкуса и безупречного образования. Этот акцент противопоставлялся другим британским акцентам (кокни, шотландскому, бирмингемскому, ирландскому и др.) и значительно отличался от них. В то время, как говорящие на Cockney вставляли звук /h/ во все слова, где его не должно было быть (*I broke my harm*), говорящие на RP этого ни в коем случае не делали. В то время, как провинциалы произносили /r/ после гласного /ɑ:/ (*car, bar*), представители высшего класса этого избегали [Cruttenden, 2003, p. 80].

Термин RP своим названием обязан известному британскому лексикографу Джону Уолкеру, который в 18 веке в одном из своих словарей дал новому варианту произношения следующую характеристику: «несмотря на то, что лондонское произношение во многом неправильно, оно, все же, бесспорно является самым лучшим по сравнению с произносительными вариантами других регионов; и лучшее оно не только благодаря тому, что звучит вежливо и учтиво и на нём говорят в столице, а потому, что является общепринятым (*generally received*)» [Crystal, 2014, p. 70].

В 19 веке RP получил ещё одно название – Queen's English или King's English (королевский английский). В конце того же века RP начал использоваться как официальный общепринятый термин, который был сформулирован пионером британской фонетики Александром Эллисом: «RP легко узнаваем в любых уголках нашей страны, этот вариант можно охарактеризовать как язык городского образованного класса, язык суда, проповеди». Позже он расширил определение, добавив к перечню сфер использования RP университеты и театры. Александр Эллис был первым лингвистом, употребившим термин Received Pronunciation в сокращённой форме (RP) [Crystal, 2014, p. 71].

С появлением телевидения в 30-х годах XX века, RP стал официальным языком BBC. По словам основателя телекомпании, лорда Рейта,

«телевидению был необходим единый язык образованных людей, понятный большинству». Так RP получил небывалую ранее популярность [Crystal, 2014, p. 72]. Этот же произносительный вариант лёг в основу всех учебников английского языка для иностранцев, тем самым перестав быть сугубо британским акцентом.

3. Система гласных стандартного британского варианта английского языка

Система гласных RP представлена 20 фонемами, из которых 12 – монофтонги и 8 – дифтонги. В целом, большинство исследователей, как отечественных, так и зарубежных, систематизируют британские гласные по признакам ряда и подъёма. Однако необходимо отметить, что и в этой классификации среди авторов возникают некоторые разногласия. Так, одни учёные (П. Бурлей, П. В. Дамия, К. Джонсон, Дж. Кларк, П. Ладефогед, Д. Одден, П. Роуч, Дж. Сети, П. Скандера, Дж. С. Уэллс, Д. А. Шахбагова, К. Яллоп) относят монофтонг /ʌ/ к гласным центрального ряда, в некоторых случаях характеризуя его как несколько отодвинутый назад (см. табл. 1) [Skandera, 2011, p. 35–36; Roach, 2005, p. 15; Wells, 1982, p. 132; Ladefoged, 2010, p. 91; Sethi, 2002, p. 75; Clark, 2000, p. 28; Odden, 2008], другие (Д. Джонс, А. Гимсон, А. Круттenden, Г. П. Торсуев) – к гласным заднего продвинутого вперёд ряда (см. табл. 2) [Jones, 1956; Cruttenden, 2003, p. 113; Торсуев, 1950, с. 97–98].

Т а б л и ц а 1. Система монофтонгов RP по Дж. С. Уэллсу и П. Роучу

Ряд	Передний		Центральный		Задний	
Подъём	долгий	краткий	долгий	краткий	долгий	краткий
Высокий	i:	ɪ			u:	ʊ
Средний		e	ɜ:	ə	ɔ:	
Низкий		æ		ʌ	ɑ:	ɒ

Разногласия среди авторов возникают и при фонологической трактовке гласного /ɑ:/. Подавляющее большинство современных исследователей рассматривает английскую фонему /ɑ:/ как гласный заднего ряда (см. табл. 1, 2). Однако ряд фонетистов считают, что данный монофтонг следует относить к центральному ряду (см. табл. 3) [Collins, 2003, p. 96; Nasr, 1997, p. 37; Odden, 2008].

В классификации гласных по степени открытости также отсутствует полная согласованность среди разных авторов. Например, фонемы /ɔ:/ и /ɔɪ/ относят как к гласным нижнего, так и среднего подъёма [Lewis, 1972].

Т а б л и ц а 2. Таблица английских гласных фонем по Г. П. Торсуеву

Ряд Подъём		Передний	Передний отодви- нутый	Централь- ный	Задний продви- нутый	Глубокий задний
Высокий	Узкая разновид- ность	i: iə				u:
	Широкая разновид- ность		ɪ		ʊ ʊə	
Средний	Узкая разновид- ность	e eɪ		ɜ:		
	Широкая разновид- ность	ɛə		ə əʊ	ʌ	
Низкий	Узкая разновид- ность					ɔ: ɒ
	Широкая разновид- ность	æ	aɪ			ɑ: ə, aʊ

Т а б л и ц а 3. Система гласных английского языка
(Б. Коллинз, И. Миз, Р. Т. Наср)

Подъём	Степень открытости	Передний ряд	Центральный ряд	Задний ряд
Высокий подъём	Закрытый	i:		u:
	Открытый	ɪ		ʊ
Средний подъём	Закрытый	eɪ	ə, ɜ:	oʊ
	Открытый	e	ʌ	ɒ
Низкий подъём	Закрытый	æ		ɔ:
	Открытый		ɑ:	

4. Эксперимент

4.1 Материал и методика исследования

Материалом для исследования послужили монологические речи троих политиков Великобритании – носителей орфоэпической нормы британского варианта английского языка: D1 – Дэвид Кэмерон, D2 – Тони Блэр, D3 – Гордон Браун. Выбор политических речей в качестве материала данного исследования неслучаен, так как им присуща правильность и стандартность произношения.

Для выявления акустических характеристик гласных данного исследования, был проведён инструментальный анализ, в ходе которого осуществлялось измерение значений F1 и F2 ударных монофтонгов в различных комбинаторно-позиционных условиях и последующее их приведение к средним значениям.

Сегментация звукозаписей, слуховой и инструментальный виды анализа гласных осуществлялись с использованием компьютерных программ PRAAT и Wave Assistant. В ходе исследования изучались осциллограммы и спектрограммы звуков.

4.2. Результаты эксперимента

В таблице 4 приведены средние значения комбинаторно-позиционных аллофонов гласных D1, D2, D3, полученные в результате инструментального исследования их речей, и данные о реализации монофтонгов в связной речи, представленные А. Круттеном в книге “Gimson’s pronunciation of English” [Cruttenden, 2003, p. 99].

Как можно видеть из таблицы 4, значения F1 большинства монофтонгов дикторов данного исследования ([ɪ], [i:], [e], [ʌ], [ɑ:], [ɔ:], [ʊ], [u:], [ɜ:]) выше значений, представленных в литературных источниках. Разница в значениях колеблется в пределах от 10 до 77 Гц. Это указывает на большую открытость этих гласных в речи D1, D2, D3 по сравнению с данными литературных источников.

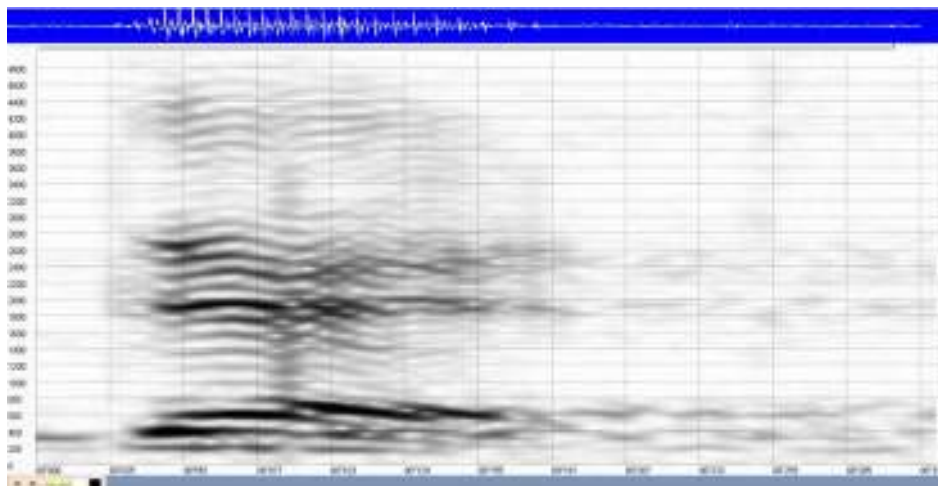
На рисунке 1 представлен пример реализации монофтонга [e]. На сонаграмме слова *debt*, гласный [e] находится в позиции после переднеязычного согласного /d/. F1 – 608 Гц, F2 – 1950 Гц. Очевидно, что гласный в данной позиции более открыт и продвинут вперёд по сравнению с усреднёнными формантными значениями гласного этого диктора (F1 – 548 Гц, F2 – 1672 Гц). F1 гласного [ɐ] оказалась несколько ниже значений, представленных в литературных источниках, что свидетельствует о более высоком подъёме этого гласного у D1–D3 (иными словами, о его более узком характере) [Иванашко, 2010; Иванашко, 2012]. На рисунке 2 представлена сонаграмма слова *Kosovo*, на которой монофтонг [ɒ] реализуется после заднеязычного [k]. F1 гласного составляет 608 Гц, F2 – 860 Гц.

Что касается значений F2 монофтонгов, то все гласные заднего ряда в речах D1–D3 (кроме [ʊ] и [u:]) реализовались как несколько более отодвинутые назад [Иванашко, 2010; Иванашко, 2012].

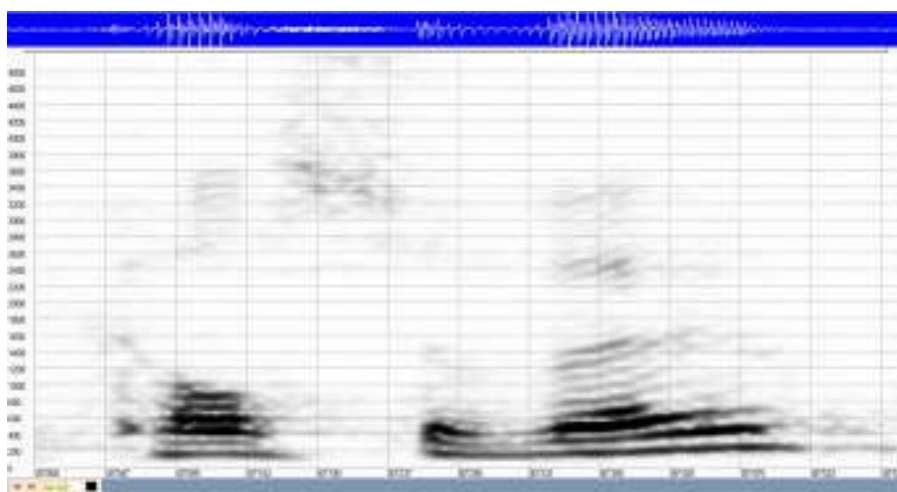
На рисунке 3 представлена сонаграмма слова *target*. Несмотря на то, что гласный находится в постпозиции к переднеязычному [t], который продвигает его вперёд, значение F2 монофтонга [a:] составляет 1075 Гц, что на 80 Гц ниже средних данных по этому гласному у А. Круттендена.

Т а б л и ц а 4. Средние значения F1 и F2 ударных монофтонгов

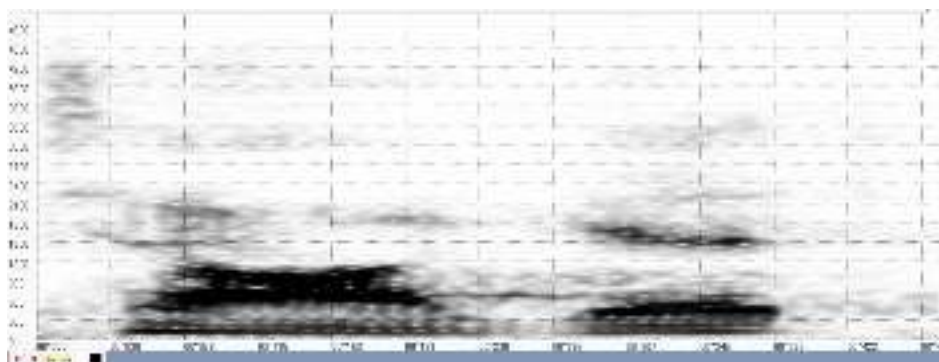
Моно-фтонг	Форманта	Средние значения комбинаторно-позиционных аллофонов гласных (D1, D2, D3)	Средние значения аллофонов по А. Круттендену
ɪ	F1	411	367
	F2	1867	1757
i:	F1	329	280
	F2	2222	2249
e	F1	548	494
	F2	1734	1650
æ	F1	690	690
	F2	1513	1550
ʌ	F1	649	644
	F2	1224	1259
ɑ:	F1	689	646
	F2	1127	1155
ɒ	F1	618	646
	F2	938	1047
ɔ:	F1	462	415
	F2	800	828
ʊ	F1	390	379
	F2	1210	1173
u:	F1	372	316
	F2	1256	1191
ɜ:	F1	546	478
	F2	1460	1436

Р и с у н о к 1. Реализация слова *debt* [det] – D2

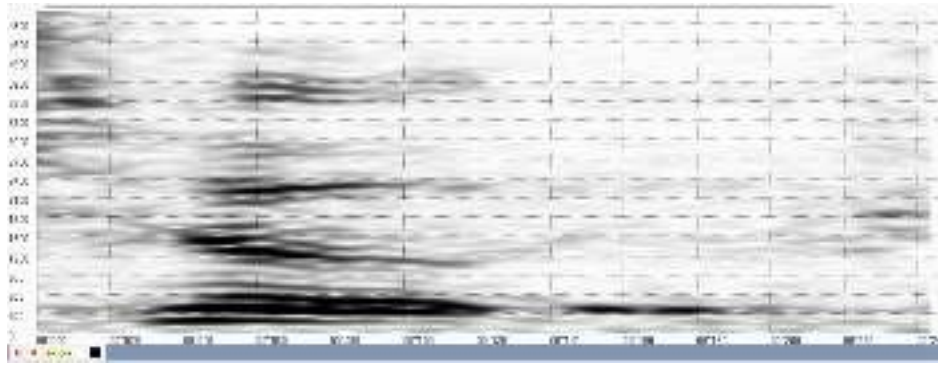

Р и с у н о к 2. Реализация слова *Kosovo* ['kɒsəvə] – D1

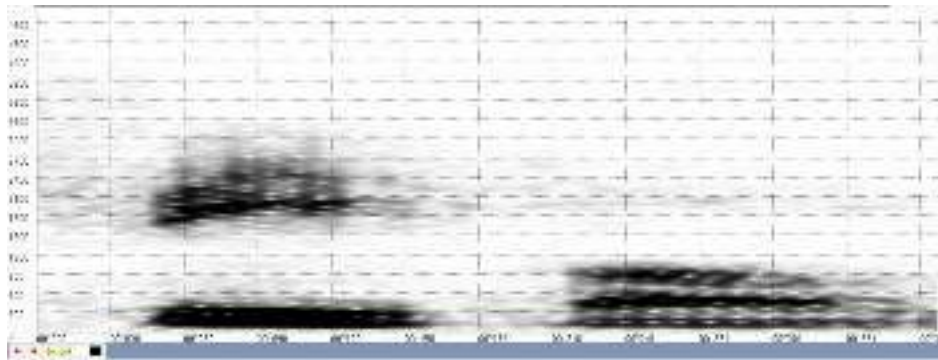
Р и с у н о к 3. Реализация слова *target* ['tɑ:ɡɪt] – D1

Гласные [ʊ] и [u:], напротив, реализовались как более продвинутые вперёд (см. рис. 4). Важно отметить, что такая тенденция наблюдалась во всех комбинаторно-позиционных условиях.

Р и с у н о к 4. Реализация слова **took** ['tʊk], F2 – 1290 Гц (D2)

Гласные переднего ряда [i:] и [æ], занимающие наиболее крайние позиции на схеме артикуляционной трапеции, в речах дикторов исследования практически во всех комбинаторно-позиционных условиях оказались несколько отодвинутыми по ряду назад (ср. рис. 5 и табл. 4) [Иванашко, 2010; Иванашко, 2012].

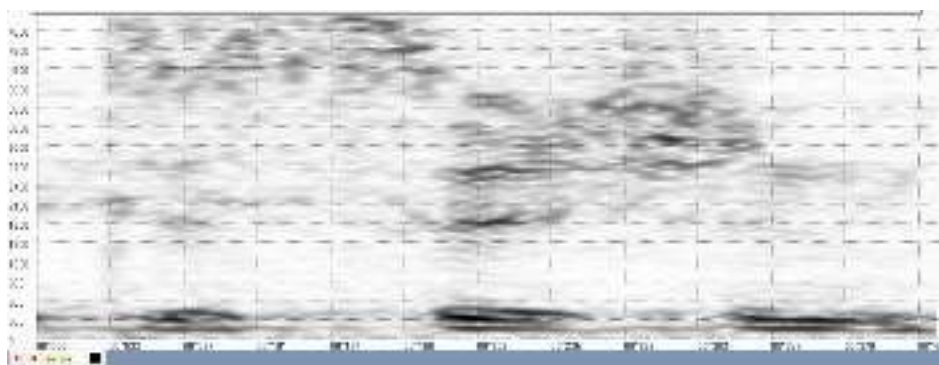

Р и с у н о к 5. Реализация слова **people** ['pi:pl], F2 – 2010 Гц (D3)

Аллофоны фонем /i/ и /e/ оказались значительно более продвинутыми по ряду вперед (1867 Гц и 1734 Гц соответственно) по сравнению с аналогичными гласными, представленными в литературных источниках (1757 Гц и 1650 Гц) (см. рис. 6).

На сонаграмме слова *England* значение второй форманты гласного [ɪ] составляет 2250 Гц, что характеризует данный монофонг как более продвинутый гласный по сравнению с данными А. Круттендена (см. табл. 4).

У основных аллофонов гласной фонемы центрального ряда /ɜ:/ было отмечено повышение частоты F2 (1516 Гц), а у комбинаторных, напротив, её понижение (1406 Гц). По данным наших более ранних исследований, в целом аллофоны данной фонемы оказались наиболее продвинутыми вперёд по сравнению с аналогичными, представленными А. Круттенденом [Иванашко, 2010; Иванашко, 2012].

Р и с у н о к 6. Реализация слова decision [dɪ'sɪʒn] (D2)

5. Выводы

При сопоставлении значений F1 монофтонгов, сегментированных из исследуемых аудиотекстов, с данными научной литературы о значениях этой форманты, в подавляющем большинстве случаев была выявлена большая степень открытости первых. При этом более высокие значения F1 были отмечены, в основном, у гласных, расположенных в позиции наименьшего коартикуляторного воздействия.

В ходе анализа значений F2 гласных в речах всех дикторов было выявлено некоторое их повышение у монофтонгов переднего (кроме /æ/) и центрального ряда, что свидетельствует о большем продвижении этих гласных вперёд по сравнению с монофтонгами, представленными в литературных данных. Значения F2 подавляющего большинства гласных заднего ряда в исследуемых материалах (кроме /ʊ/ и /u:/), напротив, оказались ниже, чем в данных А. Круттендена, что характеризует указанные монофтонги, как отодвинутые назад.

Формантные характеристики гласных, полученные в ходе инструментального анализа, показывают, что в нескольких случаях монофтонги в речи D1, D2, D3 значительно отличаются от своих аналогов, представленных в литературных данных, по таким дифференциальным признакам, как ряд и подъём. Так, монофтонг /u:/ в материале исследования реализовался как гласный заднего продвинутого вперёд ряда (значение F2 этого гласного сопоставимо с данными аналогичных формант монофтонга /ʊ/, являющегося представителем именно этого ряда). Аллофоны фонемы /ʌ/ можно однозначно охарактеризовать как гласные заднего продвинутого вперёд ряда низкого подъёма. При этом, интересно отметить, что в материалах исследования этот звук оказался даже менее продвинут вперёд, чем /u:/. Монофтонг /ɑ:/ во всех комбинаторно-позиционных условиях реализовался в речи D1, D2, D3 как гласный глубокого заднего ряда.

Таким образом, можно вести речь о наличии определённого системного сдвига: положение гласных по ряду и подъёму относительно друг друга меняется, что свидетельствует о неустойчивости в британском

стандартном произношении, которую отмечают лингвисты (см., напр. [Безбородова, 2015; Медведева, 2015; Шевченко, 2015]). Данный процесс требует дальнейшего наблюдения и тщательной фиксации.

Список литературы

1. Безбородова, М. В. Estuary English в речи молодых образованных носителей британского варианта английского языка [Текст] / М. В. Безбородова // Вестник МГЛУ. – 2015. – Вып. 1 (712). – С. 9–17.
2. Иванашко, Ю. П. Контрастивное исследование акустических коррелятов гласных и согласных в спонтанной и подготовленной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале британского варианта английского языка) [Текст] / Ю. П. Иванашко, Е. Г. Мусаева // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – Вып. 47. – № 2 (256). – Челябинск, 2012. – С. 27–29.
3. Иванашко, Ю. П. Реализация аллофонов гласных в ударных слогах в британском политическом дискурсе [Текст] / Ю. П. Иванашко // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – Вып. 47. – № 29 (210). – Челябинск, 2010. – С. 65–70.
4. Медведева, Т. В. О типах и причинах звуковых изменений [Текст] / Т. В. Медведева // Вестник МГЛУ. – 2015. – Вып. 1 (712). – С. 143–152.
5. Торсуев, Г. П. Фонетика английского языка [Текст] / Г. П. Торсуев. – М. : Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1950. – 331 с.
6. Шевченко, Т. И. Социальный контекст и вариативность английского произношения [Текст] / Т. И. Шевченко // Вестник МГЛУ. – 2015. – Вып. 1 (712). – С. 241–254.
7. Clark, J. An introduction to phonetics and phonology [Text] / J. Clark, C. Yallop. – Blackwell Publishers Ltd., 2000. – 473 p.
8. Collins, B. Practical Phonetics and Phonology [Text] / B. Collins, I. Mees. – London : Routledge, 2003. – 267 p.
9. Cruttenden, A. Gimson's Pronunciation of English [Text] / A. Cruttenden. – Edward Arnold (Publishers) Limited, 2003. – 348 p.
10. Crystal, B., Crystal, D. You say potato. A book about accents [Text] / B. Crystal, D. Crystal. – Macmillan, 2014. – 248 p.
11. Jones, D. An outline of English phonetics [Text] / D. Jones. – 8th edition, revised enlarged and re-set. – Cambridge : W. Heffer and Sons Ltd., 1956. – 317 p.
12. Ladefoged, P. A course in phonetics [Text] : 6th edition / P. Ladefoged, K. Johnson. – Cengage Learning, 2010. – 322 p.
13. Lewis, J. W. A concise pronouncing dictionary of British and American English [Text] / J. W. Lewis. – Oxford University Press, 1972. – 254 p.
14. Nasr, R. T. Applies English phonology for ESL/EFL teachers [Text] / R. T. Nasr. – Lanham, ML : University press of America Inc., 1997. – 124 p.
15. Odden, D. Introducing Phonology [Text] / D. Odden. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 348 p.
16. Roach, P. English Phonetics and Phonology : A Practical Course [Text] / P. Roach. – 2nd ed. – Cambridge University Press, 2005. – 267 p.

17. Sethi, J. A course in phonetics and spoken English [Text] / J. Sethi, P. V. Dhamija. – New Delhi : PHI Learning, 2002. – 232 p.
18. Skandera, P. A manual of English phonetics and phonology [Text] / P. Skandera, P. Burleigh. – 2nd ed. – Gunter Narr Verlag, 2011. – 169 p.
19. Wells, J. C. Accents of English [Text] / J. C. Wells. – London : University College, 1982. – 300 p.

References

1. Bezborodova, M. V. (2015). [Estuary English features in the speech of young educated Britons]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Linguistics and Literary studies*, 1 (712), 9–17.
2. Ivanashko, Y. P. (2012). Kontrastivnoye issledovanie akusticheskikh korrelyatov glasnikh i soglasnikh v spontannoy i podgotovlennoy rechi (eksperimental'no-phoneticheskoye issledovanie na materiale britanskogo varianta angliyskogo yazika) [Contrastive study of vowel and consonant acoustic correlates in spontaneous and prepared speech (Based on British English)]. *Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology Sciences. Art Studies], 47, 2 (256), 27–29.
3. Ivanashko, Y. P. (2010). Realizatsiya allofonov glasnikh v udarnikh slogakh v britanskom politicheskom discurse [Stressed vowel allophonic variation pattern in British political discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology Sciences. Art Studies], 47, 29 (210), 65–70.
4. Medvedeva, T. V. O tipah i prichinah zvukovyh izmenenij [Types and causes of sound change]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Linguistics and Literary studies*, 1 (712), 143–152.
5. Torsuev, G. P. (1950). *Phonetika angliyskogo yazika* [English phonetics]. Moscow : Foreign Literature.
6. Shevchenko, T. I. (2015). Sotsial'nyj kontekst i variativnost' angliyskogo proiznosheniya [Social context and English accents variation]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Linguistics and Literary studies*, 1 (712), 241–254.
7. Clark, J., Yallop C. (2000). *An introduction to phonetics and phonology*. Blackwell Publishers Ltd.
8. Collins, B., Mees I. (2003). *Practical Phonetics and Phonology*. London : Routledge.
9. Cruttenden, A. (2003). *Gimson's Pronunciation of English*. Edward Arnold (Publishers) Limited.
10. Crystal, B., Crystal, D. (2014). *You say potato. A book about accents*. Macmillan.
11. Jones, D. (1956). *An outline of English phonetics*. 8th edition, revised enlarged and re-set. Cambridge : W. Heffer and Sons Ltd.
12. Ladefoged, P., Johnson K. (2010). *A course in phonetics*. 6th edition. Cengage Learning.
13. Lewis, J. W. (1972). *A concise pronouncing dictionary of British and American English*. Oxford University Press

14. Nasr, R. T. (1997). *Applies English phonology for ESL/EFL teachers*. Lanham, ML : University press of America Inc.
15. Odden, D. (2008). *Introducing Phonology*. Cambridge : Cambridge University Press.
16. Roach, P. (2005). *English Phonetics and Phonology : A Practical Course*. 2nd ed. Cambridge University Press.
17. Sethi, J., Dhamija, P. V. (2002). *A course in phonetics and spoken English*. New Delhi : PHI Learning.
18. Skandera, P., Burleigh P. (2011). *A manual of English phonetics and phonology*. 2nd ed. Gunter Narr Verlag.
19. Wells, J. C. (1982). *Accents of English*. London : University College.

УДК 81'373.46

UDC 81'373.46

Клепиковская Наталья Владимировна

Северный арктический федеральный университет им. М. В. Ломоносова

г. Северодвинск, Российская Федерация

Natalia V. Klepikovskaya

Northern Arctic Federal University after M. V. Lomonosov

Severodvinsk, Russian Federation

e-mail: ddiamond-71@yandex.ru

**К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКАХ
ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕРМИНА
TO THE QUESTION OF STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES
OF TECHNICAL TERM**

Аннотация

Статья посвящена определению термина «сварочное производство» и выявлению его основных системных и структурно-семантических признаков. Особенно подчеркивается двойственная природа технического термина, что позволяет трактовать его как единицу общего языка, но номинирующую специальное понятие сварки. Анализ терминологических элементов, выступающих в префиксальной и суффиксальной функциях и используемых для образования терминов сварочного производства, показывает, что максимальной продуктивностью по сравнению с прочими аффиксами обладают префиксы *un-*, *re-*, *in-*, *over-* и *dis-*, а также суффиксы *-ing*, *-ion*, *-er*, являющиеся как исконными, так и заимствованными. Анализ терминов сварочного производства позволяет сделать вывод о том, что самым продуктивным способом образования терминотворческих сочетаний является модель A+S, где в качестве атрибутивного компонента (A) выступают имена существительные (в том числе и имена собственные), прилагательные, причастия. Сварочные термины обладают системностью, характеризуются специализированностью, содержательной точностью, однозначностью в своём подавляющем большинстве и стилистической нейтральностью.

Abstract

The present article aims at defining the term «welding» and revealing its basic systematic, structural and semantic features. The dual nature of technical term is brought into focus. It allows to regard the term as a unit of general language but nominating a special welding concept. The analysis of term elements performing the functions of prefixes and suffixes to form the terms of welding production demonstrates maximal productivity of both native and borrowed prefixes *un-*, *re-*, *in-*, *over-* and *dis-* and suffixes *-ing*, *-ion*, *-er* compared to other affixes. The analysis of terms of welding production enables to conclude that A+S model with nouns (including proper ones), adjectives, and participles functioning as the attributive component (A) is the most productive model for terminological word groups forming. Welding terms are systematic, specific, precise, unambiguous for most part, and stylistically neutral.

Ключевые слова: терминология, технический термин, признаки термина, сварочное производство.

Keywords: terminology, technical term, term features, welding.

Терминология каждой отрасли научно-технического знания представляет собой совокупность языковых единиц, номинирующих объекты и явления этой области. Технический термин – единица специальной номинации, входящая в состав терминологического массива, обслуживающего конкретную область научно-технического знания. Технический термин сварочного производства – лексическая единица языка (в данном случае – английского), которая номинирует научное специальное понятие и употребляется в области сварочного производства.

В данной статье рассматривается технический термин, входящий в состав терминологии сварочного производства, а также определяются его системные и структурно-семантические признаки и свойства.

Долгое время одной из актуальных проблем современного терминоведения оставалась задача определения места термина в языковой системе. Исследования лингвистического статуса термина определяют его двойственную системность как один из его основных признаков. Рассматриваемый технический термин принадлежит, прежде всего, системе общего английского языка, но он также является и элементом терминологической системы данной отрасли технического знания, поэтому его необходимо изучать в системе понятий сварочного производства. Подобная терминологическая системность основывается на понятийной и структурной организации терминосистемы.

Понятийная системность обнаруживается в соотношении сварочного термина со специальным понятием. Термин невозможно рассматривать изолированно, поскольку он через свою семантику оказывается тесно связанным со всей терминосистемой [Литовченко, 2006, с. 185].

Системность технического термина реализуется в том, что каждый сварочный термин соотносится с определённым понятием в области сварки и занимает своё строго обозначенное место среди других терминов терминологической системы. Данный тип системности находит своё проявление, прежде всего, в существовании гипо-гиперонимических отношений внутри терминосистемы, а также реализуется на морфологическом уровне, о чём свидетельствует регулярность в употреблении тех или иных словообразовательных средств [Иванов, 2004, с. 105].

Все микротерминосистемы в макротерминосистеме сварочного производства организованы по иерархическому принципу и отражают родовидовые отношения между понятиями, характеризующими предметы и явления действительности. Термины каждой микротерминосистемы объединены одним родовым понятием, которое отражено в названии группы. При этом родовидовые связи выражаются терминами-словосочетаниями. В ряду таких словосочетаний постоянная (общая) их часть выражает

родовую принадлежность (гипероним), а изменяемые части обладают уточняющей, ограничивающей функцией и выражают более узкие по своей семантике видовые понятия (гипонимы). Приведём ряд примеров:

buttered joint ‘соединение с предварительной наплавкой промежуточного металла на свариваемые кромки’, *double joint* ‘соединение с двумя швами’, *T-joint* ‘Т-образное угловое соединение’, *tie-in joint* ‘захлестный стык’, *plug joint* ‘заклёпочное соединение’, *double full-fillet lap joint* ‘соединение внахлестку с двухсторонней приваркой’, *double-beveled joint* ‘стыковое соединение с двухсторонним скосом кромок’, *but-welded joint* ‘стыковое сварное соединение’;

austenitic seam ‘аустенитный шов’, *double-flanged seam* ‘шов с отбортовкой двух кромок’, *fillet seam* ‘угловой шов’, *V closing seam* ‘V-образный сварной шов с одним скосом’, *girth seam* ‘кольцевой шов’, *side seam* ‘горизонтальный шов’, *staggered seam* ‘шахматный шов’, *strap seam* ‘шов с накладкой’, *flanged seam* ‘шов с отбортовкой’;

friction stir welding ‘перемешивающая сварка трением’, *furnace butt welding* ‘печная сварка встык’, *heat welding* ‘термическая сварка’, *line welding* ‘прямошовная сварка’, *manual arc welding* ‘ручная электродуговая сварка’, *narrow gap welding* ‘сварка в узкий зазор’, *orbital friction welding* ‘орбитальная сварка трением’, *oxy-fuel gas welding* ‘газопламенная кислородная сварка’, *seam welding* ‘шовная сварка’, *socket welding* ‘сварка внахлест’, *taper welding* ‘сварка внахлест’.

Анализ приведённых выше примеров терминологических словосочетаний показывает, что термины *joint*, *seam* и *welding*, входящие в состав словосочетаний, являются родовыми понятиями (гиперонимами) по отношению к терминам с более конкретной семантикой, выраженным сочетанием атрибутива и родового термина; приведённые примеры терминоточечных сочетаний представляют собой видовые понятия (гипонимы).

Л. Л. Кутина отмечает, что «действие словообразовательных связей характеризуется двоякой направленностью: группировкой слов в словообразовательные гнезда (объединяющим моментом здесь является тождество корневой морфемы) и группировкой слов в словообразовательные категории и типы, на основе общности аффиксов» [Кутина, 1970, с. 91]. Например, в терминах *precoating* ‘предварительное покрытие’, *precooler* ‘холодильник предварительного охлаждения’ и *precompression* ‘предварительное сжатие’ присутствует общий префикс *pre-*, который позволяет объединить данные терминологические единицы сварочного производства в словообразовательную категорию или тип. В свою очередь, наличие общей корневой морфемы в терминах *welder* ‘сварщик’, *weldable* ‘поддающийся сварке’, *welded* ‘сварной, сварочный’, *welding* ‘сварка’ позволяет объединить данные единицы в одно словообразовательное гнездо.

Структурно-языковую системность термина обеспечивает активное использование терминологических элементов, которые, с точки зрения большинства исследователей, считаются минимальными структурно-семантическими элементами термина.

Термины, обслуживающие сварочное производство, оказываются систематичными на морфологическом уровне, что подтверждается анализом морфемной структуры терминологии. Количественный анализ терминологических элементов, выступающих в префиксальной и суффиксальной функциях и используемых для образования терминов сварочного производства, показывает, что максимальной продуктивностью по сравнению с прочими аффиксами обладают префиксы *un-*, *re-*, *in-*, *over-* и *dis-*, а также суффиксы *-ing*, *-ion*, *-er*, являющиеся по своей этимологии как исконными, так и заимствованными.

Константность или стабильность словообразовательных моделей, по которым образованы термины, также можно рассматривать как один из структурных признаков термина. Под данным признаком понимается, прежде всего, наличие в терминологии постоянных моделей, по которым могут быть образованы термины. «Структурная модель термина способна передать грамматическую структуру соответствующего термина. Она указывает на части речи, к которым принадлежат компоненты термина, на морфемный состав компонентов, на порядок их расположения в термине» [Кияк, 1989, с. 48].

Анализ терминов сварочного производства позволяет сделать вывод о том, что самым продуктивным способом образования терминоточетаний является модель A+S, где в качестве атрибутивного компонента (A) выступают имена существительные (в том числе и имена собственные), прилагательные, причастия. Например, *dovetail joint* ‘соединение в ласточкин хвост’, *elbow pipe* ‘колесо трубы’, *Laval nozzle* ‘сопло Лаваля’, *cutter head* ‘режущая головка’, *mushroom head* ‘грибовидная закладная головка’, *piston cup* ‘юбка поршня’, *umbrella hood* ‘кожух зонтичного типа’, *independent pump* ‘автономный насос’, *idle current* ‘ток холостого хода’, *movable guard* ‘съемный кожух’, *live spindle* ‘вращающийся шпиндель’, *magnetic bridge* ‘мост для измерения магнитной проницаемости’, *breaking arc* ‘дуга при размыкании’, *forked end* ‘вилкообразная головка’, *melting pot* ‘плавильник, тигель’, *welding gun* ‘сварочный пистолет’.

Системность технического термина сварочного производства, являющаяся его важнейшим признаком, позволяет рассматривать термин во взаимосвязи с другими элементами системы и определить его место в данной системе. Изучение морфемно-синтаксического состава термина выявляет способность последнего именовать специальное понятие посредством слова или словосочетания, особенности структуры терминологического знака, состоящей в вычленении терминологического элемента, и наличие постоянных моделей терминологического образования.

Изучение семантических особенностей терминов занимает одно из важнейших мест в теории терминоведения. По признанию большинства исследователей, многие особенности семантики термина не носят абсолютного характера, являясь, скорее, его идеальными характеристиками, и, следовательно, должны быть, причислены к числу требований, предъявляемых к терминологической единице.

К базовым семантическим признакам технического термина сварочного производства следует отнести его содержательную системность, то есть соотнесение значения терминологической единицы с семантикой других терминов, входящих в состав данной терминосистемы. «Нет и не может быть понятия (а, следовательно, и обозначающего его термина), которое бы не было системно связано с другими понятиями данной предметной области, и, следовательно, каждый термин существует лишь как член определенной системы терминов» [Авербух, 1986, с. 46]. Анализ понятийной структуры единиц специальной номинации, применяемых в области сварочного производства, и связей, существующих между понятиями, показывает, что сварочные термины обладают системностью, поскольку соотносятся со специальными понятиями, занимающими строго установленное место в данной системе специальных понятий.

Специализированность рассматриваемого технического термина можно трактовать как соотнесённость с конкретной областью знаний, в данном случае речь идёт о соотнесённости с отраслью сварочного производства. Приписывая термину такую функциональную особенность, как обозначение специального профессионального понятия, терминологи признают тем самым в семантике термина наличие специального компонента, эксплицирующего специализированность значения терминологической единицы и составляющего основную специфику его содержательной структуры [Винокур, 1939, с. 3]. Именно этот признак и позволяет отграничить термин от нетермина: если нетермин соотносится с общеизвестным объектом, то сварочный термин – с объектом специфическим, известным только в кругу специалистов-сварщиков.

Сварочный термин характеризуется содержательной точностью, что предполагает чёткость и строгость его значения. Этот признак реализуется в дефиниции термина. Термин может считаться точным, если он соотнесён с дефиницией, по которой, в свою очередь, может быть однозначно восстановлен и сам термин. С учётом того, что значительная часть терминов образуется на основе слов общеупотребительного языка, дефиниция будет являться неотъемлемым признаком, при помощи которого термины нормируются и унифицируются. Как показывает наблюдение за материалом терминологических словарей, подавляющее большинство терминов сварочного производства обладает дефиницией, что позволяет говорить о содержательной точности терминологических единиц данной отрасли.

Дефинируемость обуславливает такие свойства технического термина как однозначность и независимость от контекста. Д. С. Лотте был одним из первых, кто указал на целый ряд недостатков, свойственных терминосистемам, и назвал основные требования, которым должен удовлетворять термин: однозначность, точность, систематичность, краткость, простота, отсутствие синонимов и другие. Самыми существенными недостатками он считал многозначность термина и наличие у него синонимов. Он утверждал, что любой термин должен обязательно иметь фиксированное содержание, независимое от контекста [Лотте, 1961, с. 15–16]. Однако следует

отметить, что уже давно эти требования подвергаются критике со стороны исследователей терминологии, показывающих в своих работах, что данные требования к термину довольно противоречивы и с трудом выполняются в реальных терминосистемах.

Специфика и важнейшая характеристика технического термина видится, прежде всего, в однозначности и отсутствии у него синонимов и омонимов, свойственных общеязыковым лексическим единицам. С другой точки зрения, основные признаки термина – только тенденция в их развитии или их желательные качества, которые в реальности никогда полностью не реализуются. На самом деле “реальные” термины могут быть многозначными, им может быть свойственна и полисемия, и синонимия, и омонимия [Комарова, 1991, с. 25]. Отсюда попытки исследовать термин с позиций двух подходов, по-разному трактующих его сущность и наделяющих его различным набором отличительных особенностей, – нормативный и дескриптивный подходы.

Кроме этих подходов (нормативного и дескриптивного), можно выделить третью точку зрения, в соответствии с которой говорят об относительной однозначности, то есть однозначности термина в пределах одной терминологии, поскольку принцип однозначности никогда не достигается в терминосистеме в целом [Денисов, 1965, с. 11]. В рамках этого подхода утверждается, что термин стремится к однозначности, но только лишь в пределах одной терминосистемы, в целом же полисемия может являться одним из качественных состояний, присущих термину.

Существование у термина относительной однозначности связывается с понятием терминологического поля, под которым понимается «своеобразная область существования термина, внутри которой он обладает всеми характеризующими его признаками, область, искусственно очерченная и специально охраняемая от посторонних проникновений». Свою однозначность термин манифестирует только внутри своего терминологического поля [Суперанская et al., 1989, с. 110].

Обращение к техническим терминам, зафиксированным в терминологических словарях и употребляющимся в научно-теоретических и прикладных работах, позволяет сделать вывод о том, что терминам, номилирующим понятия сварочной отрасли знания, в известной степени присуще нарушение принципа изоморфизма, постулирующего однозначные отношения между знаком и значением. Однако подавляющее большинство технических терминов сварочного производства подчиняется закону «один знак – одно содержание».

Стилистическая нейтральность термина предполагает отсутствие у него признака эмоциональности. Термин как знак, именуемый научное понятие, не должен вызывать никаких дополнительных ассоциаций. А. И. Моисеев полагает отсутствие эмоционального компонента в структуре значения термина следствием номинативности последнего. Главная функция термина – только называть предмет, нести о нём соответствующую информацию. Термин не даёт никаких дополнительных характеристик, не показывает отношения к предмету. Эмоционально-стилистическая

окрашенность термина проявляется лишь, когда он употребляется вне своей профессиональной сферы, за пределами научного текста, а также на этапе своего формирования [Моисеев, 1970, с. 138].

Подводя итоги анализа основных признаков технического термина сварочного производства в сфере его семантики, необходимо заметить, что, с одной стороны, моносемантичность и стилистическая нейтральность могут быть признаны качественными характеристиками, присущими термину, с другой стороны, термин оказывается лишён этих признаков, поскольку перечисленные выше признаки носят «эталонный» характер и реализуются, как правило, только у терминов, входящих в конвенционально признанную базовую терминологию соответствующей научной или технической отрасли, существующую достаточно длительное время и понимаемую пользователями однозначно.

Список литературы

1. Авербух, К. Я. Терминологическая вариантность [Текст] / К. Я. Авербух // Вопросы языкознания. – 1986. – № 6. – С. 38–50.
2. Винокур, Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии [Текст] / Г. О. Винокур // Труды Московского института истории, философии и литературы: сб. статей по языковедению. – М., 1939. – Т. V. – С. 3–54.
3. Денисов, П. Н. Некоторые лингвистические аспекты терминологии [Текст] П. Н. Денисов // Русский язык в школе. – 1965. № 6. – С. 10–15.
4. Иванов, А. В. Метаязык фонетики и метрики: монография [Текст] / А. В. Иванов. – Архангельск: Поморский гос. Ун-т, 2004. – 342 с.
5. Кияк, Т. Р. Лингвистические аспекты терминоведения [Текст] / Т. Р. Кияк. – Киев, 1989. – 103 с.
6. Комарова, З. И. Семантическая структура специального слова и её лексикографическое описание [Текст] / З. И. Комарова. – Свердловск, 1991. – 155 с.
7. Кутина, Л. Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем [Текст] / Л. Л. Кутина // Лингвистические проблемы научно-технических терминологий. – М.: Наука, 1970. – С. 82–94.
8. Литовченко, В. И. Семантические особенности термина [Текст] / В. И. Литовченко // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева. – 2006. – № 2. – С. 185–186.
9. Лотте, Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики [Текст] / Д. С. Лотте. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 159 с.
10. Моисеев, А. И. О языковой природе термина [Текст] / А. И. Моисеев // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 127–138.
11. Суперанская, А. В. Общая терминология: Вопросы теории [Текст] / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – М.: Наука, 1989. – 246 с.

References

1. Averbukh, K. Y. (1986). Terminologicheskaja variativnost' [Terminology variation]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 6, 38–50.
2. Vinokur, G. O. (1939). O nekotoryh javlenijah slovoobrazovanija v russkoi tehničeskoi terminologii [About some phenomenon of word-formation in Russian technical terminology]. *Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury: sb. statei po jazykovedeniju* [Writings of Moscow History, Philosophy and Literature Institute: Collection of articles on Linguistics]. Moscow, 5, 3–54.
3. Denisov, P. N. (1965). Nekotoryje lingvističeskije aspekty terminologii [Some linguistic aspects of terminology]. *Russkij jazyk v shkole* [Russian Language at school], 6, 10–15.
4. Ivanov, A. V. (2004). *Metajazyk fonetiki i metriki* [Metalanguage of phonetics and metrics]. Arkhangelsk : Pomor State University.
5. Kiyak, T. R. (1989). *Lingvističeskije aspekty terminoveenija* [Linguistic aspects of terminology]. Kiev.
6. Komarova, Z. I. (1991). *Semantičeskaja struktura spetsial'nogo slova i ego leksikografičeskije opisanije* [Semantic structure of special word and its lexicographic description]. Sverdlovsk.
7. Kutina, L. L. (1970). Jazykovyje protsessy, vznikajushchije pri stanovlenii nauchnyh terminologičeskikh sistem [Linguistic processes in developing of scientific terminological systems]. *Lingvističeskije problemy nauchno-tehničeskikh terminologij* [Linguistic problems of scientific technical terminologies]. Moscow : Nauka, 82–94.
8. Litovchenko, V. I. (2006). Semantičeskije osobennosti termina [Semantic features of term]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmičeskogo universiteta imeni akademika M. F. Reshetneva* [Vestnik of Reshetnev Siberian State Aerospace University (Vestnik SibGAU)], 2, 185–186.
9. Lotte, D. S. (1961). *Osnovy postrojenija nauchno-tehničeskoi terminologii. Voprosy teorii i metodiki* [Principles of scientific technical terminology development. Questions of theory and methods]. Moscow.
10. Moiseev, A. I. (1970). O jazykovoï prirode termina [About linguistic nature of term]. *Lingvističeskije problemy nauchno-tehničeskikh terminologij* [Linguistic problems of scientific technical terminology]. Moscow : Nauka, 127–138.
11. Superanskaya, A. V., Podolskaya, N. V., Vasilieva, N. V. (1989). *Obščhaja terminologija: voprosy teorii* [General terminology: Theory questions]. Moscow : Nauka.

УДК 811.2.512
UDC 811.2.512

Кравец Татьяна Владимировна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Tatyana V. Kravets
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: t_kravetc@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА
В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ОБЛАСТИ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА
В РФ И ЯЗЫКОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ
В ГЕРМАНИИ)
LANGUAGE POLICY
IN THE FORMATION OF ETHNIC IDENTITY IN PRESCHOOL
EDUCATION (ON THE EXAMPLE OF THE EVENKI LANGUAGE
IN RUSSIAN AND LANGUAGES OF NATIONAL MINORITIES
IN GERMANY)

Аннотация

Статья посвящена проблеме сохранения языков национальных меньшинств в России и за рубежом. Анализируется опыт формирования этнической идентичности у российских эвенков и национальных меньшинств в Германии, рассматриваются языковые ситуации, сложившиеся в двух странах за последние годы. Подчеркивается роль дошкольных образовательных учреждений в сохранении этноса и его языка. Делается вывод о том, что этническая судьба национальных меньшинств зависит от языковой политики государства, задача которого состоит в стимулировании изучения нескольких языков с раннего возраста, создания национальных школ, воссоздания традиционного для носителей языка образа жизни, возрождения материальной культуры народа для сохранения связи между поколениями этноса. Одним из главных каналов реализации такой политики должны стать дошкольные образовательные учреждения.

Abstract

The article focuses upon the problem of preserving the languages of national minorities in Russia and abroad. The experience of ethnic identity formation among the Evenki in Russia and the national minorities in Germany is analyzed, the language situation in the two countries in recent years is considered. The role of preschool educational institutions in ethnic group and its language preservation is emphasized. It is concluded that the fate of ethnic national minorities depends on the language policy of the government, whose task is to promote learning several languages from an early age, creation of national schools, restoration of traditional native speakers lifestyle, the revival of the material culture of the

people to bridge the gap between generations of the ethnic group. One of the main channels to implement this policy should be preschool educational institutions.

Ключевые слова: национальные меньшинства, этническая идентичность, эвенкийский язык, языковая политика, дошкольные учреждения, национальные школы, национальное воспитание, Детский сад «Звездочка».

Keywords: national minorities, ethnic identity, the Evenki language, language policy, preschools, national schools, national education, kindergarten «Zvjozdochka».

1. Введение

На сегодняшний день потребность формирования этнической идентичности и традиционных ценностей возрастает в связи «европеизацией» в образовании, когда акцентируется изучение нескольких иностранных языков в школе и в связи с этим существует опасность перехода на язык соседнего этноса, ставшего по какой-либо причине более престижным. При этом может возникнуть реальная угроза исчезновения понятия этнической идентичности среди тех народов и этносов, численность которых значительно уступает другим этническим группам [Жиркова, 2009, с. 50].

Поскольку каждая этническая группа представляет собой определенное языковое сообщество, утрата языка неизбежно приведёт к потере её этнокультурной самобытности и в конечном итоге – к исчезновению этноса. Ученые связывают уменьшение числа языков на планете с тем фактом, что носители малочисленных языков постепенно переходят на другие, более жизнеспособные языки. Сначала это приводит к сужению сферы бытования малого языка, сжатию его до внутрисемейного общения, а затем и к полному отказу от его использования, иногда непосредственно обусловленному уходом из жизни его последних носителей [Языки мира через сто лет].

Критической точкой в существовании языка считается прекращение его передачи традиционным способом — от поколения к поколению, внутри семьи. Когда детей, знающих язык, от поколения к поколению становится все меньше – это повод бить тревогу. Если же в семье нет детей, говорящих на родном языке – это уже не просто тревожный симптом, а знак большой беды. Особенно остро встаёт вопрос об этнической принадлежности именно сейчас, когда новое поколение под влиянием времени адаптируется к современным условиям, и жизнь родителей не является моделью для детей – происходит разрыв поколений.

2. Языковая ситуация коренных малочисленных народов Севера

Исследования показывают, что все малые языки регионов России функционируют в ситуации почти стопроцентного двуязычия их носителей. Представителей коренных малочисленных народов Севера, совершенно не владеющих русским языком, сегодня можно встретить очень редко – только в старшем поколении или среди детей дошкольного возраста в семьях оленеводов, ведущих кочевой образ жизни (у тундровых и лес-

ных ненцев, хантов, реже эвенков). Среди селькупов и кетов русским языком владеют все. Передача языка от родителей к детям сохраняется у тундровых и лесных ненцев, у оленных хантов, а также в двух селькупских и одном эвенкийском поселке. У кетов внутрисемейная передача этнического языка прекратилась повсеместно [База данных информационно-аналитических материалов Государственной Думы].

По словам Фени Матвеевны Лехановой, бывшего директора Центра гендерного просвещения и образования Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, большинство детей и молодёжи коренных малочисленных народов в настоящее время не владеют родными языками и процент владеющих национальными языками не увеличивается. Такая ситуация сложилась, прежде всего, из-за ассимиляционных процессов с соседними большими языковыми группами, отсутствия языковой среды и носителей языка в местах компактного проживания малочисленных народов и действующей государственной поддержки на всех уровнях власти. Внутри семьи родители, не владеющие родным языком, не могут передать своим детям духовные и культурные ценности своего народа. Ни в одной школе обучение на языке коренного народа не ведётся. В официальных структурах языки коренных малочисленных не функционируют. В результате происходит потеря культурного наследия [Стенограмма парламентских слушаний...].

Особенности языковой ситуации коренных малочисленных народов Севера РС(Я) порождают ряд серьёзных проблем в преподавании языка в школах, развитии художественной литературы, популяризации образцов фольклора, работе средств массовой информации. Языки малочисленных народов практически утратили функции языка общения. В решении данных проблем немаловажную роль в изучении языков играет дошкольное образование. Вероятность успеха многократно увеличивается с более раннего начала языкового обучения. Однако, из года в год количество детсадовских групп с языками народов Севера неуклонно сокращается [База данных информационно-аналитических материалов Государственной Думы].

Некоторые эксперты полагают, что для того, чтобы сохранить исчезающие языки, недостаточно научить детей говорить на них. Нужно ещё и воссоздать традиционный для носителей языка образ жизни, возродить материальную культуру народа. Поэтому для обучения детей родному языку необходимо создать определённые условия, воспроизводящие языковую среду [В Якутии спасают исчезающие языки народов Севера...].

3. Национальные образовательные учреждения как способ сохранения языкового и культурного наследия

Во Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии говорится о поддержании языкового разнообразия и поддержки использования, формирования и распространения возможно большего числа языков; рекомендуется поощрять языковое разнообразие на всех уровнях образования, стимулирование изучения нескольких языков с раннего возраста

[Образование в многоязычном мире]. В связи с этим одной из главных задач в области образования коренных малочисленных народов России является совершенствование образовательных программ для коренного населения, особенно в части подготовки детей к жизни в современном обществе, с полноценным освоением навыков проживания в экстремальных природных условиях, включая оснащение образовательных учреждений в отдаленных населенных пунктах средствами дистанционного обучения [Стенограмма парламентских слушаний...].

Для реализации вышеназванной задачи особое внимание уделяется региональным программам, направленным на сохранение культурного и языкового наследия и разнообразия путём внедрения национально-регионального компонента государственного образовательного стандарта, основанного на принципе включения обучающихся в родную этнокультурную среду и национальные традиции и гарантирующего образовательному учреждению статус национального образовательного учреждения, задача которого приобщать ребёнка к национальной культуре, к народному промыслу, к народным идеалам и искусству, системе нравственных ценностей. Подобные образовательные учреждения с национальным уклоном обеспечивают непрерывное образование и воспитание от детско-семейного воспитания до высшей школы на родном языке и в культурно-национальной среде [Региональный компонент государственного стандарта общего образования].

Г. Н. Волков [Волков, 1993, с. 47] предлагал определять национальное общеобразовательное учреждение через язык преподавания, содержание образовательных программ и национальный состав обучающихся; согласно этим критериям он выделил семь типов национальных школ в России.

1. Школы с преподаванием всех учебных предметов на родном (нерусском) языке. Действуют в республиках Татарстан и Башкортостан.

2. Школы с преподаванием на родном (нерусском) языке до 8 класса. Действуют в республиках Саха и Тыва.

3. Школы с преподаванием на родном (нерусском) языке на стадии начальной школы (до 3–4 класса включительно). К этому типу относится большинство национальных школ европейской части Российской Федерации.

4. Школы с преподаванием на родном (нерусском) языке в 1–2 классах. Это бурятские и мордовские школы, частично ненецкие и эвенкийские.

5. Школы с русским языком обучения, с преподаванием родного (нерусского) языка как учебной дисциплины. Это школы Дагестана и национальные школы целого ряда народов Северного Кавказа. К этой же группе можно отнести и школы народностей Крайнего Севера (с ограничением преподавания родного (нерусского) языка).

6. Городские и поселковые школы, где ведётся факультативное преподавание родного (нерусского) языка по желанию родителей и учеников. Школы-интернаты с однородным нерусским составом учащихся, где родной (нерусский) язык не изучается (саами, отчасти и ханты, манси, эвенки, чукчи, ненцы, нивхи и др.).

7. Школы с однородным национальным (нерусским) составом учеников, где родной (нерусский) язык в учебно-воспитательной работе почти не

используется. Это карельские школы и школы некоторых народностей Крайнего Севера, а также многочисленные национальные школы вне национальных регионов.

Национальное своеобразие воспитания заключается в том, что для каждого народа характерен свой специфический образ жизни, формирующий личность в соответствии с особенностями национальных традиций и национального менталитета, которые складываются у разных народов под влиянием многих специфических факторов: природно-климатических условий, языка, религии (верований), условий трудовой деятельности (земледелие, охота, рыболовство, скотоводство) [Воспитание на современном этапе].

К сожалению, национальные школы – это часто образовательные учреждения, работающие на территории проживания меньшинства, в которых обучение происходит на русском языке, и только на уроке родного (т. е. местного) языка возможно использование последнего. Поэтому говорить о формировании способности, о явлениях современного мира на данном языке, а также предпосылок к использованию этого языка на письме не приходится. Языки народов России, как правило, преподаются всего несколько часов в неделю, часто в качестве факультатива. Если язык не используется дома, подобное обучение не препятствует его исчезновению. Тем не менее в России есть некоторые регионы, где ситуация с преподаванием на языках народов России намного лучше, чем на остальной территории. Например, в Республиках Татарстан и Башкортостан имеется школьное преподавание на местном языке (татарском и башкирском соответственно), и даже такие школы, где преподают на языках других меньшинств – марийском и удмуртском. Тем не менее, даже там, где школьное образование доступно на иных языках, кроме русского, многие школьники из среды национальных меньшинств обычно ходят в русскоязычные школы [Замятин и др., 2012, с. 44].

4. Проблемы эвенкийского этноса в России

В нынешней ситуации в сохранении, возрождении и создании условий для развития или, как говорят лингвисты, ревитализации нуждается эвенкийский язык. Степень его сохранности и распространения в значительной мере зависит от региона. Эвенки слишком широко расселены по Северу, чтобы можно было говорить о какой-то единой языковой ситуации. Число местных говоров эвенкийского языка доходит до 50, которые в свою очередь объединены в 14 диалектов. Из 30 тысяч эвенков, проживающих на территории Российской Федерации, 12% приходится на Эвенкийский автономный округ, 42,5% на Якутию, 13% на Хабаровский край, около 33% на Иркутскую, Амурскую, Читинскую, Сахалинскую и Томскую области. Процент владеющих титульным языком соответственно различается и по регионам. Так, в Амурской области и Хабаровском крае процент эвенков, говорящих на родном языке, высокий, в Эвенкии – примерно 50%, в Якутии и Бурятии – 12–15%. Повсеместно наблюдается двуязычие (второй или первый язык – русский), и даже трёхязычие (третий язык – якутский или

бурятский). При этом положение эвенкийского языка в Бурятии более устойчиво, чем в Якутии: если в Якутии многие эвенки первым языком считают якутский, вторым русский, а титульный язык забыли, то в Бурятии в большинстве случаев сохраняется трёхязычие, в котором эвенкийский язык остается языком семейного общения. В других районах в молодых семьях эвенков преобладает русский язык, титульный язык не сохраняется даже в качестве семейного. В целом, тенденция к утрате эвенкийского языка остаётся; язык устойчиво сохраняется лишь в районах компактного проживания и там, где эвенки заняты традиционной хозяйственной деятельностью. Язык используется в основном представителями старшего и среднего поколения в быту и в традиционной деятельности [Бурыкин, 1997, с. 69–70].

По мнению О. Б. Пылаевой, «стремительно меняющаяся ситуация последних лет свидетельствует о повсеместном вытеснении эвенкийского языка русским (иногда – якутским) языком из всех сфер, минуя стадию двуязычия, и для значительной части детей и молодёжи амурских эвенков родной язык воспринимается как иностранный. Основной проблемой языковой ситуации эвенков является сокращение функций эвенкийского языка, недостаточность формирования положительной мотивации изучения родного языка, ибо особое значение в сохранении функций эвенкийского языка занимают национальные школы, в которых родные языки будут использоваться в качестве языков обучения и изучения» [Пылаева, 2003, с. 68]. Дальнейшая судьба эвенкийского языка зависит от того, будет ли он языком бытового общения младшего поколения: насколько эффективным для сохранения языка станет его преподавание в школе [Стручков, 2011, с. 42].

В такой сложной для эвенкийского языка ситуации национальные дошкольные учреждения, будучи первой ступенью формирования и становления личности ребёнка, сыграют важную роль в сохранении этноса и его языка, если в содержание обучения и воспитания будет входить национально-региональный компонент, который направлен на сохранение, развитие и пропаганду национального языка и национальной культуры эвенкийского этноса. Национальные школы призваны нести детям информацию, отражённую в формах родного языка, о традиционной культуре эвенков, которая включает в себя совокупность идей и приёмов по подготовке подрастающего поколения к жизни, традиции и обряды, регламентирующие его воспитание, правила кормления и рецепты детской пищи, предметы детского быта, детский фольклор, детские и молодежные праздники [Афанасьева, 2003, с. 182].

5. Эвенкийское национальное воспитание (опыт МБДОУ Детский сад «Звездочка» с. Ивановское Селемджинского района Амурской области)

Уникальный пример в области национального воспитания представляет опыт МБДОУ Детский сад «Звездочка» с. Ивановское Селемджинского района Амурской области, где обучение и воспитание детей осуществляется

через приобщение к культуре эвенков и других народов Севера. Тимофеева Елена Анатольевна, заведующая МБДОУ Детский сад «Звездочка» возглавляет это дошкольное учреждение с 1995 года. В 2008 году была составлена программа «Эвенкийское национальное воспитание», рецензентами которой стали д. ф. н., профессор Г. В. Быкова (2008 г.), а также ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН, доцент кафедры алтайских языков, фольклора и литературы Института Народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, к. ф. н. Н. Я. Булатова (2016 г.). После аккредитации приоритетным направлением деятельности данного образовательного учреждения является осуществление эвенкийского национального воспитания. Данному учреждению присвоен государственный статус: Дошкольное образовательное учреждение детский сад общеразвивающего вида второй категории с приоритетным осуществлением эвенкийского национального воспитания.

Детский сад «Звездочка» посещают не только дети из эвенкийских семей, но и из других поселений и приисков: русские, буряты, якуты. Сотрудники детсада провели анкетирование среди родителей с вопросом, каково их отношение к тому, что детский сад посещают дети разных национальностей. Из опроса выяснилось, что все родители за многонациональный состав групп. Каждый год коллективом «Звездочки» проводится диагностика. В 90-е годы детский сад посещали 45–46 детей. В 2015 году в связи с низкой рождаемостью количество детей уменьшилось до 34 человек.

С тех пор как детский сад получил статус образовательного учреждения с национальным уклоном и начал работать по национальной программе, он очень отличается от всех остальных дошкольных учреждений Селемджинского района: на территории национального детского сада построены чумы, он преобразился и внутри, и снаружи. Программа детского сада включает четыре направления: умственное воспитание, физическое воспитание, декоративно-прикладное и музыкальное развитие.

В 2010 году сотрудниками МБДОУ детский сад «Звездочка» подготовлен проект «Эвенкийское национальное воспитание», рецензентом которого выступил коллектив экспертов ФГБОУ Благовещенского государственного педагогического университета. В 2011 году руководство детсада приняло участие в образовательном семинаре в г. Якутске. В 2015 году детский сад «Звездочка» участвовал во Всероссийском конкурсе образовательных проектов образовательных организаций, национально-культурных автономий, некоммерческих неправительственных организаций в области этнокультурного образования, воспитания патриотизма и гражданственности в условиях реализации ФГОС «Гражданское и этническое самосознание в народном образовании и социально-культурной деятельности» под руководством департамента общего образования Томской области.

Целью обучения эвенкийскому языку в МБДОУ «Звездочка» является формирование разговорной речи, то есть первоначальных навыков устного общения на изучаемом языке. В данное время, находясь на начальном этапе обучения, педагоги уделяют больше внимания формированию

этнокультурных знаний и развитию восприятия художественных образов устного народного творчества эвенков и других северных народностей. Новые термины, вводимые в словарь детей, легко усваиваются ими, составляется перечень новых слов (объяснения к ним, обозначения, перевод). Родную речь дети изучают посредством чтения художественной литературы, изучением фольклора эвенков, заучиванием наизусть стихов, закличек, песен. В воспитании детей значительное место занимают игры, многие эвенкийские игры связаны с трудом. Дети вырезают с бумаги, работают с берёзовой корой, лепят оленей, других животных и играют с ними, познают окружающий мир, взаимосвязь человека с природой. Воспитатели детского сада знакомят детей с подвижными, сюжетно-ролевыми эвенкийскими играми, в процессе которых дети узнают многое о быте и жизни эвенков, используют в речи обиходные эвенкийские слова [ФГОСы в эвенкийской национальной программе детского сада «Звёздочка»].

Для более эффективной реализации программы по эвенкийскому национальному воспитанию педагогический коллектив МБДОУ детсад «Звёздочка» принимает активное участие в научно-методических и дидактических семинарах и конференциях: 1) Международная олимпиада по эвенкийскому и ороchonскому языкам и культуре эвенков России и ороchonов Китая (Амурский государственный университет (АмГУ), 2013 г., 2014 г., 2015 г.); 2) Круглый стол по проблемам сохранения эвенкийского и ороchonского языков и культуры эвенков России и ороchonов Китая (с международным участием) (АмГУ, ноябрь 2015 г.); 3) Круглый стол «Современные методы сохранения культуры и языка эвенков Амурской области» (АмГУ, январь 2012, январь 2013 г., январь 2015 г.); 4) международная стажировка студентов Пекинского Университета Национальностей (КНР) «Анализ общего и частного в реализации дошкольных этнических программ эвенков России и Китая» (АмГУ, октябрь 2014 г.).

Необходимый минимум государственной программы для дошкольников в этом саду дают на русском языке. И хотя в группах и на территории детского сада построены чумы, в достаточной мере погрузиться в родную среду не получается. Как признается Е. А. Тимофеева, вокруг слишком много русской речи [Эвенки ищут рецепт сохранения родного языка].

Эвенкийский детский сад «Звёздочка» (по-эвенкийски «Осиктакан») является единственным эвенкийским национальным детским садом в Селемджинском районе. Одной из самых сложных и острых проблем для коллектива детского сада является возрождение родного языка и формирование двуязычия. В планах педагогов – научить детей говорить и немного мыслить на эвенкийском языке, используя определённые методы обучения, создать благоприятные условия для организации обучения двум языкам и достичь гармоничного двуязычия. Для достижения основной цели – приобщение юного поколения к культуре эвенков и возрождение родного языка – коллектив МБДОУ поставил перед собой следующие задачи:

1) воспитание любознательности, любви и интереса к родному краю, к малой Родине, бережного отношения ко всему окружающему;

- 2) приобщение детей к эвенкийской культуре и традициям эвенков;
- 3) развитие речи дошкольников через эвенкийский и русский народный фольклор;
- 4) повышение качества подготовки детей к школе.

Поскольку современные молодые родители сами не знают родного языка, эвенкийских традиций, оторваны от эвенкийской самобытности, педагогами «Звёздочки» ведётся большая работа с родителями воспитанников по их привлечению к процессу воспитания и обучения детей в эвенкийском национальном стиле.

Одной из главных задач в детском саду является приобщение детей к культуре эвенков и других народов Севера. Для более эффективной работы в данном направлении коллективом МБДОУ создаётся соответствующая среда: все помещения детского сада оформлены в эвенкийском национальном стиле, создан уголок Оленевода, собирается и нарабатывается разнообразный дидактический материал, состоящий из предметов быта и обихода, руками сотрудников изготовлена различная атрибутика и пособия к играм и занятиям, сшиты национальные костюмы, на игровом участке построено оленеводческое министойбище. Воспитатели сами учат и обучают детей родному эвенкийскому языку, разрабатывают занятия, знакомят с обычаями, традициями эвенков. Обучение проходит на эвенкийском и русском языках. Каждый воспитатель накапливает, разрабатывает занятия и собирает методический материал, отражающий жизнь народов Севера [ФГОСы в эвенкийской национальной программе детского сада «Звёздочка»].

Также проводится большая работа по преемственности между детским садом и школой: составлен общий план работы, проводятся взаимопосещения занятий в группах и уроков в первом классе, совместные методические совещания, культурно-массовые мероприятия, налажена шефская помощь.

6. Языковая политика в отношении национальных меньшинств в Германии

Стремлением сохранить язык, историю, искусство и фольклорные традиции своего народа отличаются не только эвенки и другие коренные малочисленные народы Севера России, но и национальные меньшинства Европы. В странах Европейского Союза (далее ЕС) проживают около 502 миллионов человек. Из них 4,8 миллиона относят себя к определённому национальному или этническому меньшинству [Определение и содержание понятия «национальные меньшинства» в странах Европы]. Так, Германия, которую трудно назвать многонациональной страной, может считаться для всей Европы положительным примером того, как могут мирно сосуществовать разные этносы и культуры. В ФРГ из 81 миллиона её граждан лишь около 250 тысяч приходится на долю автохтонных национальных меньшинств. К ним, кроме лужицких сербов, относятся цыгане, фризцы, датчане и поляки. Языки этих меньшинств – датский, северо-фризский, нидерландско-фризский, цыганский, серболужицкий защищаются на основа-

нии соответствующего соглашения Европейского совета и пользуются поддержкой ФРГ [Права национальных меньшинств в Германии].

Официально признанными национальными меньшинствами в ФРГ считаются лишь сорбы из земель Бранденбург и Саксония, датчане из Южной Силезии, фризы из северных областей, а также синти и рома, которые обладают всеми правами главной этнической группы – немцев, например, правом создать свою национальную фракцию в парламенте и претендовать на обучение на национальных языках. При этом, сорбский язык является вторым государственным языком, но только в регионе Лаузитц.

Как сообщает Секретарь Конференции министров культуры федеральных земель Аранка Хомфельд, в ФРГ нет государственных школ с преподаванием лишь на языках иммигрантов. Однако есть частные школы или школы при посольствах, где преподавание ведётся на национальных языках [Розэ, 2010].

Подписывая Европейскую Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств в 1998 году [Europäische Charta der Regional- oder Minderheitensprachen], Германия декларировала, что поскольку Конвенция не содержит определения понятия «национальное меньшинство», её положения на территории Германии будут применяться в отношении данов, сербов (лужичан), фризов, германских цыган (синти и рома). При этом федеральная конституция Германии не содержит каких-либо специальных указаний в отношении защиты меньшинств, но в конституциях германских земель, где проживают меньшинства, такие нормы имеются [Степанов, 2012, с. 35].

Законы Саксонии и Бранденбурга о школьном образовании регламентируют также употребление в школах серболужицкого языка. По-прежнему существуют так называемые серболужицкие школы, в которых на этом языке ведётся преподавание, или серболужицкий язык изучается дополнительно. Новшеством является то, что теперь учащиеся имеют право сдавать на серболужицком языке выпускные экзамены. В будущем, в связи с сокращением числа учащихся, потребуется принятие специальных постановлений. Посещение серболужицких школ сейчас совершенно свободное; такие школы не обязаны и не вправе информировать о себе широкую общественность или вести работу с родителями. Разрешённые законом частные серболужицкие школы не существуют [Права национальных меньшинств в Германии].

Дошкольные воспитательные учреждения в католических общинах Верхней Лужицы с недавнего времени перешли в руки частной христианской благотворительной организации. Добиться передачи их лужицким сербам не удалось, а коммуны не могут больше содержать их из-за больших расходов. Воспитание детей в серболужицком духе и на родном языке в этих учреждениях остаётся возможным благодаря закону, предусматривающему создание отдельных учебных групп с небольшим количеством серболужицких детей. Вне католических областей ни серболужицких, ни двуязычных дошкольных учреждений нет. В какой мере в этих населенных пунктах серболужицкий язык и культура станут частью воспитания детей – это зависит

от желания родителей и возможностей воспитателей [Права национальных меньшинств в Германии].

Широкие возможности в деле развития родного языка и культуры и сохранения традиций для национальных меньшинств Германии предоставляет закон об общественных организациях, обеспечивая им таким образом полную свободу и самостоятельность в решении своих задач. Указ о создании Фонда серболужицкого народа – одно из ярких свидетельств того, что общественные организации национальных меньшинств пользуются в ФРГ государственной поддержкой. По Конституции ФРГ любой язык можно неограниченно использовать и изучать в области частной жизни. При этом под частной жизнью подразумевается не только семейная, но и все негосударственные сферы жизни, например, также частные средства информации, общества, предприятия и учреждения [Права национальных меньшинств в Германии].

Как утверждает Уполномоченный федерального правительства по вопросам переселенцев и национальных меньшинств Хартмут Кошик, защита и поддержка исторически формировавшихся меньшинств, их языков, а также регионального языка «нижненемецкий» способствуют сохранению и развитию культурного богатства в Германии. Культурное своеобразие, в свою очередь, предполагает толерантное отношение, которое составляет неотъемлемую часть плюралистической демократии [Региональные языки и языки меньшинств в Германии].

Можно с уверенностью утверждать, что благодаря защите и поддержке со стороны государственных властей представители национальных меньшинств сумели через столетия жизни в Германии сохранить свои обычаи и нравы и смогут в будущем передать через язык культурную идентичность своим детям и внукам.

7. Выводы

Рассмотрев опыт языковой политики в отношении национальных меньшинств в России и за рубежом, можно сделать следующий вывод. Поскольку основными признаками этноса является язык и его этническое самосознание, то дальнейшая этническая судьба будет зависеть от степени сохранения и развития культурных традиций, национальной самобытности и языка национальных меньшинств и создания определённых условий, воспроизводящих языковую среду путём организации воспитательного процесса в образовательных учреждениях на этнокультурной основе. Языковая политика государства должна быть направлена на поддержку языка меньшинства в виде создания национальных общественных организаций, создания национальных культурных и научных учреждений, развития сети средств массовой информации национального меньшинства. Формируя сбалансированную языковую ситуацию, государство должно стремиться к переходу к двуязычию в административных документах, наименованиях учреждений. Одним из главных каналов реализации такой политики должны стать дошкольные образовательные учреждения.

Список литературы

1. Афанасьева, Е. Ф. Традиционное воспитание детей у эвенков [Текст] / Е. Ф. Афанасьева // Амурские эвенки: Большие проблемы малого этноса: сб. науч. трудов / под ред. проф. Г. В. Быковой. – Вып. I. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2003. – С. 182–187.
2. База данных информационно-аналитических материалов Государственной Думы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4384/13976> (дата обращения: 25.05.2016 г.).
3. Бурыкин, А. А. Эвенкийский язык и его региональные варианты в социолингвистическом аспекте [Текст] / А. А. Бурыкин // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: проблемы сохранения и развития языков. – СПб. : ИЛИ РАН, 1997. – С. 69–70.
4. Определение и содержание понятия «национальные меньшинства» в странах Европы [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.rusnauka.com/12_ENXXI_2011/Pravo/13_85771.doc.htm (дата обращения: 26.05.2016 г.).
5. Воспитание на современном этапе // Tinlib.ru онлайн библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.tinlib.ru/psihologija/teorija_i_metodika_vospitanija_konspekt_lekcii/p13.php (дата обращения: 24.05.2016 г.).
6. Волков, Г. Н. Этнопедагогическая концепция национальной школы [Текст] / Г. Н. Волков // Национальная школа: концепция и технология развития. Доклады и материалы международной конф. Якутск, 16–21 марта 1993 г. – М. : Просвещение, 1993. – С. 45–52.
7. В Якутии спасают исчезающие языки народов Севера – Республика Саха Якутия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://республика-саха-якутия.рф/stati/jakutija/v-jakutii-spasayut-ischezayuschie-jazyki.html> (дата обращения: 26.05.2016 г.).
8. Жиркова, С. Г. Роль понятия этнической идентичности и традиционных ценностей у учащихся в условиях развития образовательной системы [Текст] / С. Г. Жиркова : материалы Всероссийской научно-практической конференции «Родные языки коренных малочисленных народов Российской Федерации в системе российского образования», 08–11 сентября 2009 г., Якутск // Научно-методический журнал «Таткачирук». – 2009. – № 4. – С. 48–51.
9. Замятин, К. Как и зачем сохранять языки народов России? [Текст] / К. Замятин, А. Пасанен, Я. Саарикиви. – Хельсинки: Изд-во, Vammalan Kirjapaino Oy, 2012. – 179 с.
10. Образование в многоязычном мире / Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.un.org/ru/events/iyl/brochure/monitoring_2002.pdf (дата обращения: 22.05.2016).
11. Права национальных меньшинств в Германии [Электронный ресурс] // Кумыкский мир. – Режим доступа : <http://kumukia.ru/?id=1115> (дата обращения: 25.05.2016 г.).
12. Пылаева, О. Б. Об исчезающем языке амурских эвенков [Текст] / О. Б. Пылаева // Амурские эвенки: Большие проблемы малого этноса: сб. науч. трудов / под ред. Г. В. Быковой. – Вып. I. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2003. – С. 58–101.

13. Региональные языки и языки меньшинств в Германии [Электронный ресурс] // Deutschland.de – Ваше окно в Германию. – Режим доступа: <https://www.deutschland.de/ru/topic/politika/germaniya-evropa/regionalnye-yazyki-i-yazyki-menshinstv-v-germanii> (дата обращения: 22.05.2016 г.).
14. Региональный компонент государственного стандарта общего образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/505796/> (дата обращения: 25.05.2016 г.).
15. Розэ, А. Подавляющее меньшинство [Электронный ресурс]./ Российская газета: Федеральный выпуск. – 2010. – № 5290 (211). – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/09/20/menshinstvo.html> (дата обращения: 22.05.2016 г.).
16. Стенограмма парламентских слушаний «О мерах по реализации целей Второго Международного десятилетия коренных народов мира в сферах народного образования и сохранения родных языков в районах проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», 2 октября 2008 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://archiv.council.gov.ru/files/parliament_attend/113.doc (дата обращения: 23.05.2016 г.).
17. Степанов, В. В. Статус и поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации : резюме доклада [Текст] / В. В. Степанов, Д. А. Функ, О. И. Артеменко, В. А. Тишков // Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств в Российской Федерации. – М, 2012. – С. 34–37.
18. Стручков, К. Н. Социоллингвистические факторы языковой картины мира эвенков в РС(Я) [Электронный ресурс] / К. Н. Стручков // Вестник ЗабГУ – 2011. – № 2. – С. 38–43. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiolingvisticheskie-factory-yazykovoy-kartiny-mira-evenkov-v-rs-ya> (дата обращения: 25.05.2016 г.).
19. ФГОСы в эвенкийской национальной программе детского сада «Звёздочка» // Социальная сеть. Pandia.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/79/349/34091.php> (дата обращения: 25.05.2016 г.).
20. Эвенки ищут рецепт сохранения родного языка / РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ria.ru/society/20151106/1315127851.html> (дата обращения: 26.05.2016 г.).
21. Языки мира через сто лет // Российский Совет по международным делам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=555#top-content (дата обращения: 25.05.2016 г.).
22. Europäische Charta der Regional-oder Minderheitensprachen [Electronic Resource]. – Retrieved 22.05.2016 from <http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/default_en.asp>.

References

1. Afanaseva, E. F. (2003). Traditionnoe vospitanie detey u evenkov [Traditional education of children among the Evenki]. *Proc. Conference «Amurskie evenki: Bolshie problemyi malogo etnosa»* [Amur Evenki: big problems of small ethnic group] (pp. 182–187). Blagoveschensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University Press.

2. Baza dannyih informatsionno-analiticheskikh materialov Gosudarstvennoy Dumyi [Database of information and analytical materials of the State Duma]. Retrieved 25.05.2016 from <<http://iam.duma.gov.ru/node/8/4384/13976>>.
3. Buryikin, A. A. (1997). Evenkiyskiy yazyik i ego regionalnyie variantyi v sotsiolingvisticheskom aspekte [The Evenki language and its regional variations in socio-linguistic aspect]. *Proc. Conference «Malochislennyye narodyi Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka: problemyi sohraneniya i razvitiya yazyikov»* [National minorities of the North, Siberia, and the Far East: Problems of preserving and developing languages] (pp. 69–70). St.-Petersburg.
4. Opredelenie i sodержanie ponyatiya «natsionalnyie menshinstva» v stranah Evropyi [Definition and content of the concept «National minorities» in countries of Europe]. Retrieved 26.05.2016 from <http://www.rusnauka.com/12_ENXXI_2011/Pravo/13_85771.doc.htm>.
5. Vospitanie na sovremennom etape [Education at the present stage]. Retrieved 24.05.2016 from <http://www.tinlib.ru/psihologiya/teorija_i_metodika_vospitanija_konspekt_lekcii/p13.php>.
6. Volkov, G. N. (1993). Etnopedagogicheskaya kontseptsiya natsionalnoy shkolyi [Ethnopedagogical concept of the national school]. *Proc. International Conference «Natsionalnaya shkola: kontseptsiya i tehnologiya razvitiya»* [National school: concept and technology of development] (pp. 45–52). Moscow.
7. V Yakutii spasayut ischezayushchie yazyiki narodov Severa [Endangered languages of the peoples of the North are saved in Yakutia]. Retrieved 26.05.2016 from <<http://respublika-saha-yakutiya.rf/stati/jakutiya/v-jakutii-spasayut-ischezayushchie-jazyki.html>>.
8. Zhirkova, S. G. (2009). Rol ponyatiya etnicheskoy identichnosti i traditsionnyih tsennostey u uchashchihsya v usloviyah razvitiya obrazovatelnoy sistemyi [The role of the concept of ethnic identity and traditional values among students in the educational system]. *Proc. Russian Scietific-Practical Conference* (pp. 48–51). Yakutsk.
9. Zamyatin, K., Pasanen, A., Saarikivi, Y. (2012). *Kak i zachem sohranyat yazyiki narodov Rossii?* [How and why to save the languages of the peoples of Russia?]. Helsinki : Vammalan Kirjapaino.
10. Obrazovanie v mnogoyazyichnom mire [Education in a multilingual world]. Retrieved 22.05.2016 from <http://www.un.org/ru/events/iyl/brochure/monitoring_2002.pdf>.
11. Prava natsionalnyih menshinstv v Germanii [The rights of national minorities in Germany]. Retrieved 25.05.2016 from <<http://kumukia.ru/?id=1115>>.
12. Pyilaeva, O. B. (2003). Ob ischezayushchem yazyike amurskih evenkov [About the endangered language of the Amur Evenki]. *Proc. Conference «Amurskie evenki: Bolshie problemyi malogo etnosa»* [Amur Evenki: big problems of small ethnic group] (pp. 58–101). Blagoveschensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University Press.
13. Regionalnyie yazyiki i yazyiki menshinstv v Germanii [Regional languages and minority languages in Germany]. (Vashe okno v Germaniyu) [Your window to Germany]. Retrieved 22.05.2016 from <<https://www.deutschland.de/ru/>>

- topic/politika/germaniya-evropa/regionalnye-yazyki-i-yazyki-menshinstv-v-germanii>.
14. Regionalnyiy komponent gosudarstvennogo standarta obshchego obrazovaniya [The regional component of the state standard of General education]. Retrieved 25.05.2016 from <<http://festival.1september.ru/articles/505796/>>.
 15. Roze, A. (2010). Podavlyayushee menshinstvo [The vast minority]. *Rossiyskaya gazeta: Federalnyiy vyipusk*. [Russian Newspaper: Federal issue], 5290 (211). Retrieved from <<http://www.rg.ru/2010/09/20/menshinstvo.html>>.
 16. Stenogramma parlamentskih slushaniy «O merakh po realizatsii tseley Vtorogo Mezhdunarodnogo desyatiletia korennykh narodov mira v sferakh narodnogo obrazovaniya i sohraneniya rodnykh yazykov v rayonakh prozhivaniya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka Rossiyskoy Federatsii», 2 oktyabrya. [Transcript of the parliamentary proceedings «Measures for implementation of the objectives of the second international decade of World's indigenous peoples in the areas of public education and preservation of native languages in districts inhabited by indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East», on 2nd October, 2008]. Retrieved 23.05.2016 from <http://archiv.council.gov.ru/files/parliament_attend/113.doc>.
 17. Stepanov, V. V., Funk, D. A., Artemenko, O. I., Tishkov, V. A. (2012). Status i podderzhka yazykovogo raznoobrazija v Rossijskoj Federacii [The status and support for linguistic diversity in the Russian Federation]. *Evropejskaja Hartija regional'nykh jazykov ili jazykov men'shinstv v Rossijskoj Federacii* [The European Charter for regional or minority languages in the Russian Federation] (pp. 34–37). Moscow.
 18. Struchkov, K. N. (2011). Sotsiolingvisticheskie faktoryi yazykovoy kartinyi mira evenkov v RS(ya) [Sociolinguistic factors in language picture of the world of the Evenki in Sakha (Yakutia)]. *Vestnik ZabGU* [Bulletin of Trans-Baikal State University], 2, 38–43. Retrieved 25.05.2016 from <<http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiolingvisticheskie-faktoryi-yazykovoy-kartinyi-mira-evenkov-v-rs-ya>>.
 19. FGOSyi v evenkiyskoy natsionalnoy programme detskogo sada «Zvyozdochka» [The Federal State Standards in the Evenki National Program for the kindergarten «Zvyozdochka»]. *Sotsialnaya set. Pandia.ru* [Social Web Pandia.ru]. Retrieved 25.05.2016 from <<http://pandia.ru/text/79/349/34091.php>>.
 20. Evenki ischut retsept sohraneniya rodnogo yazyika [Evenki are looking for a recipe for preservation of the native language]. *RIA Novosti* [RIA News]. Retrieved 26.05.2016 from <<http://ria.ru/society/20151106/1315127851.html>>.
 21. Yazyiki mira cherez sto let [The languages of the World in a hundred years]. *Rossiyskiy Sovet po mezhdunarodnyim delam* [Russian International Affairs Council]. Retrieved 25.05.2016 from <http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=555#top-content>.
 22. Europäische Charta der Regional-oder Minderheitensprachen [The European Charter for regional or minority languages]. Retrieved 22.05.2016 from <http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/default_en.asp>.

УДК 372.881.1
UDC 372.881.1

Матиенко Анжелика Валерьевна
Северо-Западный институт управления
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
Санкт-Петербург, Российская Федерация
Anzhelika V. Matienko
North-West Institute of Management of the Russian
Federation Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
St.-Petersburg, Russian Federation
e-mail: ideal_ideal@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ
ОБУЧЕНИЯ КОНТРОЛЬНО-ИЗМЕРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
FORMATION OF THE LINGUAL IDENTITY IN THE ASSESSMENT
ACTIVITIES' LEARNING PROCESS

Аннотация

В данной статье рассматривается ведущая роль когнитивно-коммуникативного подхода в обучении иностранному языку, базирующаяся на постулате о том, что в процессе порождения речи активизируются знания, хранящиеся в когнитивной системе человека. На примере вовлечения студентов в контрольно-измерительную деятельность, представляющую собой одну из форм познавательного синтеза «мысли» – «речи» – «языковой формы», мы раскрываем потенциальную способность человека превращать собственную активность в предмет практического преобразования своих внутренних возможностей применительно к изучению иностранного языка.

Abstract

The article is devoted to the leading role of cognitive-communicative approach in the foreign language learning process. This role is based on the statement that the process of speech production activates the knowledge stored in the human cognitive system. Analyzing the involvement of students in the assessment activities viewing as one of the cognitive synthesis forms “thought”- “speech” – “language form”, we consider the human potential to transform their own activity in the subject of practical transformation of its internal capabilities applied to the study of a foreign language.

Ключевые слова: когнитивно-коммуникативный подход, контрольно-измерительная деятельность, познавательный стиль, коммуникативная компетенция; когнитивная, коммуникативная и регулятивная функции, языковая личность.

Keywords: cognitive-communicative approach, assessment activities, cognitive style, communicative competence; cognitive, communicative and regulatory function, lingual identity.

1. Введение

Когнитивно-коммуникативный личностно-ориентированный подход является на сегодняшний день ведущим в отечественной методике обучения иностранным языкам. Реализация данного подхода – это путь к достижению основной цели языкового образования – формированию поликультурной многоязычной личности, способной к межкультурному общению.

Специфической особенностью современного этапа развития вузовского образования является новый взгляд на социальные роли его участников. Функцией обучаемого становится не только «потребление» интеллектуальной и духовной культуры, но и обогащение её самым фактом своего творческого развития в разнообразных формах индивидуальной и совместной с преподавателем и коллегами по учёбе деятельности.

Ключ к пониманию природы личности заложен не в самом индивиде, а в той системе целенаправленной деятельности, в которую он включается и внутри которой осуществляется его развитие и функционирование, его жизнь [Асмолов, 2008]. Контрольно-измерительная деятельность (далее – КИД) как средство развития познавательных и коммуникативных резервов личности, её способностей к дальнейшему саморазвитию и самообучению представляет собой определённый вид деятельности. Подобно другим видам деятельности КИД характеризуется предметным мотивом, целенаправленностью, эвристическим характером. Основопологающие признаки КИД восходят к гуманистической философии, провозгласившей личность высшей ценностью [Рубинштейн, 1999].

2. Аспекты КИД

Для определения КИД, её содержания, структуры, места и роли в образовательном процессе целесообразно рассматривать данный вид деятельности в нескольких аспектах. КИД – это одна из форм познавательного синтеза «мысли» – «речи» – «языковой формы»; способность человека управлять своими действиями, а именно превращать собственную активность в предмет практического преобразования своих внутренних возможностей применительно к изучению иностранного языка.

КИД как базовое понятие теории и методики лингвистического образования представляет собой динамический процесс практического воздействия субъекта обучения на преобразованную в форму внутреннего когнитивного процесса операциональную деятельность [Гершунский, 1998] применительно к объекту профессионального труда, а также на результат этого воздействия в виде знаний и умений. КИД – это системно-структурное качество или интегративная личностная характеристика субъекта образовательного процесса, то есть инструментальная компетенция, а именно:

1) способность и готовность проводить научное исследование и оценивать его результаты;

2) способность анализировать, синтезировать и критически резюмировать информацию;

3) способность оформлять, представлять и докладывать результаты выполнения работы.

При этом контрольно-измерительная деятельность, как и познавательный процесс в целом, детерминируется развитием культуры, в том числе культуры общения: системным плюрализмом, нелинейным типом связей в современной культуре, культурообусловленностью образования.

Успешность индивида в контрольно-измерительной деятельности обусловливается переходом с уровня воспроизводства готовых знаний на уровень овладения в процессе творческой самореализации. Фактор времени, характеризующийся информационным ускорением, обусловливает изменение процессов самореализации и самоутверждения личности в параметрах её социокультурной деятельности, ускорения смены приобретаемых знаний и умений на новые. Фактор роста культурного релятивизма [Гинзбург, 2005] предполагает актуализацию познавательного синтеза как способа постижения единства языка и мира на основе принципов целостности и автономии, плюрализма и критического гуманизма, интеграции и дифференциации, эклектизма и диалога культур, самоорганизации сложных систем, каковой является и контрольно-измерительная деятельность. Компоненты контрольно-измерительной деятельности: 1) познавательные стили обучающихся как их индивидуальные предпочтения определённых способов обработки информации, обусловленные индивидуальными особенностями познавательной деятельности; 2) коммуникативная компетенция как смыслопоисковая деятельность [Матиенко, 2011, 2012 а].

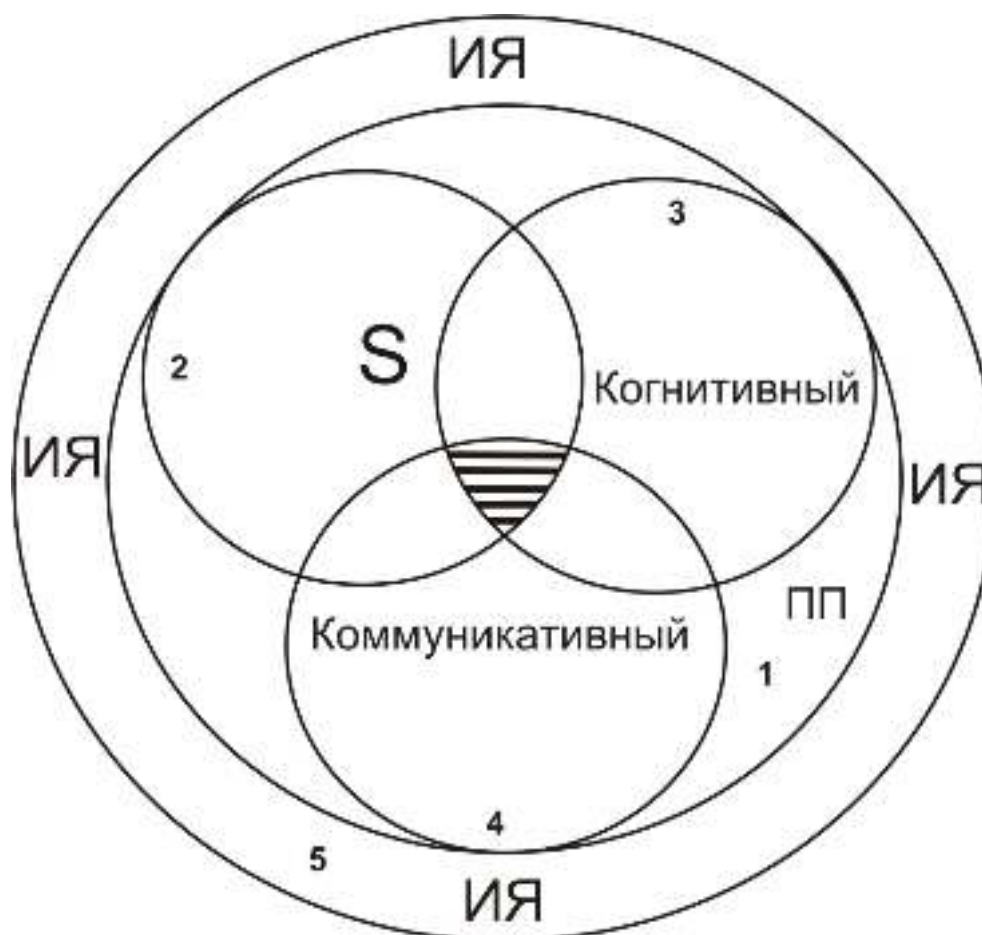
В настоящее время наблюдается повышенный интерес к когнитивно-коммуникативному обучению, когда проблема изучения языка рассматривается не только как обучение лингвистическим знаниям, но и как обучение знаниям о мире [Барышников, 1999 ; Виноградова, 2001 ; Щепилова, 2003]. В процессе порождения речи активизируются знания, хранящиеся в когнитивной системе человека. Структурно-функциональное наполнение когнитивного компонента состоит в деятельностных знаниях (компетенциях межкультурного образования и межкультурного общения); в знаниях о способах и приёмах конкретной деятельности; оценивании степени достижения планируемых результатов (контроль и самоконтроль). Коммуникативный компонент контрольно-измерительной деятельности лингвиста определяется как самореализация сущностных характеристик личности во взаимодействии с другими субъектами общения. Регулятивный компонент представляет собой взаимодействие субъекта с внешней средой, по сути, это обращение к культуре общества (ценности, образцы, нормативы).

Признание единства когнитивного и коммуникативного основывается на единстве двух основных функций человеческого языка: познавательной (умении строить грамматически и семантически корректные фразы, что отражает результат когнитивного процесса овладения языком) и коммуникативной (умении использовать знания и навыки в целях коммуникации, для решения коммуникативно-познавательных задач).

Утверждается приоритет когнитивного: память, внимание, мышление, воображение, активизирующие КИД, обеспечивают функционирова-

ние компонентов языковой системы в речевой деятельности субъектов общения. Соответственно контрольно-измерительная деятельность представляет собой самосогласованное взаимодействие когнитивного и коммуникативного потенциала личности. Следовательно, все задания контрольно-измерительного характера – это функционально скоординированные мысле-рече-языковые действия, обеспечивающие усвоение языковых норм и обобщённых способов действия. Рассмотрим место КИД в процессе познания и коммуникации. В когнитивно-коммуникативный аспект КИД субъекта входят следующие составляющие (см. рис. 1):

- 1) познавательный процесс;
- 2) сам субъект;
- 3) когнитивный компонент;
- 4) коммуникативный компонент;
- 5) иностранный язык.

Р и с у н о к 1. Место КИД в процессе познания и коммуникации

Обучение контрольно-измерительной деятельности как формирующий процесс развития личности способствует: 1) развитию вербальной, коммуникативной, когнитивной сфер деятельности; 2) формированию полноценного интеллекта на базе развитой знаковой системы иностранного

языка; 3) пониманию того, как функционирует та или иная знаковая система, в нашем случае – языковая система в речи.

Субъект иноязычного образования – личность, осуществляющая преобразование предметной и социокультурной составляющих обучения посредством сразу нескольких языков. Применительно к КИД сущность субъектности состоит в способности планировать и проводить научно-поисковую деятельность, оформлять результаты поиска в области теории и практики иностранных языков, во владении культурой мышления, в способности к обобщению, анализу, постановке цели и выбору путей её достижения. Языковая личность с позиции КИД выражает себя во взаимобусловленности лингвистической и коммуникативной компетенций: с одной стороны, это умение проводить лингвистический анализ речевых произведений с учётом специфики национально-культурологических характеристик, с другой – умения идентифицировать и продуцировать различные типы измерительных материалов с учётом коммуникативных функций языкового материала. Следствием изложенных характеристик субъекта как языковой личности является инструментальная компетенция обучаемого, предполагающая самореализацию (способов и средств контроля знаний и умений) и самовыражение – творческое использование практических знаний для решения практических задач контроля.

3. Функции и сущность КИД

Из множества функций профессиональной деятельности лингвиста (коммуникативная, языкового и культурного посредничества, социокультурная, информационного обеспечения, креативная, прагматическая) нами выделены три, представляющие, на наш взгляд, прямое отношение к КИД: коммуникативная (способ самореализации сущностных сил личности), когнитивная (когнитивные процессы восприятия, память, мышление и языковые средства его выражения когнитивная) (заций сущностных сил личности, ляд, прямое отношение к КИД: коммуникативная) (оски значимых черт, определяющих ее) и регулятивная (эмоционально-деятельностная, волевые процессы) как способ саморегуляции.

Роль КИД состоит в обеспечении взаимодействия коммуникативной, когнитивной и регулятивной функций контрольно-измерительной деятельности (см. рис. 2).

Нами определена группа функций КИД будущего лингвиста-профессионала. К числу основных мы отнесли следующие [Матиенко, 2012 а, б]:

- налаживание систематического контроля знаний;
- индивидуализация усвоения знаний за счет различных видов самостоятельной работы;
- предоставление большего времени на творческую деятельность;
- увеличение степени дифференциации культурологических и коммуникативных ситуаций;
- усиление ролевых позиций ценностно-рефлексивной деятельности по отношению к иной культуре.

Р и с у н о к 2. Функции контрольно-измерительной деятельности

Сущность КИД определяется непосредственным воздействием: 1) на становление и развитие средствами контроля таких качеств языковой личности как пластичность, способность к саморазвитию, умение сочетать родную культуру с культурой других народов (когнитивный компонент); 2) на субъектов общения (коммуникативный компонент).

Содержанием обучения лингвиста-профессионала в аспекте КИД становится также систематизация форм контроля, взаимодействия когнитивных и коммуникативных умений:

- составлять план, предвосхищать достижение цели;
- подбирать и систематизировать контрольно-измерительные материалы;
- регулировать соотносительность смыслового содержания, языковой формы и стилистической оформленности речевых произведений;
- прогнозировать и корректировать выбор решений.

Тем самым когнитивный и регулятивный компоненты КИД определяют диагностическую, прогностическую и стабилизирующую функции контроля.

Для реализации когнитивно-коммуникативного подхода в обучении КИД студентов-лингвистов нами сформулированы следующие методические принципы [Матиенко, 2011, 2012 а, б]:

- принцип опоры на взаимосвязь когнитивного и коммуникативного потенциала личности;
- принцип восполняющего обучения и коррекции познавательного речевого опыта;
- принцип структурирования формы контроля в зависимости от содержания языкового материала (лексического, грамматического, текстового);
- принцип стратегии выбора формы контроля в аспекте культурообоснованного образования.

4. Заключение

Таким образом, контрольно-измерительная деятельность служит: 1) обогащению студентов опытом своей будущей профессии; 2) достижению вершин («акме») в развитии своей личности в процессе профессиональной деятельности; 3) переключению с одной позиции контрольно-измерительной деятельности на другие; 4) творческому самопроектированию себя как личности-профессионала. Становясь субъектом контрольно-измерительной деятельности, студент получает возможность взаимодействовать в нескольких знаковых системах, то есть в области нескольких языков. Реализация гуманистических идей в теории и практике обучения иностранным языкам предполагает признание индивидуальности обучающихся, организацию межличностного сотрудничества, повышение личной ответственности, формирование у студентов критического мышления в учебной и контрольно-измерительной деятельности.

Формирование контрольно-измерительной компетенции на основе когнитивно-коммуникативного подхода рассматривается как специальная цель обучения иностранному языку в вузе. Умение создавать и грамотно оформлять измерительные материалы своей умственной и коммуникативной деятельности в процессе изучения иностранного языка – важное условие развития личности будущего лингвиста, способностей согласования средств языка и механизмов речи.

При обучении контрольно-измерительной деятельности осуществляется овладение студентами-лингвистами целостной совокупностью современных подходов, принципов и методов осуществления такой деятельности, исследовательско-развивающим инструментарием и процедурами его использования. Ведущим подходом к контрольно-измерительной деятельности является когнитивно-коммуникативный подход. Соответственно, когнитивность – это процессуальность действия и наличие внутренних механизмов, обеспечивающих осуществление контроля с точки зрения постановки цели, готовности к выбору решения поставленной задачи и созна-

тельной его корректировки. Коммуникативность в нашем исследовании понимается как сложная мыслительная деятельность «языкопользования», обеспечивающая развитие языкового сознания до чувства уверенности или осознания точности выражения мысли.

Контрольно-измерительная деятельность является неотъемлемым структурным и функционально значимым компонентом речевой деятельности, в том числе и на иностранном языке. Взаимодействие его когнитивных и коммуникативных характеристик проявляет себя в связях языковой формы, норм её употребления в речи, действий внутренней речи и её механизмов (выбора и самоконтроля), а также обусловлено психофизиологическими состояниями мышления, памяти, воображения и внимания субъекта деятельности.

Основным методическим принципом, реализующим когнитивно-коммуникативный подход к обучению контрольно-измерительной деятельности, в нашем понимании, является принцип интеграции разнородных, но взаимосвязанных методов исследовательско-развивающего инструментария и процедур его использования в единое дидактическое целое.

Проектирование студентами моделей, алгоритмов тестовых заданий, ориентированных на формирование самоконтроля, обеспечивается структурированием дидактического материала в виде определённых модулей лингвистического языкового и коммуникативного содержания. Овладение содержательной и операционной сторонами контрольно-измерительной деятельности осуществляется на основе индивидуальных предпочтений, притязаний, саморегуляции и поведения конкретного студента.

Список литературы

1. Асмолов, А. Г. Системно-деятельностный подход к построению образовательных стандартов [Текст] / А. Г. Асмолов // Практика образования. – 2008. – № 2. – С. 9–14.
2. Барышников, Н. В. Коммуникативно-когнитивный подход к чтению [Текст] / Н. В. Барышников // Когнитивная методика обучения иностранным языкам в различных условиях. Лемпертовские научно-методические чтения–1. Сборник тезисов докладов / под ред. Н. В. Барышникова. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 1999. – С. 5–8.
3. Виноградова, Е. В. Лингво-когнитивные аспекты модели обучения иностранному языку [Текст] / Е. В. Виноградова // Обучение иностранным языкам: традиции и инновации: межвуз. сб. научных статей. – Пятигорск, 2001. – С. 54–60.
4. Гершунский, Б. С. Философия образования для XXI века (в поисках практико-ориентированных образовательных концепций) [Текст] / Б. С. Гершунский. – М. : Совершенство, 1998. – 608 с.
5. Гинзбург, М. Е. Универсальность как социальная характеристика выпускника вуза: социологический анализ [Текст]: автореф. дис. ... канд. соц. наук 22.00.06 / Гинзбург Мария Евгеньевна; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2005. – 17 с.

6. Матиенко, А. В. Предмет языкового тестирования с позиций когнитивно- коммуникативного подхода [Текст] / А. В. Матиенко // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 2. – С. 278–281.
7. Матиенко, А. В. Методическая концепция когнитивно-коммуникативного контроля в системе обучения иностранному языку студентов лингвистического вуза [Текст]: дис. ... д-ра пед. наук 13.00.02 / Матиенко Анжелика Валерьевна; Иркутский гос. лингв. ун-т. – Нижний Новгород, 2012 а. – 353 с.
8. Матиенко, А. В. Контрольно-измерительная деятельность как средство формирования профессиональных компетенций студентов [Электронный ресурс] / А. В. Матиенко // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири «Magister Dixit». – 2012 б. – № 4. – С. 221–226. – Режим доступа: http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/kontrolno-izmeritelna_ya_deyatelnost_matienko.doc.pdf.
9. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – М.: Академия, 1999. – 490 с.
10. Щепилова, А. В. Коммуникативно-когнитивный подход к обучению французскому языку как второму иностранному [Текст] / А. В. Щепилова. – М.: Просвещение, 2003. – 488 с.

References

1. Asmolov, A. G. (2008). Sistemno-deyatelnostniy podhod k postroeniyu obrazovatelnykh standartov [System-activity approach to the construction of educational standards]. *Praktika obrazovaniya* [Education Practice], 2, 9–14.
2. Bariyshnikov, N. V. (1999). Kommunikativno-kognitivniy podhod k chteniyu [Communicative and Cognitive Approach to Reading]. *Kognitivnaya metodika obuchenija inostrannym jazykam v razlichnykh usloviyakh. Lempertovskie nauchno-metodicheskie chteniya* [Cognitive methods of teaching foreign languages in different conditions. Lempertov Lectures. Abstracts of reports] (pp. 5–8). Pyatigorsk.
3. Vinogradova, E. V. (2001). Lingvo-kognitivnye aspekty modeli obucheniya inostrannomu yaziku [Linguistic and cognitive aspects of foreign language teaching models]. *Obuchenie inostrannym yazikam: traditsii i innovatsii* [Foreign languages: tradition and innovation. Collection of Scientific Articles] (pp. 54–60). Pyatigorsk.
4. Gershunskiy, B. S. (1998). *Filosofiya obrazovaniya dlya XXI veka (v poiskakh praktiko-orientirovannykh obrazovatel'nykh koncepcij)* [Philosophy of Education for the XXI century (in the search for practical-oriented educational concepts)]. Moscow: Sovershenstvo.
5. Ginzburg, M. E. (2005). *Universalnost' kak sotsialnaya harakteristika vypusknika vuza: sotsiologicheskii analiz* [Versatility as a Social Characteristic of University Graduates: Sociological analysis]. Author's abstract of PhD in Sociology diss. Ekaterinburg.
6. Matienko, A. V. (2011). Predmet yazykovogo testirovaniya s pozitivnykh kognitivno-kommunikativnogo podhoda [Language Testing Subject from the point of Cognitive Communicative Approach]. *Vestnik of Pyatigorsk State Linguistic University*, 2, 278–281.
7. Matienko, A. V. (2012 a). *Metodicheskaya kontseptziya kognitivno-kommunikativnogo kontrolya v sisteme obucheniya inostrannomu yaziku studentov*

- lingvisticheskogo vuza* [Methodical Concept of Cognitive-Communicative Assessment in a Foreign Language Learning System for Linguistic University's Students]. Dr. Pedagogical sci. diss. Nizhniy Novgorod.
8. Matienko, A. V. (2012 b). Kontrolno-izmeritelnaya deyatelnost' kak sredstvo formirovaniya professionalnykh kompetentziy studentov [Assessment Activities as a means of Students' Professional Competences Development]. *Scientific-Pedagogical Magazine of Eastern Siberia Magister Dixit*, 4, 221–226.
 9. Rubinshtein, S. L. (1999). *Problemy obshchei psikhologii* [Problems of General Psychology]. Moscow : Academy.
 10. Schepilova, A. V. (2003). *Kommunikativno-kognitivniy podhod k obucheniyu frantsuzskomu kak vtoromu inostrannomu yaziku* [Communicative and cognitive approach to teaching French as L2]. Moscow : Prosvescheniye.

UDC 81'27

УДК 81'27

Abdulmenem Hamdache**Holy Spirit University of Kaslik, Lebanon****Хамдаше Абдулменем****Университет Хоули Спирит, г. Каслик, Ливан**

e-mail: raycosta77@yahoo.com

**THE USE OF LOW DIGLOSSIA ON THE PARODY TV SHOWS
CHI.N.N. AND COPYCAT BY EDUCATED
FOLLOWERS ON FACEBOOK
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ПАРОДИЙНЫХ
ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ШОУ CHI.N.N. И COPYCAT
ОБРАЗОВАННЫМИ ПОДПИСЧИКАМИ
СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ FACEBOOK**

Abstract

Lebanese TV stations are crowded with comedy shows which reflect the status quo of the country's political, economical, and social woes. Based on surveys, one type of shows in particular has gained mainstream attention among the public and that is parody shows. Parody shows tend to present the bittersweet reality in sarcastic and satirical ways. According to ratings, one show has dominated all parody shows for the past four years in Lebanon and that is Chi.N.N. The show has quite an appeal among the Lebanese population because of the simple and ingenious language used by hosts which rallied thousands of fans on the show's Facebook page. Most followers on Facebook are educated but they tend to use low language when commenting. This paper aimed to analyze why educated followers of the show use low diglossia when commenting on Facebook. This research aimed to explore whether the use of low diglossia is related to linguistic competence or social status bond to show solidarity. Corpus linguistics was adopted in this study scanning for the most repeated words in followers' comments. Sayahi's Identity approach was implemented. Quantitative and qualitative approaches were adopted in this case study. Instrumentation carried out was manual count of the most repeated words in followers' comments. By the end of the study, results showed why educated followers use low diglossia and whether low diglossia hindered constructive discussion between parties.

Аннотация

Ливанские телевизионные станции переполнены комедийными шоу, отражающими текущие политические, экономические и социальные проблемы страны. Один из таких типов – шоу-пародия, основанное на социологических опросах, – привлёк внимание самой многочисленной аудитории. Шоу-пародии склонны представлять горести и радости повседневной жизни, прибегая к сарказму и сатире. Согласно рейтингам, одно из таких шоу – Chi.N.N. – занимает доминирующее положение, поскольку его ведущие используют простой бесхитростный язык, что привлекает тысячи фанатов на его

страницу на Фейсбуке. Большинство подписчиков – образованные люди, однако в своих комментариях на Фейсбуке они используют сниженную лексику. Цель настоящего исследования – изучить, связано ли такое использование с лингвистической компетенцией или же социальным обязательством демонстрировать солидарность. Для выявления наиболее частотных слов в комментариях подписчиков использовались методы корпусной лингвистики. Применялся подход социальной идентичности Саяхи. В изучении указанного феномена были задействованы методы количественного и качественного анализа. Подсчёты самых частотных слов в комментариях подписчиков проводились вручную. Результаты проведённого эксперимента показывают, почему подписчики используют сниженную лексику и препятствует ли она поддержанию конструктивной дискуссии между её участниками.

Keywords: low diglossia, high diglossia, societal bilingualism, parody show, educated followers, Facebook.

Ключевые слова: сниженная лексика, лексика официального стиля, билингвизм в обществе, шоу-пародия, образованные подписчики, Фейсбук.

1. Introduction

Diglossia as defined by C. A. Ferguson [Ferguson, 1959] is a relatively stable language situation, in which, in addition to the primary low variety dialects (non-prestige), there is a very high variety (prestige language) which is learned by formal education and is used for most written and formal spoken purposes but not for ordinary conversation. Taken in its original literal meaning, diglossia describes the coexistence of two words, i.e., vocabulary doublets, in a given language to refer to the same concept or entity.

Statement of the Problem

The hosts of Chi.N.N. use low variety dialect on the show. The show's educated Facebook followers emulate them by using low diglossia in posting comments which leads to the page being dominated by the less dominant socio-cultural group and eclipses the more dominant sociocultural group who are users of prestige language.

Purpose of the Study

This research aims to find out why educated followers of Chi.N.N. use low diglossia in expressing their views on the show's Facebook page.

Research Questions

The study attempts to answer the following questions.

1. Is low diglossia in Lebanon related to linguistic competence or societal competence in educated people?
2. To what extent does the difference in social status between hosts and followers play a role in using low diglossia on Lebanese TV?

3. How does writing the vernacular on Facebook play a role in social identity between Lebanese?

Hypothesis

The use of low diglossia by educated people on Facebook undermines the balance between H and L and hinders constructive discussion.

Literature Review

Diglossia is a characterization of linguistic organization at the socio-cultural level [Fishman, 1967]. J. A. Fishman argued that the term should be extended to include situations with separate languages provided they are in a complementary distribution. He distinguished between bilingualism, as the individual ability to use more than one language, and diglossia as the social aspect of the languages in use within the same speech community. According to A. Hudson [Hudson, 2002], social circumstances lead to the appearance of diglossia creating two varieties of the same language constituting diglossic code-switching. Diglossic code-switching refers to the act of juxtaposing the H and the L varieties of the same historical language during a communicative event [Sayahi, 2014]. Both the illiterate speakers, often the ones who are deprived of any possible gains associated with knowing the standard form, and the educated speakers share a negative perception of the vernacular. This is called the diglossia paradox. An educated person as defined by K. P. Mohanan [Mohan, 2005] is one who has undergone a process of learning that results in enhanced mental and thinking abilities involved in knowledge building and knowledge critiquing, and language abilities needed for clear, precise, and effective communication. In cases of bilingualism, the H variety is in fact the native language of the socio-cultural dominant group [Sayahi, 2014]. Societal bilingualism as defined by M. Clyne [Clyne, 1997] is the characteristic linguistic situation in a particular speech community in which more than one language is used. In this connection we can further distinguish between official bilingualism and de facto bilingualism. Societal bilingualism denotes the characteristic linguistic situation in a particular speech community in which more than one official language is used. De facto bilingualism refers to the difference between what is officially stated and what is the actual linguistic situation in a nation [Clyne, 1997]. Another concern rises which is the writing of the vernacular and its gradual acceptance, as an important milestone in the path towards resolving a diglossic situation. F. Coulmas [Coulmas, 2002, p. 62] rightfully postulated that “Writing of the vernacular is rarely explicitly acknowledged as an important factor in linguistic evolution.” The history of Spanish tells us that the shift from an H variety to an L variety in official writings would only happen when the difference between the two is such that the L variety is no longer perceived as a decayed form of the H variety but as a language of its own. In addition, a strong national and cultural identity needs to develop in order to open the door for adaptation of the L variety as the official

language of a state. L. Sayahi [Sayahi, 2014] states that only recently have the writing of the Arabic dialects and their use for literary production started to become tolerated, in large part thanks to the digital media. The emergence of several internet-based resources and websites that focus on promoting national Arabic vernaculars, with some referring to them as languages, are initial expressions of this linguistic identity that combines both nationalistic attitudes and an increased linguistic awareness of the legitimacy of the native vernacular as a symbol of identity. It is one thing to refer to an L variety as a dialect and another to call it a language in a society with a diglossic situation. An example is the Facebook page I Speak Tounsi “I speak Tunisian,” with some 12,000 followers. It is among the first to use the Tunisian L variety.

2. Present study

In this research, Sayahi’s identity and solidarity through using the low variety language on Facebook will be implemented.

2.1. Methodology

This research is an exploratory one. An exploratory research is conducted when researchers seek to learn about some little-known phenomenon by studying it in depth [Fraenkl and Wallen, 2008]. Corpus linguistics will be adopted in this study. Corpus linguistics studies language based on example of real life language use [McEnery & Wilson, 1996]. The corpus of this study is 140 comments posted by Facebook followers. 30 comments were excluded for not having education status on the followers’ profiles. CL looks for most repeated words and how these words existed with others in comments. The count is manual since software cannot detect written Arabic diglossic words. Microsoft Word and Excel were used to generate the figures in this research.

2.2. Data collection

Data are collected from comments from Facebook followers of one episode of the show. Comments considered for analysis are those posted during the period that separates two consecutive episodes which is one week.

2.3. Data analysis

Quantitative analysis of frequency of words in comments is done manually. It looks for the most used words which are strictly related to the hosts and topics discussed on the show and are used by followers. Qualitative analysis is the collocation of how these words exist with others in the comments. Out of the context collocations are excluded. The show is presented by six people who are: Salam, Fouad, Abed, Abbas, Abou Talal, and Juneid. It is an all-male cast. They represent different religions, sects, and regions. Fouad, Juneid, Abou Talal, and Abed are professional actors. No information on their educational backgrounds could be verified.

Host	Region
Salam	Beirut
Fouad	Achrafieh
Abed	Beirut
Abou Talal	Saida
Abbas	Dahyeh
Juneid	Alayh

Figure 1. Information about the hosts

2.4. Findings

The episode of the show on which the analysis is based discussed four topics:

- 1) the departure of one of the hosts (Salam);
- 2) Karma Khayat's tribunal;
- 3) food poisoning;
- 4) the new traffic law.

Fig. 2 shows the percentage of how much each topic was talked about among Facebook followers.

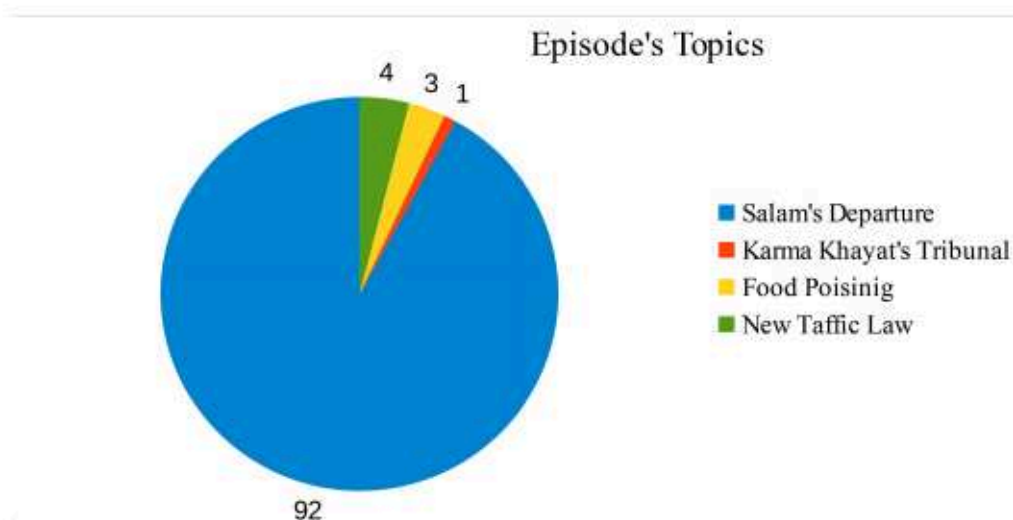

Figure 2. Information about the episode's topics

As shown in Figure 2, Salam's departure has an overwhelming percentage in comparison to the other three topics. This is mainly because Salam is the writer of the show and at the main host. His leaving the show has somewhat caused concerns among followers that the show might be canceled.

Fig. 3 shows the percentage of the most repeated written words by Facebook followers. As shown in Figure 3, host names were the most used by followers.

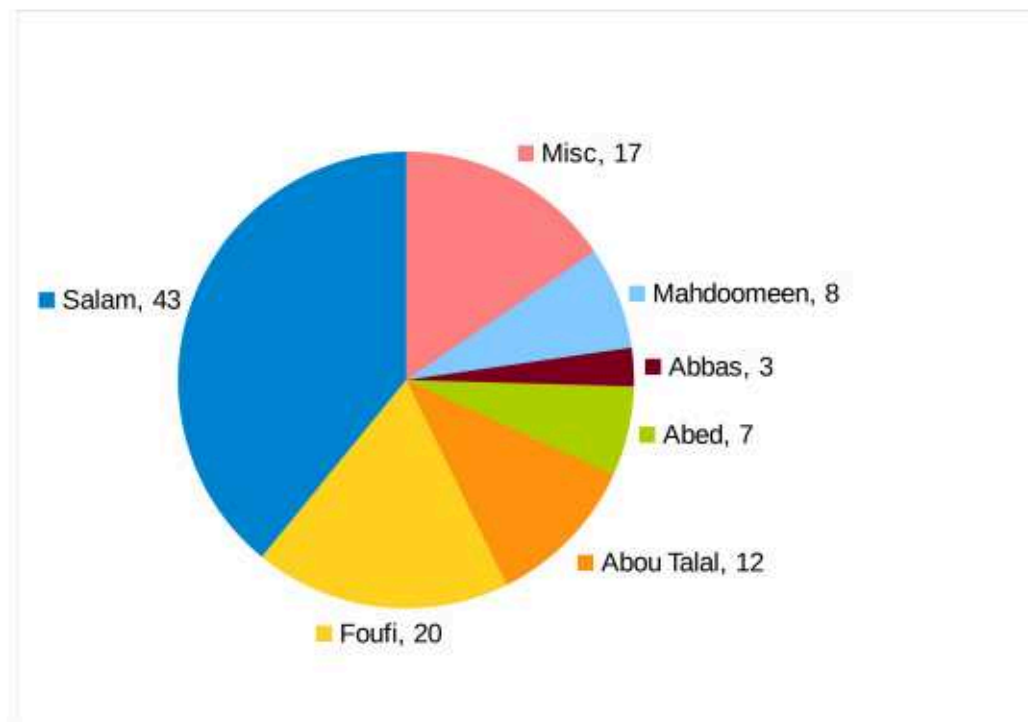

Figure 3. Percentages of most frequent words

Figure 4 displays some of the comments in Verbatim by followers. As shown in Figure 4, the majority of the followers used low variety specifically low diglossia and diglossic code-switching. English translation is provided in italics.

Figure 5 reflects the reason in percentage of why followers used low diglossia in their comments. As shown in Figure 5, 88% of followers used low variety to show solidarity with the show and the hosts. The categories were the result of a post written on the wall on the Facebook page of Chi.N.N. asking followers “why is it important for you to comment and in which language?”

Figure 6 represents the percentage of various forms of language used by followers. As shown in Figure 6, the final results show in numbers the percentages of each variety used on the show. Low variety dominates the chart despite the educational background of the followers.

3. Conclusion

By the end of the research, results showed that educated followers of Chi.N.N. used low diglossia to show solidarity and to identify with the social groups of hosts. A few percentage used low diglossia due to linguistic incompetence. Those who used H variety were followers living overseas and did not know Arabic or could not write it. From the comments, we can easily see that there is no constructive discussion or communication going on. This led the page to be controlled by the less dominant socio-cultural group and caused a rift with the dominant socio-cultural group users of high prestige language. This paper will hopefully help TV show creators to strike a balance between H and L users so they can receive constructive discussions and inputs

from their followers and be a melting pot of ideas and suggestions instead of lack of communication.

... ما بتفرق البقية مضمومين It doesn't matter they're all funny (Low diglossia)	بس اهم شي ما يفل عبد و عباس The main thing Abed and Abbas stay (Low diglossia)
استاذ سلام هو الاساس في البرنامج Mr.Salam is the essence of the show (High diglossia)	اه.... لكن انساه فوفي Ah, forget it about it Foufi (Low diglossia)
salaam maa taa yerja3!!! Akid haa mazhaa t2ilit Idam When Salam is coming!!!This must be one lousy joke (Low diglossia)	فوفي شو عملتلو لزعل Foufi, what did you do to upset him? (Low diglossia)
is this a joke?? (Bilingualism)	Brilliant (Bilingualism)
دايما بتقنني يا بو طلال...حبك انا You always convince me Abou Talal. Love ya (Low diglossia)	Abed is very smart and shows a lot of sense of humour! (Bilingualism)
لله معوا ابو طلال May Allah be with Abou Talal (Low diglossia)	must see !! (Bilingualism)
اهم شي عندي فؤاد صراحة هوي القصة كلها Most important to me is Fouad he's the real deal (Low diglossia)	بلا تخويت Stop fooling around (Low diglossia)

Figure 4. Some comments in verbatim by followers

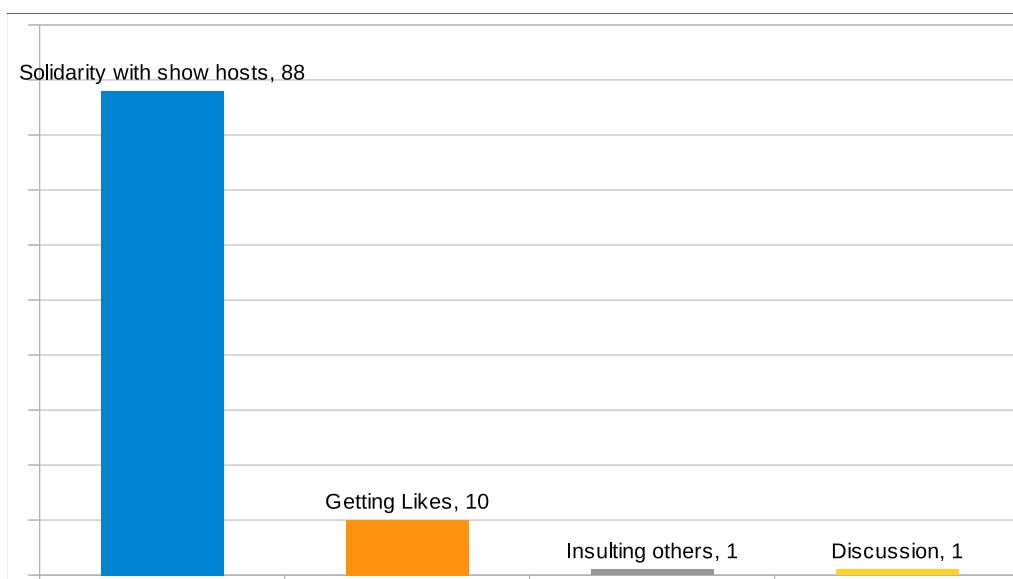

Figure 5. The reason followers used low variety

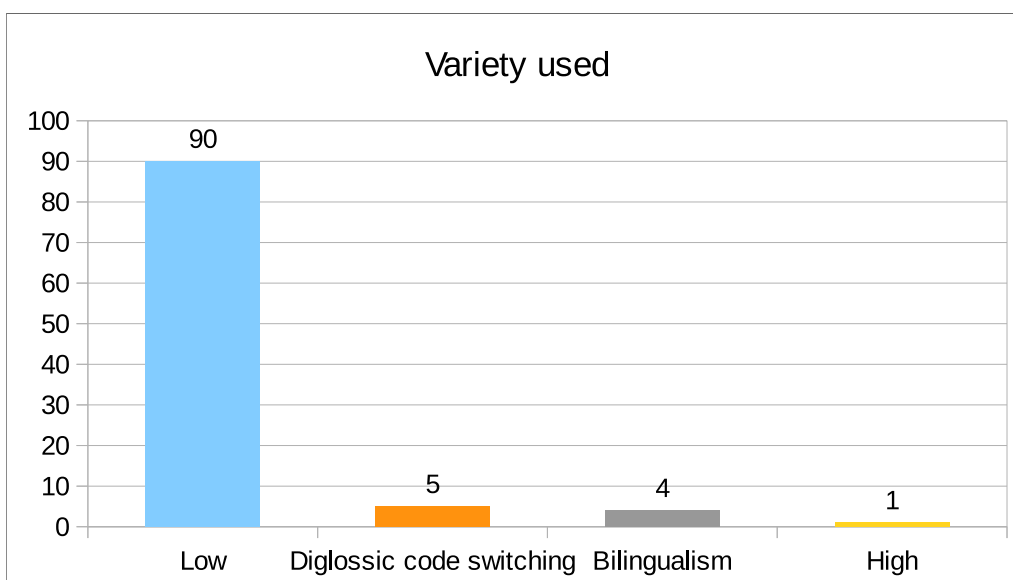

Figure 6. Final results of the language varieties

References

1. Clyne, M. (1980). Typology and Grammatical Convergence among Related Languages in Contact. *ITL Review of Applied Linguistics*, 49, 21–35.
2. Coulmas, F. (1997). *The Handbook of Sociolinguistics*. Oxford : Blackwell.
3. Ferguson, C. A. (1959). Diglossia. *Word*, 15, 232–251.
4. Fishman, J. A. (1967). Bilingualism with and without Diglossia; Diglossia with and without Bilingualism. *Journal of Social Issues*, 23 (2), 29–38.
5. Fraenkl, J., and Wallen, N. (2008). *How to Design and Evaluate Research in Education*. New York : McGraw Hill.

6. Hudson, A. (2002). Outline of a Theory of Diglossia. *International Journal of the Sociology of Language*, 157, 1–48.
7. McEnery, A., & Wilson, A. (1996). *Corpus Linguistics*. Edinburgh : Edinburgh University Press.
8. Mohanan, K. P. (2005). Who Is an Educated Person? Ingredients of Educatedness. *Center for Development of Teaching & Learning*. Retrieved from <http://www.cdtl.nus.edu.sg/publications/educated/who.htm>
9. Sayahi, L. (2014). *Diglossia and Language Contact: Language Variation and Change in North Africa*. Cambridge University Press.
10. Zaatari, S. (2015). *Chi.N.N. Show*. Beirut, Lebanon: Aljadeed TV. Retrieved from http://www.aljadeed.tv/arabic/program/chi_n_n

УДК 81'373**UDC 81'373**

Шипановская Людмила Михайловна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Ludmila M. Shipanovskaja
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: lshipanovskaya@mail.ru

Цзян Ин
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Jiang Ying
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: jy83626@163.com

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА
В КИТАЙСКИЙ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ
«СЛОВАРЯ КИТАЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ» ЛЮ ЧЖЭНЬЯНЯ,
ГАО МИНКАЯ, МАЙ ЮНЦЯНЯ, ШИ ЮЙВЭЯ, 1984 г.)**
**LEXICAL BORROWINGS FROM RUSSIAN TO CHINESE:
HISTORICAL ASPECT (BASED ON THE CHINESE DICTIONARY
OF BORROWED WORDS BY LIU ZHENGYAN, GAO MINGKAI,
MAI YONGQIAN, SHI YOUWEI, 1984)**

Аннотация

В статье анализируется лексика, заимствованная из русского языка в китайский литературный язык (путунхуа) в середине XX столетия, по данным «Словаря китайских заимствований». В хронологическом аспекте в ней представлены результаты анализа русских заимствований. На основании результатов исследования делается вывод о том, что заимствованная лексика отражает факты этнических контактов, политические, социальные, экономические и культурные связи между русским и китайским народами в середине XX в. Русские заимствования в китайский язык в этот исторический период являются результатом сложившихся благоприятных условий, способствовавших взаимодействию двух языков – русского и китайского. Дальнейшая судьба заимствованных слов обусловлена экстралингвистическими и собственно лингвистическими причинами.

Abstract

The current paper aims at analyzing lexical units borrowed from Russian to Mandarin Chinese in the middle of the XX century that were fixed in «The Dictionary of Chinese borrowed words». The results of Russian borrowings study are represented there in chronological aspect. The results of the study enable to conclude that those borrowed lexical units reflect the peculiarities of ethnic contacts, political, social, economic, and cultural

relations between the peoples of Russia and China in the middle of the XX century. Russian borrowings in Chinese in that time period are the result of the atmosphere conducive for the interaction of the two languages – Russian and Chinese. Further development of those borrowings is determined by both extralinguistic and purely linguistic factors.

Ключевые слова: архаизмы, историзмы, советизмы, заимствования, русский язык, китайский язык, способы заимствования, язык-донор, язык-реципиент.

Keywords: archaisms, historisms, sovietisms, borrowings, Russian, Chinese, types of borrowings, donor language, recipient language

1. Введение

В языкознании существуют различные толкования термина «заимствование». Традиционно заимствование понимается как «акт усвоения элементов другого языка» [Марузо, 1960]. Российский исследователь Л. П. Крысин обозначил основные проблемы заимствований: сущность заимствования; причины заимствования; разновидности иноязычных элементов; типы иноязычных слов как наиболее частотных заимствованных языковых единиц; признаки заимствованного слова; способы освоения слова в заимствующем языке [Крысин, 1996, с. 10]. Наиболее важными для нашего исследования являются вопросы о причинах заимствования, хронологии заимствований, принципах классификации иноязычных слов, способах их адаптации в языке-реципиенте, исторических судьбах заимствованных слов.

Проблема заимствований в современном китайском языке актуальна для лингвистики китайского языка. Лексический фонд китайского языка находится в процессе постоянного изменения. Одни слова выходят из употребления, появляются новые, пополняющие словарный состав языка. Появление новых слов происходит разными путями: путём прямого и непрямого заимствования из других языков или создания новых лексических единиц на основе ресурсов китайского языка.

Особенно вырос интерес к иностранным заимствованиям за последние десятилетия и даже за последние годы. Интерес к проблеме заимствования объясняется, во-первых, значительным увеличением удельного веса терминов в лексике любого языка, что вызвано развитием наук и специальных отраслей знания, во-вторых, расширением межъязыковых контактов в связи с возрастанием межгосударственных связей и отношений.

Существует обширная научная литература, посвящённая вопросам заимствований, решающая эти проблемы на материале самых различных языков. Имеются специальные работы по проблемам заимствований в китайском языке. Среди них работа Гао Минкя и Лю Чжэнъяня «Исследование заимствований в современном китайском языке», статья Чжан Цинюаня «Некоторые сведения, полученные в результате первичного анализа заимствований в современном китайском языке» и другие.

Предметом настоящей статьи являются лексические заимствования из русского языка в китайский в середине XX столетия, нашедшие

отражение в «Словаре китайских заимствований» Лю Чжэнъяня и соавторов. 1984 года издания.

Анализ заимствований в китайский язык основывается на учёте ряда положений о звуковом составе слов, о характере слога, особенностях лексико-семантической системы и графики самобытного китайского языка. Рассматривая особенности русских лексических заимствований в китайский язык, мы опирались на работы российских и зарубежных китаистов: В. И. Горелова, В. В. Иванова, А. Л. Семенас, Гао Минкай, Лю Чжэнъяня, Чжан Цинюаня и других.

Актуальность проблемы лексических заимствований из русского языка в китайский осознаётся многими отечественными и китайскими лингвистами: И. Д. Кленин, А. Л. Семенас, В. И. Горелов, И. А. Бодуэн де Куртене, В. М. Жирмунский, Гао Цзыжун, Чжан Индэ, Гао Минкай и другие.

Особенно вырос интерес к иностранным заимствованиям за последние десятилетия и даже за последние годы. Интерес к проблеме заимствования объясняется, во-первых, значительным увеличением удельного иноязычных слов в лексике любого языка, что вызвано развитием наук и специальных отраслей знания, во-вторых, расширением межъязыковых контактов в связи с возрастанием межгосударственных связей и отношений.

Изучение заимствований из русского языка в китайский имеет не только теоретическую, но и большую практическую значимость. Особое значение проблема заимствований приобретает в настоящее время в связи с языковыми контактами русского языка с китайским на приграничных территориях северо-востока Китая и России. Результаты таких контактов двух неродственных языков представляют новый материал, интересный в лингвистическом отношении.

Существуют разные способы заимствования иноязычных слов из одного языка в другой: устный и письменный. Заимствования устным путём происходят через устную речь. Заимствования письменным осуществляются через письменный перевод, средства массовой информации и другие каналы.

В работах отечественных лингвистов (Л. А. Семенас и др.) рассматриваются лексические заимствования в литературный китайский язык (путунхуа), во многих работах китайских исследователей (Ван Эньюй, Сюй Лайди и др.) анализируются не только заимствования в литературный язык, но и лексические заимствования в устную речь (северо-восточные диалекты китайского языка).

Лексические заимствования из русского языка в китайский (литературный и диалектный язык) различаются. Большинство заимствований из русского языка в диалекты представлены бытовой лексикой, а заимствования в литературный китайский язык – книжной лексикой: это термины экономики, политики, военного дела, искусства, культуры, науки, техники и так далее. В основном, современные исследования строятся на основе заимствований из английского языка. Сравните, например, раздел книги А. Л. Семенас «Лексика китайского языка» (Семенас, 2000, с. 210–224), в котором приводятся примеры заимствований книжных слов в основном из современного английского языка «в его американском варианте»: кит.

沙丁鱼 *shadingyu* (сардина) образовано с помощью англ. «sardine» + 鱼 «рыба»; кит. 吉普车 *jipuche* (джип) образовано при помощи англ. «jeep» + 车 «машина» и под. [Семенас, 2000, с. 220, 221].

Лексические заимствования из русского языка в китайский исследованы в меньшей степени. Вот почему проблема заимствований из русского языка – донора в китайский язык представляется весьма важной и нужной.

2. Переход русских заимствований в китайский язык

Входя в китайский язык, русские лексические единицы подвергаются значительной трансформации в соответствии графической, фонетической, грамматической и лексико-семантической системами китайского языка. Только в результате такого переоформления они входят в китайский язык. Кроме того, русские заимствования, как и другие, подчиняются общим законам развития словарного состава языка: в определённый период времени они живут и функционируют в языке, затем в результате разных причин устаревают и уходят в пассивный запас, а впоследствии утрачиваются и заменяются другими словами.

Количество русских заимствований в китайский отражают словари китайского языка и, в частности «Словарь китайских заимствований» автора Лю Чжэньяня 1984 года издания.

Лю Чжэньян (род. 1923 г.) – известный китайский лингвист. Его словарь отражает иностранные заимствования в китайский язык из разных языков-доноров: английского, русского, французского, японского. Словарь содержит около 10000 лексических единиц, заимствованных в том числе из русского языка в китайский в период середины XX в. и отражает исторические изменения в них.

Рассмотрим русские заимствования в словаре Лю Чжэньяня и соавторов. Из словаря были выписаны примеры следующих заимствований из русского языка: *берданка, богатырь, большевик, борщ, боярин, блат, ВАПП, вермут, вершок, верста, вервь, ВЧК, Госплан, гопак, гуцулка, гусли, дача, Дума, ералаш, Запорожская сечь, Иван-Купала, кагор, казак, кама-ринская, кантарь, капрон, катюша, кацап, кириллица, кисель, коверкот, комбинат, комиссар, Коминтерн, комсомол, комсомолка, колхоз, коряга, краковяк, ЛАПП, ЛЕФ, малиновка, марксизм-ленинизм, монпасье, меньшевик, мир, метелица, молоко, москаль, ногата, НЭП, нэпман, огневая точка, паёк, рало, ранетка, самовар, сарафан, сенат, сибирка, совхоз, союз, спутник, станица, сударь, сударыня, товарищ, трактор, трембита, трепак, Троицын день, троцкист, улус, ура, финка, царь, червонец, шапка, шкалик, штоф, Юрьев день, ЯК* и другие.

Исследователи отмечают, что «узловой проблемой лексикологии и семасиологии является анализ четырёх крупных группировок или макро-систем словарного состава языка: лексико-грамматической, лексико-стилистической, лексико-тематической и лексико-семантической» [Березин, Головин, 1979, с. 583].

Рассматривая лексико-тематическую систему, они выделяют в лексике множество тематических группировок слов, отмечая при этом, что лексико-тематическая система, или группа, – одно из древнейших объединений, выявленных человеком в языке и наиболее изученных в словарном составе, пожалуй, всех развитых литературных языков. Выделение лексико-тематической группы основывается на «системности окружающей действительности», которая «проявляется в различных группировках слов, объединяемых в лексико-тематические группы на основании общности обозначаемых ими реалий по сходству, смежности, назначению, устройству, функции и т. д.» [Алефиренко, 2004, с. 120].

Каждая из групп лексики, заимствованная любым языком в тот или иной период его развития из других языков, несёт в своих значениях указание на определённую специфику культуры данного народа, особенности его обычаев и истории, его менталитета и культуры. Функционируя в другом языке, такие слова, обозначая соответствующее понятие, как бы транслируют кусочек иной культуры» [Вань Шаньшань, 2006, с. 9].

3. Заимствования, отражённые в «Словаре китайских заимствований» Лю Чжэньяня 1984 г.

В результате анализа иноязычных слов из «Словаря китайских заимствований» Лю Чжэньяня 1984 г.) были выделены следующие слова, заимствованные из русского языка и через его посредство и функционировавшие в китайском языке в середине XX в. Они представлены такими лексико-тематическими группами, как: наименования продуктов питания, блюд и напитков; наименования одежды, обуви; наименования музыкальных инструментов; наименования военного оружия (в т. ч. военной техники), общественно-политическая лексика; наименования единиц измерения (денежных, длины / ширины, площади и др.) и другие. Всего нами выделено 11 таких лексико-тематических групп:

1) продукты питания, блюда и напитки: *борщ, вермут, кагор, кисель, малиновка, монпансье*;

2) одежда, обувь: *казакин, сарафан, сибирка, финка, шапка*;

3) музыкальные инструменты: *гусли, трембита*;

4) народные танцы: *гопак, камаринская, краковяк, трепак*;

5) разного рода оружие (в т. ч. военная техника): *берданка, катюша, огневая точка, ЯК* (название вида самолёта);

6) общественно-политические понятия: *большевик, ВЧК, Коминтерн, комиссар, комсомол, комсомолка, колхоз, марксизм-ленинизм, меньшевик, НЭП, нэпман, совхоз, троцкист*;

7) единицы измерения (денежные, длина / ширина, площадь и др.): *вершок, верста, кантарь, ногата, червонец, шкалик, штоф*;

8) традиционные христианские праздники: *Иван-Купала, Троицын день, Юрьев день*;

9) исторические реалии прошлого: *боярин, вервь, Запорожская сечь, мир, молокане, рало, царь*;

10) аббревиатуры советского времени: *ВАПП, ВЧК, ЛАПП, ЛЕФ*;

11) лица по их социальному и другому положению: *кацап, комиссар, москаль, нэпман, сударь, сударыня, товарищ* и другие.

В большинстве случаев заимствованные из русского языка слова имеют в языке-реципиенте такие же значения, как в языке-доноре. Например, в современном русском языке *берданка* является историзмом, употребляется в значении термина «военное и охотничье ружье» [Словарь современного..., 1948, с. 393]. В китайский язык заимствовано в том же значении. Имеет помету «истор.» [Лю Чжэнъянь et al., 1984, с. 48].

В современном русском языке *богатырь* – многозначное слово, одно из значений «силач; человек большого и крепкого сложения» [Словарь современного..., 1948, с. 532]. Китайский язык заимствовал именно это значение. Первое значение русской лексики *богатырь* «герой русских былин и сказок, отличающийся физической силой, умом, красотой и удалью», в китайском языке отсутствует. Для передачи этого значения китайский использует свои национальные слова: *yongshi, yingxiong*.

Верста – «старинная русская мера длины, равная 1.06 км.» [Даль, 1978, с. 181]. В современном русском языке слово является архаизмом. В китайский язык слово вошло в том же значении и имеет помету «*jīu*» – стар. древ.

Устаревшими заимствованиями являются и другие русские слова: *берданка, большевик, бояре, боярин, ВАПП, вервь, ВЧК, гусли, Запорожская сечь, казакин, кантарь, Коминтерн, комсомол, комсомолка, колхоз, ЛАПП, ЛЕФ, марксизм-ленинизм, молоко, меньшевик, мир, НЭП, нэпман, рало, сибирка, совхоз, сударь, сударыня, троцкист, финка, царь*. Поясним лексические значения некоторых из них: *большевик* – «член большевистской партии (первоначально член революционного большинства Российской социал-демократической рабочей партии, возглавляемого В. И. Лениным); последователь большевизма, коммунист» [Словарь русского..., 1981, с. 106]; *вервь* – «стар. подразделение общины, куда вступали по воле за круговой порукой, род артели, главнейше для уплаты князю дикой виры, или за убийцу, которого вервь не хотела выдать» [Даль, 1978, с. 179]; *казакин* – «старинное мужское верхнее платье в виде короткого кафтана на крючках, со сборками сзади» [Словарь, 1982, с. 13]; *кантарь* – «стар. род безмена» [Даль, 1979, с. 152]; *меньшевик* – «последователь меньшевизма, член меньшевистской партии» [Словарь, 1982, с. 251]; *мир* – «община, общество крестьян» [Даль, 1979, с. 330]; *сибирка* – «короткий кафтан, чекмень с перехватом и с сборами, неразрезной сзади, а спереди на мелких пуговках или застежках, нередко с меховой опушкой и с невысоким, стоячим воротником» [Даль, 1980, с. 180].

Много в словаре слов-советизмов, характеризующих предметы, явления, общественные объединения людей и так далее советской эпохи: *большевик, ВАПП, ВЧК, колхоз, комиссар, Коминтерн, комсомол, комсомолка, ЛАПП, ЛеФ, марксизм-ленинизм, меньшевик, НЭП, нэпман, РАПП, совхоз, троцкист* и другие. Среди них много аббревиатур: *ВАПП, ВЧК, Коминтерн, ЛАПП, ЛеФ, НЭП, РАПП* и другие: *ВАПП* (Всероссийская ассоциация про-

летарских писателей), ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем), Коминтерн (Коммунистический интернационал), ЛАПП (Ленинградская ассоциация пролетарских писателей), ЛеФ (Левый Фронт искусства), НЭП (Новая экономическая политика), РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей).

Лексические заимствования из русского языка в китайский середины XX в. являются маркированными в семантическом отношении: они характеризуют главным образом явления советской эпохи. Эти слова называют почти все сферы бытовой, политической, экономической, культурной и социальной жизни СССР.

Лексические заимствования этого периода были обусловлены экстралингвистическими причинами: характером отношений КНР и СССР. В этот период русская лексика и советская культура были образцом для китайского общества.

Китай в 1949 выбрал коммунистический блок в качестве образца развития общества, с ним он имел одинаковую идеологию и близкую социальную ситуацию. С 1950 по 1960 гг. КНР и СССР сотрудничали в различных областях жизни: политике, экономике, культуре, образовании и так далее. Именно этим и объясняется большое количество заимствований из русского языка в китайский в это время.

Как отмечают китайские исследователи, до XXI в. в китайском языке было 405 русских заимствованных слов, и более 90% из них вошли в китайский язык в течение 1950–1960 гг. [Лю Чжэньян *et al.*, 1984]. Среди этих слов были: политическая и военная лексика: *большевик*, *КГБ*, «*катюша*» (реактивная установка); культурная лексика: *кириллица*, *семинар* и другие; технические слова и термины советского строя: *трактор*, *колхоз*, *комсомол*, *совхоз* и другие; повседневная лексика: *хлеб*, *квас*, *платье*, *ура*, *рубль* и другие [Лю Чжэньян *et al.*, 1984, с. 6].

4. Судьба русских заимствований в китайском языке

По данным М. Лукьяненко, русские заимствованные слова в китайском языке с течением времени претерпели изменения: одни из них сохранились и активно употребляются в речи людей: *большевик*, *дума*, *катюша*, *меньшевик*, *сарафан* и другие. Другие слова перестали употребляться: *берданка*, *верста*, *гопак*, *казакин*, *кантарь*, *сибирка*, *совхоз*, *троцкист*, *финка*, *червонец* и другие [Гун Лэй, 2015].

Причины утраты русских заимствований середины XX в. разные. Во-первых, экстралингвистические (внеязыковые) – осложнение отношений между КНР и СССР в 60-е годы XX в. В результате в КНР утрачивается интерес к СССР и русскому языку, который повсеместно вытесняется английским языком. Во-вторых, сокращение количества русских слов было вызвано развитием самой языковой системы китайского языка: китайцы постепенно придумали новые, чисто китайские варианты, вытеснившие русские заимствования. «Китайский язык не любит включать заимствованные слова в их чисто фонетическом виде» [Гун Лэй, 2015]. Как правило,

фонетическая форма слова в китайском языке с его иероглифической письменностью всегда связана с иероглифом, имеющим конкретное лексическое значение. В заимствованных словах этого нет. Для китайца «каждый слог, обозначенный тем или иным иероглифом, является не только фонетической, но и смысловой единицей. Использование иероглифов для записи звуковых заимствований, так или иначе, ведёт к потере ясной внутренней мотивировки термина, возникшего в иноязычной среде. Вследствие этого он становится трудным для понимания, запоминания и даже для произношения» [Горелов, 1984, с. 144].

В лексических заимствованиях из русского языка, имеющим буквенную графику, буквы не являются носителями лексического значения. Но, тем не менее, многие слова из русского языка в китайский, по данным «Словаря китайских заимствований» Лю Чжэнъяня и соавторов, были заимствованы именно фонетическим способом: *блат*, *большевик*, *дача*, *дума*, *гусли*, *катюша*, *меньшевик*, *сарафан*, *сибирка*, *союз*, *спутник*, *сударь* и др. *блат* – *bolate*, *большевик* – *buershiweike*, *меньшевик* – *mengshiweike*, *дача* – *daqia*, *дума* – *duma*, *гусли* – *gusili*, *катюша* – *kaqiusha*, *сарафан* – *salafan*, *союз* – *shayouzi*, *спутник* – *siputenike*, *сударь* – *cudali*, *сибирка* – *xibierka*.

5. Способы образования заимствований

Русские заимствования, отмеченные в «Словаре китайских заимствований» Лю Чжэнъяня и соавторов, вошли в китайский язык с помощью разных способов: фонетического, семантического, семантически-фонетического.

1. Фонетический способ заимствования.

При фонетическом заимствовании воспроизводится внешняя форма, звуковая оболочка иностранного слова. При этом в процессе усвоения иноязычного слова китайский язык устраняет несвойственные ему звуки, чуждые фонетические особенности, приспособляя эти слова к своим звуковым нормам. Степень звукового освоения (или фонетической адаптации) может быть различной: полной и неполной (частичной).

Полное фонетическое заимствование наблюдается при совпадении звучания слова в русском и китайском языках. Сюда относятся большинство слов-заимствований: *блат* – *bolate*, *большевик* – *buershiweike*, *меньшевик* – *mengshiweike*, *дача* – *daqia*, *дума* – *duma*, *гусли* – *gusili*, *катюша* – *kaqiusha*, *сарафан* – *salafan*, *союз* – *shayouzi*, *спутник* – *siputenike*, *сударь* – *cudali*, *сибирка* – *xibierka* и другие.

В приведённых примерах отмечается процесс вокализации: вставка гласного между согласными и в абсолютном конце слова, замена звуков и так далее.

Под частичным (неполным) фонетическим заимствованием понимается частичная передача русского звучания слова в китайский язык: *кама-ринская* – *katalin*, *комбинат* – *kangbingna*, *трактор* – *tuolaji*, *самовар* – *shatowa* и другие, сопровождающаяся также процессом вокализации.

2. При фонетико-семантическом заимствовании русских слов в китайский язык наблюдается гибридное использование компонентов взаимодействующих языков – русского и китайского:

а) полная транслитерация русского звучания корня + семантическая морфема китайского языка. Например: 卡戈尔酒 *kageerjiu* «кагор»: *kageer* полная транслитерация + семантическая морфема 酒 *jiu* – «алкоголь»; 维尔木特酒 *weiermutejiu* «вермут»: *weiermute* полная транслитерация + семантическая морфема 酒 *jiu* – «алкоголь»; 特列帕克舞 *teliepakewu* «трепак»: *teliepake* полная транслитерация + семантическая морфема 舞 *wu* – «танец»; 哥巴克舞 *gebakewu* «гопак»: *gebake* полная транслитерация + семантическая морфема 舞 *wu* – «танец»; 博尔食汤 *boershitang* «борщ»: *boershi* полная транслитерация + семантическая морфема 汤 *tang* – «суп»; 芬卡帽 *fenkamao* «финка»: *fenka* полная транслитерация + семантическая морфема 帽 *mao* – «шапка»; 勒涅特克苹果 *lenietekepingguo* «ранетка»: *lenieteke* полная транслитерация + семантическая морфема 苹果 *pingguo* – «яблоко»;

б) частичная транслитерация русского звучания корня + семантическая морфема китайского языка. Например: 马林果酒 *malinguojiu* «малиновка»: образовано с помощью частичной транслитерации *maling* + семантическая морфема 酒 *jiu* – «алкоголь»; 古楚尔舞 *guchuerwu* «гуцулка в значении "танец"»: образовано с помощью частичной транслитерации *guchuer* + семантическая морфема 舞 *wu* – «танец»; 基里尔字母 *jilierzimu* «кириллица»: образовано с помощью частичной транслитерации *jilier* + семантическая морфема 字母 *zimu* – «буква».

Как правило, семантическая морфема китайского языка обозначает родовое понятие: алкоголь, головной убор, суп, танец, яблоко и так далее.

Некоторые исследователи отмечают тенденцию утраты семантической морфемы в заимствованиях. Так, исследователь А. Л. Семенас пишет, что «родовое слово является избыточным, излишним, так как оно не вносит ничего нового в семантику слова, а лишь уточняет значение фонетического заимствования. Поэтому некоторые иностранные заимствования данного типа при длительном употреблении обнаруживают тенденцию к утрате родового слова и превращению в чистое фонетическое заимствование» [Семенас, 2000, с. 221]. Думается, что этот процесс охватывает не все заимствования, так как наличие родового слова делает заимствования более понятными, ясными для носителя китайского языка, поскольку оно вводит слова в определенные семантические классы, что очень важно для носителя китайского языка.

3. При семантическом способе заимствования некоторые русские слова транслитерируются в китайский с учётом семантики их значений. На выбор соответствующего иероглифа в китайском языке оказывает влияние не только звучание слова, но и его семантика. Например, рус. трактор транслитерируется в китайский язык следующим способом: «тянуть» + «машина», рус. Коминтерн транслитерируется «полезно» + «народы» + «объединять» и так далее.

6. Выводы

Таким образом, анализ заимствований из русского языка в китайский, по данным «Словаря китайских заимствований» Лю Чжэньяня и

соавторов, свидетельствует о том, что заимствования связаны с определённой эпохой, конкретным временем. Заимствованная лексика отражает факты этнических контактов, политические, социальные, экономические и культурные связи между русским и китайским народами в середине XX в. Русские заимствования в китайский язык в этот исторический период представляют собой не столько результат территориального контактирования языков, сколько результат сложившихся благоприятных условий, способствовавших взаимодействию языков: в КНР была создана благоприятная почва для заимствований из русского языка, и китайское общество было расположено к принятию русских слов как единиц межкультурной коммуникации. Исторические изменения в лексических заимствованиях из русского языка в китайский углубляют научное представление о характере иноязычных заимствований, а высокая степень самобытности китайского языка обуславливает их приспособление и судьбу в китайском языке.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Теория языка. Вводный курс [Текст] / Н. Ф. Алефиренко. – М., 2004. – 368 с.
2. Березин, Ф. М. Общее языкознание [Текст] / Ф. М. Березин, Б. Н. Головин. – М.: Просвещение, 1979. – 416 с.
3. Вань Шаньшань. Русская и китайская картины мира (на материале заимствованных слов): уч. пособие [Текст] / Вань Шаньшань. – СПб., 2006.
4. Горелов, В. И. Лексикология китайского языка [Текст] / В. И. Горелов. – М.: Просвещение, 1984. – 217 с.
5. Гун Лэй. Процесс развития русских заимствованных слов в китайской лексике (в историческом аспекте) [Текст] / Гун Лэй // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 9–2. С. 21–25.
6. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [Текст] / В. Даль – Т. 1. А–З. – М.: Русский язык, 1978. – 699 с.
7. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [Текст] / В. Даль – Т. 4. Р–У. – М.: Русский язык, 1980. – 683 с.
8. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [Текст] / В. Даль – Т. 2. И–О. – М.: Русский язык, 1979. – 779 с.
9. Крысин, Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни [Текст] / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия. – М., 1996. – С. 142–161.
10. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов [Текст] / Ж. Марузо. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 439 с.
11. Семенас, А. Л. Лексика китайского языка [Текст] / А. Л. Семенас. – М.: ИД «Муравей», 2000. – 320 с.
12. Словарь русского языка: в 4-х т. [Текст]. – Т. 1. А–Й / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. – М.: АН СССР, Ин-т рус.яз., 1981. – 698 с.
13. Словарь русского языка: в 4-х т. [Текст]. – Т. 2. К–О. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1982. – 736 с.

14. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. [Текст]. – Т. 1. А–Б. – М–Л: Академия наук СССР. Институт русского языка: Изд-во Академии наук СССР, 1948. – 736 с.
15. 刘正琰, 高名凯, 麦永乾, 史有为. 汉语外来词词典. 上海辞书出版社, 1984, 422 页. [Словарь китайских заимствований [Текст] / Лю Чжэньян, Гао Минкай, Май Юн, Ши Юйвэй. – Шанхай: «Изд-во словарей», 1984. – 422 с.].

References

1. Alefirenko, N. F. (2004). *Teorija jazyka. Vvodnyj kurs* [Language theory. Introductory course]. Moscow.
2. Berezin, F. M., Golovin, B. N. (1979). *Obshhee jazykoznanie* [General language studies]. Moscow: Prosveshhenie.
3. Van' Shan'shan'. (2006). *Russkaja i kitajskaja kartiny mira (na materiale zaimstvovannyh slov): uch. posobie* [Russian and Chinese picture of the world (based on borrowed words): A Handbook]. St.-Petersburg.
4. Gorelov, V. I. (1984). *Leksikologija kitajskogo jazyka* [Chinese lexicology]. Moscow: Prosveshhenie.
5. Gun Ljej. (2015). Process razvitija russkih zaimstvovannyh slov v kitajskoj leksike (v istoricheskom aspekte) [The process of Russian borrowings development in Chinese lexical level (Historical aspect)]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [Challenging Issues of Humanities and Sciences], 9–2, 21–25
6. Dal', V. (1978). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka* [The Explanatory Dictionary of Currently Functioning Great Russian Language]. Vol. 1. A–Z. Moscow: Russkij jazyk.
7. Dal', V. (1980). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka* [The Explanatory Dictionary of Currently Functioning Great Russian Language]. Vol. 4. R–V. Moscow: Russkij jazyk.
8. Dal', V. (1979). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka* [The Explanatory Dictionary of Currently Functioning Great Russian Language]. Vol. 2. I–O. Moscow: Russkij jazyk.
9. Krysin, L. P. (1996). Inojazychnoe slovo v kontekste sovremennoj obshhestvennoj zhizni [A foreign word in the context of modern social life]. *Russkij jazyk konca XX stoletija* [The Russian Language at the End of the XX Century] (pp. 142–161). Moscow.
10. Maruzo, Zh. (1960). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [The Dictionary of linguistic terms]. M.: Foreign Literature Press.
11. Semenas, A. L. (2000). *Leksika kitajskogo jazyka* [Chinese lexical units]. Moscow: «Muravej» Publishing House.
12. Slovar' russkogo jazyka: v 4-h t. [The Dictionary of the Russian Language: In 4 volumes] (1981). Ed. by A. P. Evgen'evoj. 2nd edition, corrected. Vol. 1. A–J. The Academy of Sciences of the USSR, the Institute of the Russian Language.
13. Slovar' russkogo jazyka: V 4-h t. [The Dictionary of the Russian Language: In 4 volumes] (1982). Ed. by A. P. Evgen'evoj. 2nd edition, corrected, with additions. Vol. 2. K–O. Moscow: The Russian Language.

14. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: V 17 t. [The Dictionary of the Contemporary Russian Literary Language: In 17 volumes] (1948). Vol. 1. A–B. Moscow–Leningrad : The Academy of Sciences of the USSR, the Institute of the Russian Language: Academy of Sciences Press.
15. Liu Zhengyan, Gao Mingkai, Mai Yongqian, Shi Youwei. (1984). *Han Yu Wai Lai Ci Ci Dian. Shang Hai Ci Shu Chu Ban She* [The Chinese Dictionary of Borrowed Words]. Lexicography Press, Shanghai.

Наши авторы

Аламшоев Шервоншо Мукбилшоевич, аспирант Института лингвистических исследований Российской Академии Наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: sh.alamshoev@mail.ru

Андросова, Светлана Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: androsova_s@mail.ru

Бурыкин Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Словарного отдела Института лингвистических исследований Российской Академии Наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: albury@rambler.ru

Ворон Анастасия Андреевна, студент филологического факультета Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: chucha98voron@gmail.ru

Гусева, Светлана Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: s_guseva@mail.ru

Иванашко Юлия Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: polia-80@mail.ru

Клепиковская Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего и германского языкознания Северного арктического федерального университета, г. Северодвинск, Российская Федерация, e-mail: ddiamond-71@yandex.ru

Кравец Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: t_kravetc@mail.ru

Матиенко Анжелика Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков, Северо-Западный институт управления ФГБОУ ВО "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации", г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: ideal_ideal@mail.ru

Облякова Евгения Александровна, студент филологического факультета Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: vip.zhenya.oblyakova@mail.ru

Хамдаше Абдулменем, магистр искусств, университет Хоули Спирит, г. Каслик, Ливан, e-mail: raycosta77@yahoo.com

Цзян Ин, аспирант Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация ; г. Хэйхэ, КНР, e-mail: jy83626@163.com

Шипановская Людмила Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: lshipanovskaya@mail.ru

Our authors

Shervonsho M. Alamshoev, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: sh.alamshoev@mail.ru

Svetlana V. Androsova, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: androsova_s@mail.ru

Alexis A. Burykin, Doctor of Philology, senior researcher, Department of Lexicography, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: albury@rambler.ru

Anastasia A. Voron, Bachelor student, Department of Linguistics, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: chucha98voron@gmail.ru

Svetlana I. Guseva, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: s_guseva@mail.ru

Yulia P. Ivanashko, PhD in Philology, Associate professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, e-mail: polia-80@mail.ru

Klepikovskaya Natalia Vladimirovna, PhD in Philology, Senior Lecturer, Department of General and German Linguistics, Northern Arctic Federal University, Severodvinsk, Russian Federation, e-mail: ddiamond-71@yandex.ru

Tatyana V. Kravets, PhD in Philology, Associate professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, e-mail: t_kravetc@mail.ru

Anzhelika V. Matienko, PhD in Philology, Assistant Professor, Head of the Foreign Languages Department, North-West Institute of Management of the Russian Federation Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St-Petersburg, Russian Federation, e-mail: ideal_ideal@mail.ru

Evgenia A. Obliakova, Bachelor student, Department of Linguistics, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: vip.zhenya.oblyakova@mail.ru

Abdulmenem Hamdache, Master of Arts, Holy Spirit University of Kaslik, Lebanon, e-mail: raycosta77@yahoo.com

Jiang Ying, PhD student, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation ; Heihe, China, e-mail: jy83626@163.com

Ludmila M. Shipanovskaja, PhD in Philology, Professor, Department of the Russian Language and Speech Communication, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: lshipanovskaya@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>Бурыкин А. А.</i>	Теоретик во всём. К 80-летию А. С. Герда	5
<i>Алаишоев Ш. М.</i>	Адвербиальные фразеологические единицы в шугнанском языке	26
<i>Ворон А. А., Облякова Е. А., Гусева С. И., Андросова С. В.</i>	Паузальное членение квазиспонтанной разговорной речи носителей амурской разновидности дальневосточного региолекта русского языка	37
<i>Иванашко Ю. П.</i>	К вопросу о системном сдвиге гласных британского варианта английского языка	58
<i>Клепиковская Н. В.</i>	К вопросу о структурно-семантических признаках технического термина	70
<i>Кравец Т. В.</i>	Языковая политика в формировании этнической идентичности в области дошкольного образования (на примере функционирования эвенкийского языка в РФ и языков национальных меньшинств в Германии)	78
<i>Матиенко А. В.</i>	Формирование языковой личности в процессе обучения контрольно-измерительной деятельности	93
<i>Хамдаше А.</i>	Использование сниженной лексики в пародийных телевизионных шоу Chi.N.N. и Copusat образованными подписчиками социальной сети Facebook	103
<i>Шипановская Л. М., Цзян Ин</i>	Лексические заимствования из русского языка в китайский: исторический аспект (на материале «Словаря китайских заимствований» Лю Чжэньяня, Гао Минкая, Май Юнцзяня, Ши Юйвэя, 1984 г.)	112
<i>Информация об авторах</i>		124

CONTENTS

Original Papers

<i>Burykin A. A.</i>	Theorist in everything. To the 80th anniversary of Alexander S. Heard	5
<i>Alamshoev Sh. M.</i>	Adverbial phraseological units in the Shugni language	26
<i>Voron A. A., Obliakova E. A., Guseva S. I., Androsova S. V.</i>	Pauses in quasi-spontaneous colloquial speech of the variety of the Far-eastern regional accent of the Russian language	37
<i>Ivanashko Yu. P.</i>	Some shifts in the system of British vowels	58
<i>Klepikovskaya N. V.</i>	To the question of structural and semantic features of technical term	70
<i>Kravets T. V.</i>	Language policy in the formation of ethnic identity in preschool education (on the example of the Evenki language in Russian and languages of national minorities in Germany)	78
<i>Matienko A. V.</i>	Formation of the lingual identity in the assessment activities' learning process	93
<i>Hamdache A.</i>	The use of low diglossia on the parody TV shows Chi.N.N. and Copycat by educated followers on Facebook	103
<i>Shipanovskaja L. M., Jiang Ying</i>	Lexical borrowings from Russian to Chinese: Historical aspect (based on the Chinese Dictionary of Borrowed Words by Liu Zhengyan, Gao Mingkai, Mai Yongqian, Shi Youwei, 1984)	112
<i>Our authors</i>		124

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 2, No 2, 2016.
Издательство АмГУ.

Подписано к печати 24.06.16. Редактор – С. В. Андросова.
Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 14,88. Тираж 500. Заказ 729.
Отпечатано в типографии АмГУ.